

Автор бестселлеров из списка
New York Times

КРИСТИНА ЛОРЕН

18+

ПРЕКРАСНЫЙ СЕКРЕТ

страсть, дерзость, любовь

Annotation

Руби Миллер потрясена: ее отправляют в командировку в Нью-Йорк. Не то чтобы Руби сомневалась в себе – она один из самых блестящих молодых инженеров Лондона, просто ей предстоит целый месяц работать бок о бок и жить в одном отеле с Найлом Стеллой, главным проектировщиком компании и самым горячим мужчиной на свете. Руби влюблена в Найла по уши, но убеждена, что он и не подозревает о ее существовании. Впрочем, флирт во время совместного полета быстро это исправляет. Недавно разведенный Найл всегда держит себя в рамках и утверждает, что с женщинами у него не ладится. Но даже ему ясно, что Руби, задорная девушка родом из Калифорнии, для него как глоток свежего воздуха. Так что когда она решает помочь сексуальному британцу немного расслабиться, он даже не пытается ей помешать. В тысячах миль от Лондона им так легко крутить любовь. Но устоят ли их отношения, когда поездка подойдет к концу?

- [Кристина Лорен](#)

-
-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Кристина Лорен

Прекрасный секрет

Christina Lauren

Beautiful Secret

Печатается с разрешения издательства Gallery Books, a division of Simon & Schuster Inc., и литературного агентства Andrew Nurnberg

В оформлении обложки использована фотография

Full length portrait of a young business man standing with a hand in his pocket and looking into the camera by Viorel Sima

Используется по лицензии Shutterstock.com

Copyright © 2015 by Christina Hobbs and Lauren Billings

© Ларина Е., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор бестселлеров из списка New York Times

Перестанем ли мы когда-нибудь влюбляться в мужчин, придуманных Кристиной Лорен?

Ответ – ДА КУДА ТАМ!

Fangirlish

Кристина Лорен знает, что нам всем нужно, и в лице Найла мы встречаем очередного отменного мужчину, которого нельзя представить себе без вожделения. Очередная книга из серии «Прекрасный подонок» убедит вас в том, что внутри каждого сдержанного англичанина скрывается ненасытный зверь. Нужно только затащить его в постель.

That's Normal

Кресли:
первая строка и все, что идет следом, – для тебя

Глава 1

Руби

– Ну, я не утверждаю, что у него огромный член, но отрицать тоже не буду.

– Пиппа, – простонала я, в ужасе закрывая лицо руками. Бога ради, сейчас четверг, половина восьмого утра. Она ведь не могла уже напиться.

Я с извиняющимся видом улыбнулась удивленному мужчине, стоящему напротив нас, и пожалела, что не могу ускорить движение лифта силой мысли.

Когда я сердито взглянула на Пиппу, она произнесла одними губами: «Что?» – и подняла руки, разведя указательные пальцы примерно на фут. Прошептала:

– Висит как у коня.

От новых извинений меня спасло то, что мы остановились на четвертом этаже и лифт открылся.

– Ты понимаешь, что мы были не одни? – прошипела я, идя следом за ней по коридору и поворачивая за угол. Мы остановились около широких дверей с надписью «Ричардсон-Корбетт», выгравированной на матовом стекле.

Она подняла глаза от огромной сумки, в которой копалась в поисках ключей, и на ее правой руке звякнули браслеты. Ярко-желтая сумка Пиппы была усыпана металлическими заклепками. В ярком свете флуоресцентных ламп длинные рыжие волосы казались почти неоновыми.

Я, блондинка с бежевой сумкой-кроссбоди, чувствовала себя рядом с ней стаканчиком ванильного мороженого.

– Неужели?

– Нет! В лифте был тот парень из бухгалтерии. Мне надо будет потом туда сходить, и благодаря тебе мы будем с неловкостью смотреть друг другу в глаза, вспоминая, как ты сказала слово «член».

– Я еще сказала «висит как у коня». – Секунду она выглядела виноватой, а потом снова обратила внимание на свою сумку. – В любом случае, парням из бухгалтерии неплохо бы расслабиться. – Потом полным драматизма жестом обвела темный коридор перед нами и произнесла: – Полагаю, теперь мы с тобой в достаточно уединенном месте?

Я изобразила игривый реверанс.

– Пожалуйста, продолжай.

Она кивнула, сосредоточенно сдвинув брови.

– Имею в виду, если мыслить логически, он *должен* быть большим.

– Логически, – повторила я, сдерживая ухмылку. Мое сердце трепыхалось в груди, как бывало всегда, когда мы говорили о Найле Стелле. Рассуждения о размере его члена погубят меня окончательно.

Победоносно взмахнув рукой в воздухе, Пиппа предъявила ключи от офиса, перед тем как воткнуть самый длинный ключ в замок.

– Руби, ты видела его пальцы? Его *ступни*? Не говоря уже о том, что он ростом восемь футов.

– Шесть футов семь дюймов, – тихо поправила я. – Но величина ладони ничего не значит. – Мы закрыли за собой входную дверь и включили освещение в офисе. – Куча парней имеет большие ладони, и совершенно необязательно, что они при этом щедро одарены по части мужского достоинства.

Я последовала за Пиппой по узкому коридору в комнату с множеством столов, расположенную в дальнем углу третьего этажа. Хотя наш уголок был менее роскошен и довольно тесен, он, во всяком случае, был уютным, что очень хорошо, с учетом того что я провожу здесь за работой больше времени, чем в крошечной квартирке, которую я снимаю в Южном Лондоне.

Может быть, «Ричардсон-Корбетт Консалтинг» – одна из самых больших и самых успешных инженерных компаний в Европе, но они берут совсем мало стажеров. Закончив колледж Сан-Диего, я пришла в невероятное возбуждение, оказавшись в их числе. Приходилось перерабатывать, и деньги быстро заканчивались с учетом моего пристрастия к хорошей обуви, но эти жертвы уже начинали оправдываться: после первых трех месяцев моей стажировки наклейку с моим именем заменили на металлическую табличку с надписью «Руби Миллер», и меня переместили из чулана на втором этаже в комнатку на третьем.

Мне легко было учиться в университете, и я пережила преддипломный период без особых проблем. Но переехать через полмира и тереться локтями с самыми лучшими инженерными умами Соединенного королевства? В жизни я так не пахала. Если у меня получится хорошо закончить стажировку, место в Оксфорде в последипломной программе моей мечты у меня в кармане. И разумеется, «хорошо закончить» вовсе не предусматривает обсуждение членов топ-менеджеров в офисном лифте...

Но Пиппа разошлась.

– Помнится, я читала, что надо померить расстояние от запястья до

кончика среднего пальца... – добавила она и начала измерять свою собственную руку, чтобы проиллюстрировать свой метод. – Если это правда, твой мужик неплохо оснащен.

Я замычала, вешая плащ на крючок на двери.

– Наверное.

Пиппа бросила сумку на стул и стрельнула в меня понимающим взглядом.

– Твои попытки выглядеть незаинтересованной приводят меня в восторг. Можно подумать, ты не пялишься на его ширинку каждый раз, когда он оказывается в десяти футах от тебя.

Я попыталась изобразить негодование.

Я попыталась изобразить испуг и придумать, как возразить.

Тщетно. За последние шесть месяцев я так часто украдкой пялилась на Найла Стеллу, что если в этом мире и есть эксперт по географии его промежности, то это я.

Я убрала сумку в ящик стола и смиренно вздохнула. Похоже, мои взгляды украдкой вовсе не были такими незаметными, как я думала.

– К сожалению, я не думаю, что его ширинка когда-либо окажется в пределах моей досягаемости.

– Нет, если ты не начнешь с ним разговаривать. Послушай, как только подвернется возможность, я трахну того рыжего парня из PR-отдела. Тебе надо хотя бы *заговорить* с ним, Руби.

Но я отрицательно покачала головой, и она стукнула меня кончиком своего шарфа.

– Считай это исследовательской работой по курсу конструктивной целостности. Скажи ему, что тебе нужно измерить предел прочности его стальной балки.

Я застонала.

– Прекрасный план.

– Ну ладно, тогда с кем-то другим. С блондинчиком из отдела обработки корреспонденции. Он вечно на тебя пялится.

Я поморщилась:

– Он меня не интересуется.

– Тогда Этана из договорного отдела. Он невысокий, да, но он ладненький. И ты видела в пабе, что он вытворяет языком?

– О господи, нет. – Я обмякла на стуле под ее пристальным взглядом. – Мы правда обсуждаем эту тему? Нельзя ли притвориться, что мое страстное увлечение – чепуха?

– О нет. Тебя не интересуют другие мужчины, но при этом ты ничего

не делаешь, чтобы привлечь мистера Суперконтроль. – Она вздохнула. – Не пойми меня неправильно. Стелла офигенный, но он чересчур чопорный, разве не так?

Я провела ногтем по краю стола.

– По правде говоря, мне это нравится, – ответила я. – Он уравновешенный.

– Занудный, – возразила она.

– Сдержанный, – настойчиво сказала я. – Он как будто вышел из романа Джейн Остен. Мистер Дарси. – Я понадеялась, что так ей будет понятнее.

– Не понимаю. Мистер Дарси отвратительно вел себя с Элизабет. Зачем тебе человек, с которым столько мороки?

– Какой мороки? – спросила я. – Дарси не осыпает ее лестью и бессмысленными комплиментами. Когда он говорит, что *любит* ее, значит, так оно и есть.

Пиппа плюхнулась на стул и включила компьютер.

– Может быть, мне нравится флирт.

– Флиртовать можно с кем угодно, – возразила я. – Дарси неловок, и его трудно понять, но если он отдает тебе свое сердце, это навсегда.

– Как по мне, это очень муторно.

Я знаю, что склонна к романтике, но мысль о том, чтобы увидеть, как сдержанный герой дает себе волю: становится раскованным, жаждущим, соблазняет, – мешала мне думать о чем-то другом, когда Найл Стелла оказывался в радиусе четырех футов от меня.

Проблема заключается в том, что в его присутствии я глупею.

– Как я могу надеяться, что у нас и вправду завяжется разговор? – спросила я. Я знала, что сама я никогда бы не начала эту беседу, но было так хорошо наконец поговорить о нем с кем-то, кто его знает, а не с Лондон и Лолой, которые далеко отсюда. – Понимаешь, вот как это может получиться? Во время совещания на прошлой неделе Энтони попросил меня рассказать о данных по проекту «Даймонд Сквер», которые я анализировала, и я была звездой, пока не подняла глаза и не увидела, что рядом с Энтони стоит он. Ты знаешь, как я тяжело работала над этим проектом? Недели! Хватило одного взгляда Найла Стеллы, и моя сосредоточенность полетела к чертям.

Почему-то я не могла называть его только по имени. Найл Стелла – это был словно титул, все равно что принц Гарри или Иисус Христос.

– Я умолкла на середине предложения, – продолжила я. – Когда он рядом, я либо несу чушь, либо молчу.

Пиппа рассмеялась, потом сузила глаза и осмотрела меня с головы до пят. Взяла календарь и сделала вид, что изучает его.

– Забавно, я только что поняла, что сегодня четверг, – пропела она. – Вот почему у тебя такая сексуальная прическа и ты нацепила эту развратную мини-юбку.

Я провела рукой по растрепавшимся волосам длиной до подбородка.

– У меня всегда такая прическа.

Пиппа фыркнула. На самом деле я и правда угробила кучу времени, собираясь на работу сегодня утром, но сегодня мне нужно чувствовать себя уверенной.

По четвергам я вижу его.

Во всех остальных смыслах четверг – самый заурядный день. Список дел на этот четверг состоял из заурядных пунктов вроде полить маленький грустный фикус, который я по настоянию Лолы привезла контрабандой за пять тысяч четыреста миль из Сан-Диего в Лондон, составить предложение цены на торгах и отправить его по почте и вынести мусор. Блестящая жизнь. Но мой аутлук каждый четверг напоминал мне, что сегодня совещание инженерной группы Энтони Смита, во время которого я целый час смогу наблюдать за Найлом Стеллой, вице-президентом, директором по планированию и, черт возьми, самым сексуальным мужчиной из ныне живущих.

Если бы я только могла добавить и его в свой список дел на сегодня.

Час прайм-тайм в обществе Найла Стеллы – одновременно благословение и проклятие, потому что меня и правда интересует все, что происходит в нашей фирме, и разговоры между старшими партнерами действительно приковывают внимание. Мне двадцать три года, а не двенадцать. У меня диплом по инженерии, и когда-нибудь я стану руководителем. То, что один-единственный человек до такой степени отвлекает меня, пугало. Я не ветрена и не неуклюжа, и у меня были парни. На самом деле после переезда в Лондон у меня было больше свиданий, чем дома, ну, все дело в этих англичанах. Что еще сказать.

Но конкретно этот англичанин был за пределами досягаемости. Почти буквально: Найл Стелла – ростом больше шести с половиной футов, расслабленно элегантный, с идеально подстриженными темными волосами, пронзительными карими глазами, широкими мускулистыми плечами и такой замечательной улыбкой, что при виде ее я теряю всякое разумение.

Как гласили офисные сплетни, он закончил университет чуть ли не в пеленках и был выдающимся градостроителем. Я этого не понимала, пока

не начала работать в инженерной группе в «Ричардсон-Корбетт» и не увидела, как он делает все – от общего контроля до указаний по химическому составу бетонных присадок. В Лондоне его слово было последним, если дело касалось строительства мостов, коммерческих зданий и транспортных сетей. Мое сердце было окончательно разбито, когда посреди совещания в четверг он ушел на стройку, потому что позвонил испуганный рабочий со словами, что другая фирма плохо заложила фундамент, а бетон уже заливают. В Лондоне и правда ничего не строилось, к чему Найл Стелла не приложил бы свою руку.

Он пил чай с молоком (без сахара), сидел в огромном кабинете на четвертом этаже – далеко от меня, – не имел времени смотреть телевизор, но был фанатом «Лидс Юнайтед» до мозга костей. И хотя он вырос в Лидсе, учился он в Кембридже, а потом в Окфорде, а сейчас живет в Лондоне. И каким-то образом по пути оттуда сюда Найл Стелла выработал совершенно шикарный акцент.

Также: недавно развелся. Мое сердце с трудом могло воспринять эту информацию.

Продолжим.

Сколько раз Найл Стелла посмотрел на меня во время наших совещаний по четвергам? Двенадцать. Сколько раз мы разговаривали? Четыре. Что из этого он помнит? Ничего. Я уже шесть месяцев пытаюсь справиться со своим влечением к Найлу Стелле и совершенно уверена, что он даже не знает, что я сотрудник его фирмы, а не просто курьер.

Как ни странно, этот человек, который обычно приходит в офис раньше всех, сейчас отсутствовал. Я несколько раз проверила, выгнув шею и всматриваясь в толпу полусонных людей, входящих в конференц-зал.

Вдоль одной стены нашего конференц-зала располагались окна, выходящие на шумную улицу. Утром я успела дойти до работы, когда еще было сухо, но сейчас начал моросить дождь – обычное дело для этого города. Он выглядел безобидной дымкой, но меня уже не обманешь: три минуты на улице – и промокнешь насквозь. Хотя я выросла не в таком сухом месте, как Южная Калифорния, но я никак не могла привыкнуть к тому, что с октября по апрель лондонский воздух пропитан водой и окутывает тебя, как дождевое облако.

Весна едва началась, и маленький дворик через дорогу на Саутворк-стрит был еще печальным и голым. Мне говорили, что летом соседний ресторан выставляет здесь розовые стулья и маленькие столики. Сейчас это были просто бетон и лишенные листьев ветки деревьев, а по окоченевшей земле ветер нес коричневые листья.

Люди вокруг меня продолжали выражать недовольство погодой, открывая ноутбуки и допивая чай, и я отвернулась от окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как входят последние. Все хотели сесть рядом с Энтони Смитом – моим боссом и директором по инжинирингу, спустившимся с шестого этажа.

Энтони... что ж, он осел. Он похотливо пялится на девушек-стажеров, любит вещать и не говорит ничего искреннего. Каждое утро вторника он развлекается, со слащавой улыбочкой отпуская язвительные реплики по поводу последнего вошедшего человека, его одежды или прически, пока все остальные в свинцовом молчании наблюдали, как тот находит последнее свободное место и, опозоренный, садится.

Дверь скрипнула, и появилась она. *Эмма.*

Эмма задержалась, придерживая дверь для кого-то, кто шел за ней. Черт. *Карен.*

В коридоре слышались голоса, становившиеся громче, по мере того как люди приближались к конференц-залу. *Виктория и Джон.*

А потом настал час.

– Представление начинается, – пробормотала Пиппа, сидящая рядом со мной.

Я увидела голову Найла Стеллы, когда он показался за спиной Энтони, и возникло такое ощущение, будто из зала высосали воздух. Люди со своей болтовней утратили четкость, и остался только *он* — в темном костюме, небрежно засунувший руку в карман брюк и с нейтральным выражением лица оценивающий, кто пришел, а кто отсутствует.

Ощущение жжения в моей груди усилилось.

В Найле Стелле было что-то такое, отчего за ним хотелось наблюдать. Не потому, что он громогласный и шумный, наоборот. В нем были спокойная уверенность, в том, как он вел себя, как ожидал внимания и уважения, и чувство, что когда он молчит, он наблюдает за происходящим и все замечает.

Но только не меня.

Родом из семьи психотерапевтов, в которой не было запретных тем, я сама никогда не была молчаливой. Мой брат и даже Лола называли меня болтушкой, когда я входила в раж. Поэтому тот факт, что я не могу выдать ни единого членораздельного звука, когда Найл Стелла поблизости, совершенно необъясним. То, что я к нему чувствую, – какая-то одержимость, которая лишает меня сосредоточенности.

На самом деле ему даже не надо было посещать эти четверговые совещания; он делал это, потому что хотел убедиться, что существует

«консенсус между департаментами» и что его отдел планирования «хотя бы усвоит рабочий инженерный словарь», поскольку это была зона ответственности Найла Стеллы – координировать инженерное дело с городской политикой и с его собственным отделом планирования.

Не то чтобы я помнила все, что он когда-либо говорил на этих совещаниях.

Сегодня под угольно черный пиджак он надел голубую рубашку. Галстук представлял собой завораживающее сочетание желтого и синего, и мои глаза скользили от двойного виндзорского узла к гладкой коже над ним, выпуклости кадыка и твердому подбородку. Его обычно бесстрастный рот был изогнут в усмешке, и когда я посмотрела ему в глаза... я с ужасом поняла, что он наблюдает, как я пожираю его взглядом.

О боже.

Я уставилась на ноутбук, ничего не видя на экране от напряжения. Сквозь открытую дверь доносился все усиливающийся шквал телефонных звонков и шум принтеров, а потом кто-то закрыл дверь, сигнализируя начало совещания. И как будто мы оказались в полном вакууме.

– Мистер Стелла, – приветствовала его Карен.

Я кликнула по папке «Входящие», наострив уши в ожидании его ответа. Вдох, выдох. Вдох. Ввела пароль. Уговаривала свое сердце, чтобы оно так не колотилось.

– Карен, – наконец ответил он своим красивым спокойным глубоким голосом, и мое лицо само по себе расплылось в улыбке. Даже не в улыбке, а в широкой усмешке, как будто меня угостили огромным куском торта.

Господи, как я влипла.

Закусив щеку с внутренней стороны, я изо всех сил пыталась вернуть невозмутимое выражение лица. Судя по тому, что Пиппа толкнула меня локтем в ребра, у меня это не получалось.

Она наклонилась ко мне и прошептала:

– Полегче, детка. Это просто два слога.

Открылась дверь, и в зал с извиняющейся гримаской проскользнула Саша – еще один наш интерн.

– Простите, я опоздала, – прошептала она. Взгляд на часы на моем ноутбуке показал, что она на самом деле пришла совершенно вовремя, но Энтони, конечно, не мог так это оставить.

– Ладно, Саша, – произнес он, наблюдая, как она неловко протискивается между длинным рядом кресел и стеной к пустому месту в дальней части зала. В комнате вибрировало молчание. – Миленький свитерок. Новый? Тебе очень идет синий цвет. – Саша села, ее щеки

пылали. – Кстати, доброе утро, – добавил Энтони с широкой улыбкой.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Какой же он засранец.

Наконец началось совещание. Энтони двигался по своему списку вопросов, которые он подготовил к каждому из нас, документы передавали из рук в руки, и когда я повернулась, чтобы передать стопку бумаг человеку, сидящему справа от меня, я чуть не проглотила язык.

Найл Стелла сидел через два кресла от меня.

Я взглянула на него из-под ресниц, вбирая глазами его подбородок, всегда идеально выбритый, никакого намека на щетину, его глаза с густыми ресницами и идеальной формы темные брови, безупречную рубашку и галстук. В тусклом свете конференц-зала его волосы казались такими гладкими. Я подумала, какие же они, должно быть, мягкие, и в сотый раз представила, каково это: провести по ним пальцами, притянуть его к себе и...

– Руби? Мы уже получили ответ от «Адамс и Эвери»?

Я выпрямилась и моргнула, глядя на экран ноутбука. Я как раз сидела над этим файлом вчера допоздна.

– Пока нет, – ответила я, и мой голос почти не дрожал. – Они получили наши планы, готовые к подписи. Но я свяжусь с ними, если они не позвонят сегодня до конца дня.

И да, это был на удивление внятный ответ, учитывая то, что Найл Стелла обратил на меня внимание.

Вполне довольная собой, я напечатала себе напоминалку и оперлась локтем на стол, играя с прядью волос и листая календарь.

Но что-то было не так. Я сижу в этом кресле каждую неделю в течение часа и я уверена, что ничего такого я раньше не ощущала. Какое-то давление на щеке, почти физическое ощущение чужого внимания.

Я накрутила локон на палец и небрежно глянула на Пиппу. Нет, не она.

Слегка подавшись вперед, во всяком случае, я надеялась, что со стороны мое движение выглядело именно так, я вытянула шею и посмотрела вправо. И застыла на месте.

Он все еще смотрел на меня. Найл Стелла смотрел на меня. *На самом деле* смотрел. Его светло-карие глаза встретились с моими, и это был не просто взгляд вскользь, он смотрел на меня. На его лице выражалось любопытство, как будто я – новый предмет обстановки, случайно оказавшийся в комнате.

Мое сердце понеслось вскачь, кровь запульсировала в венах. В груди будто бы что-то растаяло и потекло, и если бы сейчас начался пожар, я бы сгорела в огне, потому что я была совершенно не в состоянии

контролировать то, что происходит сейчас с моим телом.

– Найл, – обратился к нему Энтони.

Найл Стелла моргнул, перед тем как отвести взгляд от моего лица.

– Да?

– Ты не мог бы сообщить текущий статус по предложению для «Даймонд Сквер»? Я хочу, чтобы мой отдел к концу недели подготовил для отдела планирования кое-какие спецификации, но мы не знаем размеры помещения...

Я отключилась, пока Энтони по своему обыкновению формулировал длинный вопрос, который можно было бы сделать в семь раз короче.

Когда его речь подошла к концу, Найл Стелла покачал головой.

– Размеры, – повторил он и начал шуршать бумагами. – Я не уверен, что они у меня есть...

– Их должны окончательно определить сегодня утром, – ответила я вместо него и пояснила, что пропуск на территорию должны доставить не позднее, чем завтра утром. – Я попросила Александра прислать копию проекта сегодня днем.

В комнате воцарилось такое молчание, что на секунду я забеспокоилась, что оглохла.

За исключением одного человека, все уставились на меня. *О господи, что я наделала?*

Я перебила его, не подумав.

Я ответила на вопрос, который задали не мне.

Я ответила на вопрос, ответ на который *он* наверняка знал.

Я нахмурилась. Тогда почему он не ответил?

Я наклонилась вперед и взглянула на него.

– Хорошо, – сказал он. Тихо. Спокойно. Своим прекрасным голосом. Он подвинулся в кресле, взглянул мне в глаза и едва заметно благодарно улыбнулся. – Перешлешь?

Я чуть не воспарила.

– Конечно.

Он продолжал смотреть на меня, явно находясь в таком же замешательстве по поводу произошедшего, как и я, но при этом почему-то забавляясь. Я сама не могла понять, что заставило меня заговорить. Только что Найл Стелла смотрел на меня, а минуту спустя мямлил и копался в бумагах в поисках ответа на вопрос, который, я уверена, он мог бы вспомнить, если бы его разбудили посреди ночи.

Такое ощущение, что его мысли не здесь. Такого я еще не видела.

– Теперь время больших новостей, – объявил Энтони, взглянув на

пачку бумаг, перед тем как передать их дальше и встать на ноги. Я посмотрела на него, привлеченная переменной в его голосе. Энтони любил приковывать внимание всего зала, и судя по интонации, сейчас он скажет что-то важное. – Метро Нью-Йорка строилось с учетом того, что по-настоящему сильные ураганы случаются раз в сто лет. К сожалению, это не так. Катастрофы вроде урагана «Сэнди», которые, как считалось, бывают раз в столетие, начали происходить каждые несколько лет. США тратят миллиарды, говорят о том, что надо поднять входы в метро и установить шлюзы, и с учетом того, что мы вели обширные работы в лондонском метро, они хотят, чтобы мы поделились опытом. Поэтому я на месяц уезжаю на международный саммит по подготовке к чрезвычайным ситуациям в общественном транспорте, воздушных перевозках и городской инфраструктуре.

– На месяц? – уточнила старший инженер, озвучивая мысли всех присутствующих. Я задумалась, кто-то еще, кроме меня, обрадовался при мысли о том, что кабинет Энтони так долго будет пустовать.

Энтони кивнул в ее сторону.

– Будут проходить три отдельных саммита. Не все приглашенные остаются на весь срок, но с учетом того, что наша компания специализируется и на общественном транспорте, и на городской инфраструктуре, Ричард решил, что мы должны быть там.

– Мы? – переспросил кто-то из топ-менеджеров департамента Найла Стеллы.

– Верно, – сказал Энтони, склонив голову набок. – Найл поедет со мной.

– Вас обоих не будет целый месяц? – выпалила я, тут же пожалев о своих словах. Я же стажер. Одним из негласных правил Энтони было то, что мы не говорим на этих совещаниях, пока нам не зададут прямой вопрос. Я снова почувствовала тяжесть взглядов присутствующих. И что еще хуже, я чувствовала на себе его испытующий взгляд.

– Э-э, да, Руби, – ответил несколько сконфуженный Энтони. Он обошел свое кресло и приблизился ко мне, засунув руки в карманы. – Но не волнуйся, я знаю, что твой проект «Оксфорд-стрит» близится к концу, и мое отсутствие не повлияет на его завершение. Если тебе что-то будет нужно от меня, ты всегда можешь позвонить мне.

– О, – сказала я, чувствуя, как отступает жар от моего лица, – хорошо, спасибо. – Естественно, Энтони подумал, что я не сдержалась, потому что беспокоюсь из-за его отъезда, он же мой босс, и из-за того, что его отсутствие может как-то сказаться на моей работе.

– Ловко, – заметила Пиппа, постукивая длинными овальными ногтями по клавиатуре.

– Заткнись, – простонала я, обмякнув в кресле.

Я не знала, смотрит ли еще на меня Найл Стелла, и двенадцатилетняя девочка внутри меня хотела затащить Пиппу в женский туалет и обсудить всю эту сцену секунда за секундой.

Но я знала, что это будет ошибкой. Он впервые обратил на меня внимание, а я веду себя как дура. Я не переживу, если она скажет, что он смотрел на меня с таким видом, будто я пролила сливки на его сшитый на заказ костюм.

Вот бы вернуться в то время, когда он не знал о моем существовании.

Конец дня застал меня за нашим длинным общим столом, когда я сортировала пропуска. Моя диетическая кола нагрелась, и я считала минуты до того, как смогу лечь в горячую ванну с любовным романом, когда мой ноутбук пискнул, отмечая приход письма.

– Наконец, – вздохнула я. Я жду этого подтверждения весь день. Наконец-то я смогу пойти домой.

Или нет.

Рядом со мной зевнула и потянулась Пиппа. Уже стемнело, по пути до метро мы замерзнем и промокнем.

– Можем идти?

Мои плечи опустились.

– Это имейл от Энтони, – сказала я, хмуро глядя на экран. – Он хочет, чтобы я зашла в его кабинет перед уходом. Могу придумать сотню других занятий, которые мне больше по вкусу.

– Что? – сказала она, наклоняясь к моему ноутбуку. – Чего ему надо?

Я покачала головой.

– Понятия не имею.

– Разве у него нет часов? Мы должны были уйти двадцать минут назад.

Я быстро напечатала ответ и начала собираться на выход.

– Подождешь меня? – спросила я Пиппу.

Закрывая ящик, она печально взглянула на меня.

– Я тороплюсь, прости, Руби. Я ждала, сколько могла, но у меня куча дел.

Я кивнула, испытывая неловкость при мысли о том, что остаюсь так поздно одна в офисе наедине с Энтони.

По пустым коридорам я дошла до лифту и поехала на седьмой этаж.

– Руби, Руби, входи, – сказал он, прерываясь в процессе складывания вещей в коробку. *Его что, уволили? Смею ли я надеяться?* – Закрой дверь и присаживайся.

Я не смогла сдержать недовольную гримасу.

– Но никого нет, – ответила я, оставив дверь открытой.

– Почему твои родители называли тебя Руби? – спросил он, внимательно рассматривая мое лицо.

Я нахмурилась еще сильнее. Что?

– М-м, на самом деле не знаю. Думаю, им просто нравилось это имя.

Энтони придерживался нескольких старых деловых правил, одно из которых заключалось в том, что на столике рядом с его рабочим местом всегда стоял хрустальный графин со скотчем. Он пил?

– Я тебе когда-нибудь говорил, что мою бабушку звали Руби?

Я уставилась на скотч, пытаюсь вспомнить, на каком уровне он был, когда я последний раз сюда приходила.

Энтони обошел свой стол и сел на угол рядом со мной. Его бедро прижалось к моей руке, и я отодвинулась.

– Нет, сэр. Не говорили.

– Нет-нет, не называй меня «сэр», – отмахнулся он. – Мне начинает казаться, что я твой отец. Зови меня Энтони.

– Хорошо. Простите... Энтони.

– Я не твой отец, знаешь ли, – сказал он, подавшись на мне. Повисла многозначительная пауза. – Недостаточно стар для этого.

Я попыталась скрыть охватившую меня дрожь. Почти уверена, что если бы это было возможно, Энтони бы в буквальном смысле просочился под стол, растекся лужей у моих ног. И заглянул бы мне под юбку.

– Но я позвал тебя не для этого. – Он выпрямился и взял папку из стопки документов на столе. – Я позвал тебя, потому что в наших планах есть кое-какие изменения.

– Да?

– Кое-что произошло, поэтому я не еду в Нью-Йорк.

А мне какое дело? Он что, правда думает, будто я до такой степени волнуюсь, что ему нужно лично меня об этом проинформировать?

Я сглотнула, пытаюсь изобразить заинтересованность.

– Нет?

– Нет, – подтвердил он, улыбаясь с видом, который должен был выражать великодушие и снисходительность. – Едешь ты.

Глава 2

Найл

Я зажал телефон между ухом и плечом и аккуратно выровнял стопку бумаг.

– Ясно.

На линии слышалось потрескивание статического электричества.

– Ясно? – повторила Порция придушенным голосом. – Да ты хотя бы слушаешь?

Неужели она всегда была со мной так нетерпелива?

Грустно, но, думаю да.

– Разумеется, я слушаю. Ты говорила мне, что прикована к дому. Но я не вижу, чем я могу тебе помочь, Порция.

– Мы же договаривались, Найл. Ты разрешил мне оставить пса, если я буду отдавать его тебе на время поездок. Я уезжаю в отпуск, и мне надо, чтобы ты за ним присмотрел. Но если тебе это сложно... – Голос Порции смолк, но эхо сочилось по телефонной линии, словно кислота, капающая на металл.

– В обычных обстоятельствах мне несложно взять к себе Дейви, – спокойно ответил я. Всегда спокойный, всегда терпеливый, даже когда мы обсуждаем, кто присмотрит за ее питомцем, пока она будет на Майорке снимать стресс от развода. – Проблема в том, что меня не будет в стране, любимая.

Я проглотил ругательство и поморщился.

Любимая. После почти шестнадцати лет совместной жизни некоторые привычки умирают с трудом.

В ответ она молчала, и это молчание можно было резать ножом. Два года назад тишина на том конце линии привела бы меня в панику. Год назад у меня бы заболел живот.

А сейчас, через девять месяцев после того как я съехал из нашего дома, ее сердитое молчание просто утомляло.

Я взглянул на кучу неотвеченных имейлов в почтовом ящике, на стопку контрактов на столе, а потом на часы, сказавшие мне, что уже давно пора закругляться. Небо за окном потемнело. Дома надо будет собрать чемоданы для Нью-Йорка, и я не успею разобраться с делами.

– Порция, прости. Мне правда надо идти. Мне жаль, но я не могу взять

пса на следующей неделе.

– Хорошо. – Она вздохнула. – Прикована.

Несколько секунд, после того как она повесила трубку, я смотрел на стол и чувствовал слабую тошноту, а потом отложил мобильник. Едва я успел перевести дух, как дверь в кабинет открылась и вошел Тони.

– Плохие новости, приятель.

Я взглянул на него, вопросительно приподняв брови.

– У моей жены начались схватки.

У моих родственников было достаточно детей, чтобы я мог понять, что еще очень рано.

– С ней все в порядке?

Он пожал плечами.

– Ее приговорили к постельному режиму до появления ребенка. Так что я остаюсь в Лондоне.

Меня охватило облегчение. Тони хороший сотрудник, но деловые поездки в его обществе, как правило, означали подходы в стрип-клубы, а это было последним, чем мне хотелось заниматься месяц в Нью-Йорке.

Тони покачал головою.

– Я отправляю Руби.

Несколько секунд я соображал, кого он имеет в виду. «Ричардсон-Корбетт» не была крупной фирмой, но Тони нанимал столько молодых симпатичных стажеров, сколько позволял бюджет. Сейчас в его команде их было несколько, и я никак не мог их запомнить.

– Брюнетку из Эссекса?

На его лице явно выразились разочарование и зависть.

– Нет, очаровашку из Калифорнии.

О. Я понял, кого он имеет в виду. Ту, которая пришла мне на помощь сегодня, когда на меня напал не свойственный мне ступор.

Забавно, но отвлекла меня именно она. Она красotka.

Увы...

– Это которая переживала, что ты уедешь на месяц?

Мне показалось, что голова Тони аж увеличилась в размере, и он гордо улыбнулся:

– Точно.

– Неужели нужно посылать кого-то еще? – поинтересовался я. – Большая часть совещаний все равно будет посвящена логистике. Инженер не так нужен.

– Ну ты идиот. Уверен, что ты можешь брать ее с собой в бары смотреть на сиськи.

Я застонал про себя.

– Это не...

– И кроме того, – перебил он меня, – она такая секси. Может, тебе и не надо будет ходить по стрип-клубам, если ты приберешь Руби к рукам. Длинные ноги, классные сиськи, красивое лицо.

– Тони, – спокойно сказал я. – Я не собираюсь «прибирать к рукам» стажера.

– Может, тебе стоило бы. Если бы я не был связан по рукам и ногам, я бы точно это сделал. – Он умолк, и я попытался скрыть отвращение, вызванное тем, что его, похоже, больше волновала невозможность трахнуть Руби, чем то, что у его жены начались преждевременные роды. – Когда ты последний раз с кем-то встречался?

Я моргнул в ответ на его вызывающий вопрос и перевел взгляд на стол. Я ни с кем не встречался с момента развода, и если не считать одноразовой истории в пабе несколько недель назад, уже забыл, когда последний раз был с женщиной.

– Ладно, значит, ты остаешься здесь. – Я сменил тему. – А Руби едет в Нью-Йорк. Ты уже обсудил с ней план мероприятий?

– Я сказал, что главное мероприятие – это ты. Ходить с тобой по барам и развлекаться.

Я со стоном провел рукой по лицу.

– Черт побери.

Он рассмеялся, развернулся и пошел к выходу.

– Разумеется, я выдал ей план мероприятий. Я просто дразню тебя. Она хороша, Найл. Может впечатлить даже такого, как ты.

Я был в лифте и собирался домой, когда вошла Руби, едва успев до того, как закроются двери. Наши глаза встретились, я хрипло кашлянул, она задержала дыхание... и мысль о том, чтобы ехать вниз в напряженном молчании, показалась ужасной.

Лифт двигался слишком медленно.

Тишина давила.

Мы собираемся вместе ехать в командировку, и глядя на нее, молодую, энергичную и, это правда, нереально красивую, я подумал, что нам придется разговаривать, проводить время друг с другом, а есть мало вещей в этом мире, которые у меня получаются хуже, чем разговаривать с женщинами.

Она открыла рот, собираясь заговорить, но передумала. Когда она посмотрела на меня, а я взглянул на нее в ответ, она отвела глаза. Как

только двери лифта распахнулись в вестибюле, я жестом предложил ей выйти первой, но вместо этого она чуть не прокричала:

– Кажется, мы едем вместе!

– Верно, – ответил я с застывшей улыбкой.

Пытайся, Найл. Попытайся перестать вести себя как робот хотя во время одного разговора.

Но нет. Мой мозг был как решето: из него высыпались все общепринятые любезности. А она все никак не выходила из лифта.

Надо покончить с этим. Я совершенно не пригоден для светской болтовни, а вблизи она еще более привлекательна, чем я думал. На несколько дюймов ниже меня, но вовсе не маленькая, гибкая и ладная, с короткими, игриво растрепавшимися золотистыми волосами, загорелыми щеками... и идеально красивым ртом.

Руби и правда шикарна. Непонятно почему я задержал дыхание.

Она пожала плечами и улыбнулась.

– Я родом из Соединенных Штатов, но я никогда не была в Нью-Йорке. Так что я очень рада.

– А... Да. – Я попытался придумать подходящий ответ и, осмотревшись по сторонам, выдавил: – Хорошо.

Я мысленно застонал. Плохо даже для меня.

Ее глаза были огромными, зелеными и такими ясными, что я по одному взгляду понял, что она не очень хорошая лгунья: вся ее душа читалась в этих глазах, а сейчас она очень волновалась.

Я вице-президент этой фирмы. Неудивительно, что она нервничает в моем обществе.

– Мы встретимся утром в аэропорту в понедельник? – спросила она, отводя взгляд. Облизала губы, и я сосредоточил внимание на точке посередине ее лба.

– Да, думаю, да, – начал было я и умолк. Мне надо организовать машину для нас обоих? Господи, если три минуты в лифте оказались такими тяжелыми, как я переживу сорокапятиминутное путешествие в Хитроу в замкнутом пространстве? – Если только...

– Я не...

– Ты...

– Ой простите, – сказала она, покраснев. – Я вас перебила. Продолжайте.

Я вздохнул.

– Пожалуйста, продолжай.

Конец света. Я так хотел, чтобы она просто отодвинулась и дала мне

пройти. Или чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

– Я могу встретить вас в аэропорту. – Она поправила ручку сумки и непонятно зажестикеровала. – У гейта, имею в виду. Это очень рано, вам не надо...

– Я и не буду... То есть я не стал бы...

Она непонимающе моргнула, смутившись, что неудивительно. Я совсем утратил нить нашего разговора.

– Хорошо. Да. Конечно... вы не стали бы...

Я взглянул за ее спину, где меня ждала благословенная свобода, а потом снова посмотрел на нее.

– Хорошо.

Дверь лифта зажуужжала, но я придержал ее, и это звуковое сопровождение отлично сочеталось с самым нелепым разговором из всех возможных.

– Увидимся в понедельник. – Ее голос нервно подрагивал, а у меня на затылке проступил пот. – С нетерпением этого жду, – договорила она.

– Да. Хорошо.

Наклонив голову и мило покраснев, она вышла из лифта.

Мой взгляд ненамеренно скользнул следом за ней, остановившись на ее попе. Круглая, высокая, подчеркнутая гладкой темной юбкой. Я мог представить этот изгиб в своей ладони и все еще чувствовал исходящий от Руби запах розовой воды.

Я вышел в темный вестибюль и пошел следом за ней к выходу. Мои мысли сами по себе сосредоточились на том, как ее грудь будет ощущаться в моих ладонях, как ее губы прильнут к моим губам, как я проведу руками по ее попе. Я неплох в постели, так ведь? И хотя Порция каждый раз делала мне одолжение, занимаясь сексом, она всегда получала удовольствие...

Эта вспышка неконтролируемого интереса умерла, когда на лестнице появился Тони. Он подмигнул и поднял брови, бормоча себе под нос: «Сексуальная штучка», когда Руби завернула за угол. Вместо этого я ощутил приступ стыда за то, что позволил его предложениям укорениться в моем мозгу.

Я вырос в доме, где жили двенадцать человек, и летали мы нечасто. Как-то раз нас, нескольких детей, отвезли в Ирландию, а однажды, когда дома оставались только я и Ребекка, мамам и папа взяли нас в Рим посмотреть на папу римского, и во время сборов весь дом стоял на ушах. У нас были воскресные наряды – не такие шикарные, как те, которые мы надевали на рождественскую мессу, но все это не шло ни в какое сравнение

с тем, как нас одевали для перелета. Старые привычки трудно ломать, даже когда наряжаться приходится еще до восхода солнца, так что в половину пятого утра я приехал в Хитроу, одетый в костюм.

В отличие от меня Руби примчалась в последний момент, когда началась посадка и я уже паниковал, – в розовой флиске с капюшоном, черных спортивных штанах и ярко-голубых кроссовках. Я видел, как люди в толпе обращают на нее внимание. Не знаю, заметила ли это сама Руби, но почти все мужчины и многие женщины смотрели на нее, пока она шла к гейту.

Небрежно одетая и свежая, она покраснелась с дороги и приоткрыла пухлые розовые губы, переводя дух.

Наткнувшись на меня, она замерла, и ее глаза стали размером с чайные блюдца.

– Черт. – Она прикрыла рот рукой и пробормотала: – Вот дерьмо. У нас что, встреча сразу после приземления? – Она начала копаться в телефоне. – Я выучила расписание и готова поклясться...

Я сдвинул брови. Она выучила наше расписание?

– Я... вы слишком официально одеты для самолета. Чувствую себя бомжом рядом с вами.

Я задумался, чувствовать ли себя польщенным или оскорбленным.

– Ты не похожа на бомжа.

Она застонала, закрыв лицо руками.

– Это длинный перелет. Я думала, мы будем спать.

Я вежливо улыбнулся, хотя мысль о том, чтобы спать рядом с ней в самолете, вызвала странное тянущее чувство в животе.

– Мне надо поработать до приземления. Так что я оделся соответственно.

Я сомневался, кто из нас неправильно выбрал одежду для путешествия, но глядя на остальных пассажиров, я начал понимать, что это я.

Бросив последний подозрительный взгляд на мой костюм, она отвернулась и пошла по проходу самолета к нашим местам. Убрала свою сумку на полку. Я изо всех сил старался не глазеть на ее зад... напрасно.

Господи боже мой. Он потрясающий.

Ничего не заметив, она повернулась ко мне, и я как раз вовремя успел поднять взгляд и посмотреть ей в лицо.

– Хотите сидеть у окна или в проходе? – спросила она.

– Все равно.

Я снял пиджак и передал его стюардессе, наблюдая, как Руби

проскользнула к окну и убрала айпад и книгу, оставив при себе только маленькую записную книжку.

Мы сели, посадка еще продолжалась, а между нами уже повисло тягостное молчание. Господи. Нам предстоит не только лететь шесть часов, но и провести четыре недели вместе в Нью-Йорке на саммите.

Четыре недели. Мне поплохело.

Наверное, я мог бы спросить, нравится ли ей в «Ричардсон-Корбетт» или как долго она живет в Лондоне. Она не в моем подчинении, но она работает у Тони, поэтому я не сомневаюсь... что это нескучно. Я мог бы спросить, где она выросла, хотя Тони мне говорил, что в Калифорнии. По крайней мере, это могло бы растопить лед.

Но тогда нам придется поддерживать разговор, а это ни к чему хорошему не приведет. Лучше оставить все как есть.

– Желаете напитки перед взлетом? – спросила стюардесса, раскладывая салфетку на моем столике.

Я уступил право выбора Руби, и она придвинулась ближе, обращаясь к стюардессе. Ее грудь прижалась к моей руке, и я оцепенел, изо всех сил стараясь не шевелиться.

– Шампанского, пожалуйста, – сказала Руби.

Стюардесса неловко улыбнулась и кивнула. Судя по всему, шампанское – не самый обычный напиток, который они разливают до пяти утра. Затем она повернулась ко мне.

– Я... – я замялся. Тоже заказать шампанское, чтобы она не чувствовала себя так неловко? Или соблюсти рабочие приличия и попросить грейпфрутовый сок, как я собирался изначально? – Что ж, полагаю, если это не очень сложно, я бы тоже...

Руби подняла руку.

– Я пошутила. Простите! Глупая шутка. – Она закрыла глаза и застонала. – Я буду апельсиновый сок.

Я обменялся недоумевающими взглядами со стюардессой и сказал:

– Мне грейпфрутовый, пожалуйста.

Приняв заказ, стюардесса ушла, а Руби повернулась ко мне. Что-то в ее лице, искренность и беззащитность в глазах... вызвали у меня желание заботиться о ней, совершенно мне несвойственное.

Она моргнула и с таким напряжением уставилась на свой столик, что я испугался, что он сейчас треснет под ее взглядом.

– Все хорошо? – спросил я.

– Просто... извините. И да. Я... – Она помолчала и снова заговорила: – Я не собиралась заказывать шампанское. Вы и правда так подумали?

– Ну... – Она же все-таки заказала его, хоть и в шутку. – Нет? – Я понадеялся, что это правильный ответ.

– Дурацкая шуточка, – прошептала она, отмахиваясь. – Я вечно веду себя как идиотка рядом с вами.

– Только со мной?

Она поникла, и я понял, как это прозвучало.

– Нет... Я... не понимаю, что ты имеешь в виду. Я никогда не видел, чтобы ты вела себя как идиотка.

– В лифте?

Улыбаясь, я признал:

– Да.

– И прямо сейчас?

Что-то внутри меня шевельнулось.

– Я могу чем-нибудь помочь тебе?

Она моргнула в ответ, и в ее взгляде промелькнула едва уловимая нежность. А потом она опять моргнула, встряхнула головой, и все исчезло.

– Все хорошо. Просто нервничаю из-за командировки с директором по стратегии и все такое.

Желая помочь ей расслабиться, я спросил:

– Где ты проходила дипломную практику?

Она сделала глубокий вдох и повернула лицо ко мне.

– В «ЮС Сан-Диего».

– Инженерия?

– Да. С Эмилем Санторини.

Я приподнял брови.

– Непростой человек.

Она заулыбалась.

– Он потрясающий.

Мне стало весьма интересно.

– О нем так отзываются только блестящие студенты.

– «Сделай прорыв или вылетишь», – сказала она, пожав плечами и с широкой улыбкой принимая апельсиновый сок из рук стюардессы. – Так он сказал нам в первую же неделю в лаборатории. И оказался прав. В начале нас было трое. К первому же Рождеству я осталась одна.

– Почему ты приехала в Лондон? – спросил я, догадываясь, какой ответ услышу.

– Надеюсь попасть в программу по городской инженерии. Меня уже взяли на общее машиностроение, но я еще не получила вестей от Маргарет Шеффилд и не знаю, попала ли я в ее группу.

– Она принимает решение только в начале семестра. Если мне не изменяет память, студенты от этого с ума сходили.

– Мы, инженеры, любим календари, Эксель и планы. Мы не самые терпеливые ребята.

Я улыбнулся.

– Как я и сказал. С ума сходите.

Она закусила губу, потом улыбнулась.

– Но вы у нее не учились.

– Официально нет, но она была моим руководителем в большей степени, чем мой настоящий наставник.

– Сколько времени прошло после того, как вы получили диплом, и до ухода Петерсена на пенсию?

Я удивился. Что она знает о моем факультете? Обо мне?

– Полагаю, ты уже знаешь ответ на этот вопрос.

Она глотнула сок и тихо произнесла с извиняющимся видом:

– Я знаю, что вы были его последним студентом, но мне просто интересно знать, насколько это было плохо.

– Ужасно, – признался я. – Он был алкоголиком и даже хуже – отвратительным человеком. Но это было почти десять лет назад. Ты была ребенком. Откуда ты все это знаешь?

Она слегка поджала губы, и я почувствовал, как по моей коже распространяется тепло. Господи. Какая она красивая.

– Один ответ заключается в том, – улыбаясь, начала она, – что на втором курсе я узнала о работах Маргарет Шеффилд, когда нам устроили экскурсию в один из домов ее постройки. Я была одержима желанием поучиться у нее, пока она не ушла на пенсию. Когда я спросила Эмиля насчет нее, он кое-что рассказал и о вашем факультете. – Пожав плечами, она добавила: – И я слышала несколько историй о Петерсене.

Я склонил голову набок, задумавшись, какие из старых историй до сих пор живы.

– Он бросил бутылку в студента? – спросила она.

А. Эта легенда не умрет никогда.

– Да, но не в меня. Самое худшее, что мне доставалось, – это словесные оскорбления.

Руби с облегчением кивнула.

Она сказала, что это «один ответ».

– А другой ответ? – поинтересовался я.

Несколько секунд она смотрела в окно, перед тем как ответить.

– Я оказалась в «Р-К» и узнала, что вы учились в Оксфорде. И

подумала, не были ли вы в программе Мэгги. Оказалось, что нет... но я все равно кое-что о вас узнала.

В ее словах был какой-то подтекст, и на миг я подумал, что мне понятен ее недавний нежный взгляд. Но потом она снова ко мне повернулась с блуждающей улыбкой на губах.

– Вы удивитесь, как много можно узнать, просто держа ушки на макушке.

– Просвети меня.

Сев прямо, она начала:

– Вы пришли из лондонского метро и организовали департамент городского планирования. Вы учились в Кембридже, потом получали последипломное образование в Оксфорде и стали самым молодым топ-менеджером в истории метро. – Руби робко улыбнулась мне. – Вы чуть не переехали в Нью-Йорк работать в «МТА», но отказались и пришли в «Р-К».

Приподняв бровь, я пробормотал:

– Впечатляет. Что еще ты знаешь?

Она отвела глаза и вспыхнула.

– Вы выросли в Лидсе. Были звездой футбольной команды в Кембридже.

Она выяснила все это вчера вечером? Или еще раньше, до того, как узнала о командировке? И какой ответ я бы предпочел? Подозреваю, мне это известно.

– Что еще?

Поколебавшись, она добавила:

– Вы водите «Форд Фиесту», и как по мне, это очень забавно, с учетом того, что вы зарабатываете, наверное, больше, чем королева английская, плюс вы известны как стойкий приверженец общественного транспорта, но никогда им не пользуетесь. Еще? Не знаю, как вы умещаетесь в «Форд Фиесту». И вы недавно развелись.

Я сжал челюсти, и мое веселье по поводу ее исследований быстро улетучилось.

– Можно было бы предположить, что такие подробности не обсуждаются на работе и не являются достоянием широкой общественности в интернете.

– Простите. – Руби поморщилась, и я увидел, как она съежилась на своем сиденье. – Я забыла, что не все выросли в семье двух психотерапевтов. Не все мы – открытые книги.

– Мне хочется задать вопрос, как ты узнала о моем разводе, но полагаю, что офисная болтовня...

– Я думаю, что когда я пришла, как раз все это происходило и люди говорили... – Она выпрямилась и взглянула на меня широко распахнутыми извиняющимися глазами. – Но сейчас это не тема для обсуждения, правда.

Могу себе представить, до какой степени я был не в духе, когда Руби пришла к нам на работу. К тому времени Порция так достала меня своими драматическими выступлениями, что мне хотелось спрятаться. Я решил сменить тему:

– У тебя есть братья или сестры или ты одна у своих психотерапевтов?

– Брат, – ответила она и глотнула сока. – А у вас?

– Что? Хочешь сказать, ты не в курсе?

Она рассмеялась, но выглядела при этом смущенной.

– Если бы я попыталась разузнать и такие подробности... это уже пахивало бы stalkingом.

Подмигнув, я произнес:

– Может быть.

Она выжидающе смотрела на меня, и когда самолет начал ускоряться перед взлетом, я заметил, что она вцепилась в ручки кресла. Она дрожала.

Болтовня казалась хорошим способом отвлечь ее.

– На самом деле у меня девять братьев и сестер, – сказал я.

Она подалась ко мне, и у нее отвисла челюсть.

– Девять?

Я настолько привык к подобной реакции, что даже не моргнул.

– Семь сестер и два брата, а я предпоследний.

Ее лоб нахмурился, пока она переваривала эту информацию.

– Мой дом был таким тихим и спокойным... Не могу себе представить ваше детство.

Рассмеявшись, я заметил:

– Поверь мне, ты не сможешь.

– Восемь старших братьев и сестер, – пробормотала она сама себе. – Наверняка временами это все равно что иметь восемь родителей.

– Временами да, – признал я. – Мой старший брат Дэниел был миротворцем. Держал нас всех в узде. Думаю, что тот факт, что девочек было больше, чем мальчиков, тоже способствовал миру. Как правило, мы вели себя довольно прилично. Главным шалуном был мой брат Макс, но ему все сходило с рук, потому что он был милашкой. По крайней мере, он это так преподносит. Я был спокойным ботаником. Довольно скучным.

Секунду она сидела неподвижно, наблюдая за мной, потом попросила:

– Расскажите еще.

Я откинул голову на спинку кресла и глубоко вдохнул, успокаиваясь.

Прошли годы с тех пор, как я последний раз так непринужденно болтал с какой-то женщиной, кроме Порции, сестры или жены друга. Она проявляла искренний интерес и давала мне чувство уверенности, которое я очень давно не испытывал.

– Обычно мы все делали вместе. Организовывали рок-группу. Решали написать детскую книжку. Однажды мы разрисовали стенку дома пальчиковыми красками.

– Не могу себе представить вас и пальчиковые краски.

Я с преувеличенным драматизмом пожал плечам и улыбнулся в ответ на ее радостный смех. В ее глазах что-то было, какое-то облегчение, отчего я начинал испытывать к ней нежность.

Я продолжил совершенно несвойственную мне болтовню, но она слушала меня очень внимательно, задавая вопросы о Максе, о моей сестре Ребекке, о наших родителях. Она интересовалась моей жизнью за пределами работы, так что когда я с дразнящей улыбкой сказал, что ей уже известно о разводе, она спросила, как мы познакомились с бывшей женой. Как ни странно, это казалось совершенно естественным – рассказать, что мы с Порцией познакомились, когда нам было по десять лет, влюбились друг в друга в четырнадцать и поцеловались в шестнадцать.

Я только умолчал о том, что магия начала исчезать три года спустя, в день нашей свадьбы.

– Наверное, это так странно – быть с кем-то столько лет и потом увидеть, как это заканчивается, – тихо произнесла она, отвернувшись к окну. – Даже не могу себе это представить. – Челка упала ей на глаза; в аккуратном ухе блестела маленькая бриллиантовая сережка. Оглянувшись, она продолжила: – Мне очень жаль, что люди в офисе обсуждали эту тему. Должно быть, это такое вмешательство в личную жизнь.

Я отвел взгляд и промолчал. Любой возможный ответ был бы слишком личным.

Это не странно, и наверное, в этом и заключается самая большая странность.

Я так давно одинок. Почему именно сейчас это меня так беспокоит?

Я никогда не думал, что буду разговаривать на эту тему, и тем не менее. Хочешь, спроси меня еще.

Но через некоторое время молчание стало неловким. Но я видел, что она смотрит в окно, расслабленная и спокойная, и с облегчением понял, что неловкость испытываю только я. Напряжение отпустило меня. Что-то в ней действовало на меня успокаивающе.

С удивлением я подумал, как мне нравится ее общество.

Через некоторое время Руби уснула. Ее тело медленно клонилось в мою сторону, и наконец голова опустилась мне на плечо. Я повернулся, уговаривая себя, что просто хочу посмотреть в окно, но на самом деле воспользовался возможностью вдохнуть легкий цветочный аромат, исходящий от ее волос. Вблизи ее кожа была идеальна. Светлая, с россыпью веснушек на носу, чистая и прекрасная. Губы влажные, ресницы темные.

В руке она сжимала маленькую фирменную записную книжку «Ричардсон-Корбетт» и ручку. Я аккуратно высвободил их из ее хватки и – вопреки своим лучшим порывам – не сдержал любопытство и открыл записную книжку. На первой странице было что-то вроде рабочих заметок. Наше расписание, ссылки на инженерные фирмы и проекты в наших краях, список людей, с которыми она хочет встретиться в Нью-Йорке, и заметки на тему, как она может использовать эту конференцию для составления тезисов для Маргарет Шеффилд. Судя по всему, она тщательно записала все, что говорил ей Тони.

Внизу аккуратным почерком она написала:

Пункт № 1: Не веди себя как идиотка рядом с Найлом Стеллой. Не пялься на него, не мямли и не молчи. Ты справишься. Он человек.

Только тогда мне пришло в голову, что эта записная книжка – скорее всего, дневник, а не рабочая тетрадь. Она так беспокоилась по поводу путешествия с вице-президентом, что сделала себе эту напоминалку.

Вернув тетрадь на место, я закрыл глаза и наклонил голову к ней, молча извиняясь за нарушение ее пространства.

Мне снилось, как она прижимается к моей обнаженной груди и целует меня, а ее губы на вкус как шампанское.

Глава 3

Руби

Я проснулась от звука голоса стюардессы, объявляющей, что мы скоро совершим посадку в Нью-Йорке.

Я открыла глаза и тут же поморщилась. Прямо в лицо мне дула струя холодного сухого воздуха, а где-то сзади гудел двигатель. В кресле было неудобно, не говоря уже о том, что мне ужасно хотелось в туалет, но почему-то...

Мне было так уютно. Рядом было кто-то теплый, твердый и вкусно пахнущий и...

Я резко выпрямилась, отстраняясь от руки Найла Стеллы. О господи! Я что, и правда закинула ногу ему на колено?

Мало мне было лифта, теперь еще и это? О господи? Неужели в прошлой жизни я ударила щенка или совершила еще какой грех? За что мне это наказание?

Я осторожно отодвинулась от него и осмотрелась, осознавая, что понятия не имею, который час. В салоне было темно, и я заметила, что большинство пассажиров спят, загораживая свет, падающий в иллюминаторы. Пригладив волосы, я потянулась и попыталась расслабить затекшие мышцы. Шея пройдет, но с туалетом надо что-то делать. Скорее раньше, чем позже.

Я откинулась на спинку кресла, положив влажные ладони на колени, и попыталась понять, что происходит. Вчера Найл Стелла не знал о моем существовании. Сегодня я лечу в Нью-Йорк чуть ли не в его объятиях. За сутки Руби-Миллер-тайная-поклонница превратилась в Руби-Миллер-компаньонку-в-международной-поездке.

Не говоря уже о том, что я спала на нем, а кое-какие его части тела спали на мне.

Он не пошевелился. Это плохо, если подумать о туалете, но прекрасно, потому что когда еще мне представится такая возможность? Если не считать еженедельного часового совещания, я ни разу не имела возможности рассмотреть его поближе. На встречах нас всегда окружали другие люди, либо мы быстро проходили мимо друг друга в коридоре. Один раз я стояла за ним в очереди в буфет во время корпоративной вечеринки, но все, что мне тогда досталось, – шикарный вид его задницы в

брюках. Но я не жалею. Найл Стелла играл в американский футбол и каждую субботу ходил в гребной клуб на Темзе. Его задница входила в десятку моих любимых частей тела Найла Стеллы (но первое место пока оставалось вакантным).

А сейчас я была так близко, что могла сосчитать его ресницы. Примерно этим я и занималась.

Найл Стелла был ненамного старше меня – всего лишь на семь лет, но сейчас он выглядел таким юным. На затылке его волосы пришли в легкий беспорядок, а челка падала на лоб, блестящая и мягкая. Светло-зеленая рубашка немного помялась, а на плече было какое-то темное пятно.

В том месте, где я пускала слюни.

О господи.

Я утерла лицо, ругаясь на чем свет стоит, потому что он был таким теплым и уютным и что я крепко уснула на нем и пускала слюни на его шикарный костюм, который он не поленился надеть в полпятого утра. Я аккуратно промокнула пятно, надеясь, что он ничего не заметит. Невезуха. Мало того, что это не помогло. Он еще и проснулся и обнаружил, что мое лицо находится в нескольких дюймах от него.

Я улыбнулась.

– Привет.

Он несколько раз моргнул, потом его глаза расширились, взгляд упал на салфетку в моей руке, а потом на его плечо.

– Простите, – пробормотала я и нервно хихикнула. – Я та еще соня.

Он улыбнулся, и я заметила намек на ямочки на его щеках.

– Бывает.

Мне хотелось ударить себя по щекам за мысль, которая тут же пришла мне в голову. Мне хотелось оседлать его узкие твердые бедра. Черт тебя побери, Руби. Ты что, не читала пункт № 1 в своем дневнике? *Не води себя как идиотка рядом с Найлом Стеллой.*

Он потянулся, явно не замечая, что я таю в его присутствии.

– Кажется, я тоже уснул... прости...

– О боже, нет, Все в порядке. Вы выглядели пре... – заговорила я, потом заткнулась. – Мы скоро приземлимся, мне надо переодеться.

Не ожидая, пока он подвинется, я встала и по пути к выходу оказалась верхом на нем. Он попытался было встать, но осознал, что я – женщина на пути к спасению и что если он встанет, его промежность аккуратно прижмется к моей, так что он просто изо всех сил вцепился в подлокотники кресла. Моя задница оказалась аккуратно напротив его лица, но полагаю, что это лучше, чем тереться половыми органами.

Ну и ситуация.

Я не смотрела на него, снимая сумку с полки над головой и как можно быстрее отступая в сторону ближайшего туалета.

Оказавшись в безопасности, я выдохнула – кажется, впервые за последние не знаю сколько минут. Почему я совершенно не в состоянии вести себя по-человечески рядом с ним?

– Возьми себя в руки, – велела я своему отражению и открыла сумку. У меня есть все, что мне надо; к несчастью, мысль о том, чтобы переодеться в туалете самолета, довольно трудно осуществить.

Я ударилась головой о раковину, снимая штаны. Когда я подняла ногу, надевая юбку, мы оказались в зоне турбулентности, и я чуть не рухнула на унитаз, но обошлось тем, что я просто ударилась о дверь. Мне потребовалось десять минут, чтобы одеться и привести в порядок волосы, и я даже не сомневалась, что все пассажиры первого класса, а может, и не только они, с нетерпением посматривали на туалет, думая, что же здесь происходит. Но, высоко подняв голову, я вышла в салон и заняла свое место.

Спокойствие, которое сохранял Найл Стелла, не добавило мне уверенности.

Он не взглянул на меня, но вместо этого смотрел перед собой. Пробормотал:

– Все в порядке? – когда я садилась на место и застегивала ремень.

– Прекрасно, – солгала я. – Оказавшись в крошечном замкнутом пространстве, я решила, что самое лучшее занятие – потанцевать.

Сначала улыбка лишь слегка тронула уголки его губ, а потом он захохотал.

– Я занимался чем-то вроде этого, пока ты отсутствовала.

Что-то внутри меня растаяло, и я с трудом сдержалась, чтобы не повернуться к нему, не взять его лицо в ладони и не забыть обо всем.

Самолет приземлился на десять минут раньше расписания. Пассажиры начали вставать и доставать вещи с полок, а я стояла перед Найлом, пока мы ждали, чтобы нас выпустили наружу.

Я оглянулась на него, желая убедиться, что все хорошо. Но он не взглянул на меня. Он упорно смотрел на потолок.

Что-то было не так.

Шесть месяцев я работала в одном здании с Найлом Стеллой, и он никогда не замечал меня. Сейчас все было иначе. Это не рассеянная невнимательность, которую я видела раньше. Он намеренно избегал меня.

Он суетился, что-то делал, и если бы он мог оттолкнуть меня и убежать к такси, он бы так и поступил.

Пассажиры первого и экономического класса выходили через одну дверь, и я снова повернулась к нему с улыбкой, пока мы ждали, чтобы люди, стоящие перед нами, вышли.

– Мы немного рано, поэтому наш водитель мог еще не приехать, – сказала я.

Он заглянул в мои глаза и быстро отвел взгляд.

– Хорошо, – ответил он.

Ла-а-а-адно.

Я повернулась на каблуках и пошла по проходу самолета, но тут женщина рядом со мной дернула меня за юбку.

– Только между нами, девочками, – прошептала она, и я в замешательстве посмотрела на нее. – У вас юбка задралась.

ЧТО?

Она наклонилась ко мне, и у меня вся кровь отхлынула от лица.

– Правда, мне кажется, что этот джентльмен за вами совершенно не против.

Я протянула руку назад и почувствовала только голую кожу. Отчаянно дернула подол юбки, высвобождая его из пояса, за который она зацепилась, демонстрируя всему салону мой зад.

Тревога! Руби, опять!

Я поблагодарила ее и пошла по проходу с сумкой, отчаянно надеясь, что пол развернется и поглотит меня. Когда мы вышли в терминал, я устроила целое представление, копаясь в сумке в поисках незнамо чего, так что Найлу Стелле пришлось идти передо мной и мне не надо было постоянно бороться с желанием проверить, на месте ли юбка.

Он видел твою задницу.

Зачем ты надела стринги?

Он видел твою голую жопу, Руби.

Мы стояли бок о бок в ожидании багажа, и, честно говоря, я не знаю, кто из нас был в большем ужасе. Он все видел, без вариантов. Я это знаю. А он знает, что я знаю.

Я пялилась на ленту в ожидании своего чемодана и тут почувствовала, что он придвинулся ближе.

Он пах свежим мылом и кремом для бритья, а когда он заговорил, его дыхание отдавало мятой.

– Руби? Прости... У меня плохо ладится... – Он помолчал, и я повернулась и заглянула в его глаза. Мы так близко. Я заметила

зеленоватые и желтые пятнышки в его карих глазах и почувствовала, как у меня сердце уходит в пятки, когда он посмотрел на мой рот. – Плохо ладится дело с... женщинами.

Унижение в моей душе сменилось чем-то более теплым, спокойным и бесконечно сладким.

Я уже бывала в больших городах – Сан-Диего, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Лондоне, но я более чем уверена, что они совершенно не сравнятся с Нью-Йорком.

Все такое огромное, на крошечных клочках земли вздымаются высоченные здания. Дома заслоняют небо, оставляя только серо-голубую полосу прямо над головой. И здесь шумно. До сих пор я никогда не слышала, чтобы машины все время гудели, но при этом на улицах никто не обращал на это внимания. Воздух наполнен какофонией шумов и криков, и пока мы шли от четвертого терминала аэропорта Кеннеди к машине, а от машины до двери-вертушки, ведущей в «Паркер Меридиен», я не видела ни единого человека, кому мешал бы этот шум.

Пока мы пересекали вестибюль, Найл следовал за мной на приличной дистанции – достаточно близко, чтобы дать понять, что мы вместе, но вместе не в *этом* смысле. Потом мы зарегистрировались и получили ключи от номеров. Я приехала в качестве коллеги Найла, не подчиненной и не помощницы... и не его друга, поэтому мне не сказали ни номер его комнаты, ни какого размера у него кровать. Он даже не попрощался со мной толком; у него зазвонил телефон, и он просто вежливо кивнул в мой адрес и скрылся в коридоре.

Я задумалась и растерялась, поэтому когда кто-то рядом со мной вежливо кашлянул, чтобы проводить меня в номер, я подпрыгнула.

Когда я оказалась в лифте, на меня навалилась усталость этого дня и мне пришло в голову, что я на ногах с трех часов утра и лишь совсем недолго вздремнула на плече у Найла. Экран в стене лифта показывал старый мультфильм: Том ударил Джерри по голове молотком, а потом они гонялись друг за другом вокруг деревянной бочки. Тут лифт остановился на одиннадцатом этаже, и я почувствовала, что у меня слипаются глаза.

Я последовала за портье по коридору, он открыл дверь в мой номер. В центре комнаты располагалась огромная кровать-платформа, на которой вполне могли разместиться четыре человека, а напротив нее висел огромный плоский телевизор. В одном углу стояли кресла в стиле ар-деко, напротив было окно во всю стену и длинный стол прямо под ним.

Кровать словно явилась из сладких снов: хрустящие простыни,

пышные подушки, и мое тело заныло от желания упасть лицом на одеяло. К несчастью, я знала, какая тяжелая штука джетлаг и что спать сейчас никак нельзя.

Черт возьми. Второй раз за сегодня я просыпаюсь после крепкого сна. И пускаю слюни.

Комната, в которой я находилась, была практически темной, и секунду я не могла понять, где я. Потом до меня дошло: в Нью-Йорке, в отеле.

С Найлом Стеллой.

Я вспомнила, как приняла душ, переоделась в халат и решила, что прикрою глаза ненадолго, пока не придет обслуживание номеров, и вот, пожалуйста. Уснула.

Со стоном я встала, потягиваясь застывшими мышцами и утирая лицо рукавом халата. Да уж, если я сплю, то сплю.

Пока мои глаза привыкали к темноте, я раздвинула шторы и заставила себя найти телефон. Пришли две смски от мамы, интересующейся, приземлилась ли я, и одна от Лолы. Поскольку весь день мой телефон был отключен, я задержала дыхание, проверяя почту.

Завтрашняя встреча: надо прочитать.

Мысли от Тони: подождет до завтра.

Распродажа в «Виктории Сикрет»: о, точно не сейчас.

Письмо от помощницы Найла: что-что?

Она прикрепила обновленное расписание на завтра, указала время, во сколько мы встречаемся в вестибюле отеля, и добавила несколько пунктов, которые мне надо было знать. В письме также был номер его мобильного «на случай проблем».

Я уставилась на экран телефона.

У меня есть номер Найла Стеллы.

Осмелюсь ли я им воспользоваться? Поскольку я явно проспала обед, можно написать ему смску и спросить, не хочет ли он поужинать. Но это вряд ли относится к категории «проблем», какой бы голодной я ни была. И поскольку он не распорядился, чтобы его помощница спросила меня насчет обеда, остается предположить, что каждый из нас должен позаботиться о себе сам.

Только сейчас я поняла, что у меня в голове крутятся черт знает какие мысли о месяце в Нью-Йорке: мы в нашем временном офисе, мы гуляем про Бродвею, увлеченно обсуждаем работу за ужином в шикарных ресторанах. Я представила, как он будет смеяться над моими остроумными шутками, сидя вечером за пивом, и как мы будем обмениваться

понимающими взглядами во время официальных встреч.

Но реальность заключается в том, что, скорее всего, мне придется сидеть в задней части комнаты, полной народу, и делать заметки, а потом возвращаться в одиночестве в номер и ужинать.

Я не могу написать ему смс и определенно не хочу снова звонить в обслуживание номеров.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале напротив ванной, и упс! На голове бардак, тушь размазалась, на щеках от виска до подбородка отпечатались подушка. Я выглядела лучше после ночной тусовки в колледже. Если я не хочу тратить время на то, чтобы привести себя в более-менее презентабельный вид, придется ограничиться чипсами и диетической колой из автомата.

Сунув в карман халата несколько купюр и монет, я приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Там было на удивление темно, и коридор казался на удивление незнакомым (привет, джетлаг!): на стенах были обои с темным узором, на каждой двери – крошечная светящаяся табличка и звонок.

На некотором расстоянии я заметила автомат со льдом и на цыпочках вышла из номера, закрыв за собой дверь. Ковер под босыми ногами был мягким и толстым, и я вспомнила, что под халатом на мне ничего нет. Я прислушалась, но в соседнем номере не было слышно ни голосов, ни звука телевизора. Слишком тихо, слишком спокойно. Передо мной простирался зловещий темный коридор. Я сделала несколько шагов, щуря глаза в ожидании появления чего-нибудь неожиданного.

– Руби?

Я вскрикнула от неожиданности, дернулась и зажмурилась, когда узнала голос. Подумала, стоит ли оборачиваться. Может, лучше убежать. Может, притвориться, что это не я, он поймет, что ошибся, и вернется в свой номер.

Не повезло.

– Руби? – недоверчиво повторил он. Нормальные люди не бегают по коридорам роскошных отелей босиком и в махровых халатах. И о боже, судя по ветерку, пробирающемуся под халат, кондиционер тоже удивился моему появлению.

Однако это приятно.

– Привет! – сказала я, перестаравшись с жизнерадостностью, и повернулась к нему лицом.

Найл Стелла удивленно отступил на шаг назад, споткнувшись и чуть не упав спиной назад в дверной проем номера, который оказался рядом с моим.

У нас общая стена... может быть, даже стена ванной... где он принимает душ... обнаженный.

Сосредоточься, Руби!

Я решила вести себя неофициально.

– Как дела? Я вышла поискать чего-нибудь съестного... – сказала я, поигрывая с поясом халата, но тут поняла, как это выглядит со стороны. Я бросила пояс, словно обжегшись.

– Чего-нибудь съестного? – повторил он.

Я прислонилась к стене.

– Угу.

Найл Стелла окинул взглядом коридор и потом снова посмотрел на меня, рассматривая мой халат. И может быть, только может быть, если я не ошибаюсь, его взгляд задержался на моей груди. В том месте, где полы халата слегка расходились, обнажая округлости.

Похоже, мы одновременно подумали об одном и том же.

Его глаза переместились на мой лоб, а я ухватилась за полы халата. Если так дело пойдет и дальше, к концу недели Найл Стелла увидит меня голышом.

– В автомате, – объяснила я, убирая прядь волос за ухо и мысленно заставив при мысли о том, как я выгляжу. – Я хочу купить чипсов.

Он осмотрелся по сторонам с преувеличенно внимательным видом.

– Вряд ли в таком месте найдутся «Фритос», – сказал он, зарумянившись, и на его губах появилась едва заметная улыбка. – Бары – да. Икра – определенно. Только нужен подходящий костюмчик.

Он *шутит* со мной.

Мой брат – мой лучший друг, его друзья – мои друзья, и по части шуток у меня все в порядке. Я умею поддразнивать парней. Умею и могу не выглядеть при этом идиоткой. И не думать о том, как мне хочется его трахнуть. Возможно. Вот только он одет в угольно-черный костюм, мой любимый, и в темную рубашку без галстука. Я ни разу не видела его без галстука, и мне потребовалось сверхъестественное напряжение сил, чтобы смотреть ему в лицо, а не на узкую полоску кожи в расстегнутом воротнике.

Я заметила, что на груди у него растут волосы, и у меня зачесались пальцы от желания прикоснуться к ним. Ой, он ведь ждет моего ответа.

– Вам повезло, что я по крайней мере надела халат, – заметила я. – Обычно я ем «Фритос» голая на диване.

Его брови чуть шевельнулись, но он сохранял стоическую невозмутимость на лице.

– Предполагаю, что этого требуют инструкции на пакете. К сожалению, для икры это не годится.

– И для баров, – добавила я, и он рассмеялся.

– О да.

Пожав плечами, я оглянулась на дверь своей комнаты.

– Пожалуй, я посмотрю, что из еды они предлагают в номер.

– Я собираюсь вниз, – сказал он, – пойдём со мной?

Мои глаза стали размером с чайные блюдца, и я дернула головой в его сторону.

– Что?

Он сконфуженно нахмурился и очень медленно повторил:

– Я собираюсь в ресторан поужинать. Не хочешь присоединиться?

– О! – ответила я, с трудом вдыхая и выдыхая. – Вы будете ужинать внизу?

– Ты же сказала, что это твой первый раз? – начал он, и мы оба осеклись, перед тем как он торопливо добавил: – В Нью-Йорке. Твой первый раз в Нью-Йорке.

– М-м, да, – ответила я и плотнее запахнула халат в районе шеи.

– Может, ты... – снова начал Найл, замолчал и протянул руку к шее, словно хотел поправить отсутствующий галстук. Уронил руку. – Я собираюсь встретиться с братом. Он и его жена живут здесь, и мы решили поужинать с ними и его деловыми партнерами. Не хочешь присоединиться?

У него здесь брат? У меня появился еще кусочек информации, и мне ужасно захотелось пойти с ним, пусть даже позже я себя за это возненавижу. Я покачала головой. Не буду мешать.

– Я думаю, не стоит...

– На самом деле ты сделаешь мне одолжение, – перебил он меня. – Мой брат Макс – человек непростой. – Найл снова помолчал, что-то обдумывая, а потом качнул головой и продолжил: – Ты будешь приятным отвлечением.

Поскольку идиотка – мое второе имя и к тому же для меня самое милое дело при любом взаимодействии с ним вести себя неуклюже или демонстрировать обнаженные части тела, я неприлично долго стояла и просто моргала.

– Конечно, если ты не...

– Нет-нет! Простите... Дайте мне десять минут на то, чтобы переодеться, и... – я жестом указала на воронье гнездо у себя на голове.

– Десяти минут тебе хватит? – скептически уточнил он.

Господи, он снова меня поддразнивает.

– Десять минут. – Я утвердительно хмыкнула. – Двенадцать, если вы не хотите, чтобы у меня снова задралась юбка.

Найл издал хриплый смешок, изумивший нас обоих, а потом взял себя в руки.

– Хорошо. Я подожду в вестибюле. Увидимся через десять минут.

Ни один человек в мире никогда не переодевался с такой скоростью, как я.

Как только за ним закрылись двери лифта, я бросилась в комнату. Сбросив халат, я выхватила синее трикотажное платье из чемодана и бросилась в ванную. Протерла лицо влажной салфеткой. Со скоростью света намазалась увлажняющим кремом, консилером и напудрилась. Нанесла на волосы чуть-чуть средства для укладки и включила фен, вытягивая одну прядь за другой. Плойка нагрелась за считанные секунды, я уложила несколько локонов и выключила ее. Почистила зубы, нанесла румяна, несколько взмахов туши, накрашила губы блеском. Я надела платье, когда у меня оставалось еще пять минут в запасе. Но я забыла надеть белье, поэтому я их потратила на то, чтобы найти в чемодане трусики, лифчик, переносную зарядку для телефона и туфли на удобном каблук.

Я взяла сумочку, дважды проверила, что моя одежда в порядке, и с глубоким вдохом и краткой молитвой пошла к лифту.

Глава 4

Найл

Когда она вышла из лифта, я уставился на нее, утратив дар речи. Она уложилась в десять минут и выглядела... потрясающе. Я одновременно был рад ее обществу и недоволен тем, что это небольшое осложнение – присутствие Руби – нарушит то, что иначе могло бы стать сухой, механической и легкой деловой встречей.

Сглотнув, я сделал жест в сторону входа в «Нейв».

– Перекусим?

– О да, – ответила она, и ее широкая улыбка, вибрирующее от предвкушения тело вышибли последние мысли из моей головы. – Я в состоянии съесть целую корову. Надеюсь, у них есть стейк размером с вашу грудь.

Я удивленно приподнял брови.

Она рассмеялась, копаясь в сумочке, и пробормотала себе под нос:

– Клянусь, обычно я веду себя более культурно.

Я хотел возразить, что жизнерадостность Руби выглядит освежающе. Но придержал язык; на этот раз она, похоже, не очень смутилась.

– Там будет мой брат, – напомнил я. – И его друзья. Надеюсь, тебе понравится. Они хорошие люди, просто они...

– Парни? – договорила она.

– В части манеры разговоров – да, – улыбнулся я.

– О, я умею обращаться с парнями, – сказала она, подстраиваясь под мои шаги. Я не в первый раз заметил, что двусмысленности, исходящие из ее уст, звучат игриво и жизнерадостно.

– Могу себе представить.

Она повернула ко мне лицо, когда мы остановились у стойки администратора ресторана, и поинтересовалась:

– Это комплимент?

В свете, отбрасываемом лампами под потолком бара, ее глаза поблескивали, и казалось, что она уже знает ответ на свой вопрос и конечно, знает, что это не оскорбление. На самом деле это похвала. Что я мог сказать, так это то, что она умеет обращаться с чем угодно.

– Ни за что не посмел бы оскорбить любое из твоих достоинств.

– Видите? – Она покачала головой и добавила с дразнящей улыбкой: –

Не могу понять, когда вы со мной шутите. Вы такой невозмутимый. Может, вам имеет смысл поднимать табличку?

Я пробубнил что-то в ответ, подмигнул и повернулся к администратору.

– У нас здесь встреча. – Тут я заметил брата и его друзей. – А, вот они.

Не раздумывая, я взял Руби за локоть и повел к столику, вокруг которого стояли низкие бархатные кушетки и плюшевые оттоманки. Ее рука была теплой и упругой, но как только я осознал, насколько мое поведение близко к флирту, я отпустил ее. Таким образом я мог бы провожать к столику свою девушку, а не коллегу.

Наше появление не осталось незамеченным, и когда мы уже были в нескольких столиках от них, сидящие мужчины – Макс, Уилл, Беннетт и Джордж – перестали разговаривать и уставились на нас. Руби была высокой, даже несколько долговязой, но это не привлекало внимания. Со своей идеальной осанкой и всегда высоко поднятым подбородком она была грациозна, как олененок.

Четыре пары глаз скользнули по лицу Руби, затем по ее стройному телу к ногам, а потом снова вверх и переместились на меня, засияв.

Черт возьми.

Моему чертову братцу не надо было говорить ни слова, я и так понял, о чем он думает. Я отрицательно покачал головой, но его ухмылка стала только шире.

Они все встали, поздоровались со мной и по очереди представились Руби. Рукопожатия, имена, любезности. Я занервничал. Это мероприятие не походило на деловой обед или даже на ужин с друзьями. Было ощущение, что Руби на переднем плане, что я демонстрирую ее им. Это было знакомство.

– Напоминает собеседование, – сказала она, садясь на красный бархатный диван рядом с Джорджем. – Все эти костюмы.

Я сглотнул, и мое лицо покрылось румянцем от смущения и облегчения при мысли о том, что она восприняла этот вечер совсем по-другому. Мы вовсе не флиртовали.

Совершенно не умею понимать намеки.

– Центр города и его опасности, полагаю, – с легкой улыбкой ответил Беннетт и махнул официантке, чтобы она подошла принять заказ.

– Джин с тоником и побольше лайма, – попросила Руби, потом быстро посмотрела на короткое барное меню. – И сэндвич с прошутто, будьте добры.

Женщина с любовью к джину с тоником, моему любимому вечернему

коктейлю? Господь всемогущий. Макс поймал мой взгляд и поднял брови, словно говоря: «Ну-ну».

– Мне то же самое, – сказал я, отдавая официантке меню. – Только с одним кусочком лайма.

– Как вы познакомились? – спросила Руби у Макса.

– Ну, – протянул он, наклоняя голову в моем направлении, – вообще-то это мой младший брат.

Руби улыбнулась.

– Говорят, вас много.

– Что да, то да, – хмыкнул Макс. – Десять. – Он махнул в сторону мужчины, сидящего рядом с ним. – С Беннеттом мы вместе учились в университете, с Уиллом я познакомился, когда переехал в Нью-Йорк и мы приняли неудачное решение открыть совместный бизнес...

– Твой бумажник испытывает ежедневные приступы сожаления по этому поводу, – сухо отозвался Уилл.

– Джордж работает вместе с моей женой Сарой, – договорил Макс.

– Я ее Пятница, – объяснил Джордж. – Занимаюсь ее расписанием, слежу, чтобы графины на ее столе никогда не были пустыми, и слежу, чтобы их с Максом не поймали во время совершения развратных действий.

После того как мы все представились, всеобщее внимание ожидаемо сосредоточилось на Руби, хотя, подозреваю, мое принадлежало ей в любом случае. В слабом свете на фоне зеркальных стен, тяжелых бархатных портьер и эффектной деревянной отделки она практически сияла.

– Давно вы в Лондоне? – поинтересовался Беннетт. – Вы явно не англичанка.

– Я родом из Сан-Диего, – ответила она, убирая прядь волос за ухо. Беннетт выгнул брови.

– Мы с женой сыграли свадьбу в отеле «Дель Коронадо».

– Восхитительно! – Улыбка Руби могла бы осветить комнату темной ночью. – Я была там на нескольких свадьбах, и все они были великолепны. – Руби поблагодарила официантку, принесшую ей напиток, и сделала глоток. – Я закончила университет в прошлом году в июне и в сентябре переехала в Лондон. Так что полгода. Год я буду стажироваться в «Ричардсон-Корбетт», но осенью я начну параллельно учиться в Оксфорде.

– А, еще один градостроитель? – уточнил Макс, бросив взгляд на меня.

– Нет, – отрицательно покачала головой Руби. – Структурное машиностроение.

Мой брат вздохнул с притворным облегчением.

– Значит, ты согласишься со мной, что градостроительство – самая

нудная из всех существующих профессий?

Руби со смехом снова покачала головой.

– Мне очень жаль тебя разочаровывать, но градостроительная политика была моим непрофильным предметом в университете. – Макс застонал. – Я надеюсь когда-нибудь вернуться в Южную Калифорнию в костюме супергероя и полностью революционизировать систему общественного транспорта или ее отсутствие.

Я поймал себя на том, что придвигаюсь ближе, чтобы лучше ее слышать.

– Южная Калифорния забита автомобилями, – продолжила она. – Между городами все ездят на машинах и поездах, но в городе без машины не обойтись. Лос-Анджелес разросся вширь слишком быстро, и у него нет соразмерной ему транспортной системы, поэтому это будет все равно что модифицировать и без того сложный городской пейзаж. – Взглянув на меня, она добавила: – Вот почему я хочу работать с Мэгги. Маргарет Шеффилд, под чьим руководством я хочу учиться, участвовала в создании инфраструктуры вокруг уже существующих станций метро в плотном городском пространстве. Она гений.

Даже Беннетт уставился на нее со смесью любопытства и благоговейного ужаса.

– Господи боже мой. Сколько тебе лет, Руби? – воскликнул Джордж.

Я преисполнился благодарностью в его адрес. Он собирается задать ей все те вопросы, которые я хотел бы задать сам, но не решался.

Она убрала за ухо непослушный локон жестом, в котором я научился угадывать ее неуверенность.

– Двадцать три.

– Ты почти зародыш, – застонал Джордж. – Столько амбиций, и тебе нет даже двадцати пяти лет!

– А тебе сколько? – спросила она, улыбаясь во весь рот. – Ты не выглядишь сильно старше меня.

– Не хочу об этом говорить, – заныл Джордж. – Это вгоняет меня в тоску. Я почти достиг возраста, когда пора принимать виагру.

– Ему двадцать семь, – ответил Уилл, игриво толкнув Джорджа.

– Ну правда, давайте перейдем к серьезным вопросам, – произнес Джордж. – У тебя есть бойфренд, очаровательная двадцатитрехлетняя Руби? – Я напрягся и устремил взгляд в свой стакан. – И нет ли у него такого же очаровательного друга-гея?

– У меня есть брат, – уклончиво ответила она и нахмурилась с извиняющимся видом. – Я считаю его очень милым, но, к сожалению, он

традиционной ориентации. Я могла бы сколотить состояние, если бы брала деньги со всех девиц, с которыми он переспал в колледже.

Кивнув, Беннетт сказал:

– Мне нравится ваш предпринимательский дух.

Джордж наклонился вперед и продолжил:

– Не думайте, что я не заметил, как ты уклонилась от вопроса о бойфренде. Надо ли мне поиграть в сваху, пока ты в Нью-Йорке?

– Честно говоря, не думаю, что стоит. – Руби подняла стакан и взяла в рот соломинку, встретившись со мной взглядом. – Вот этот человек может засвидетельствовать, что только полчаса назад я выглядела как городская сумасшедшая.

– Наоборот, – возразил я. – Никто другой не носил махровый халат с таким достоинством.

Она хихикнула и закашлялась, подавившись.

– Вы мой любимый лжец.

– Я искренний человек, – ответил я, поставив свой напиток на салфетку. – Еще меня весьма впечатлило, как ты сумела сделать так, чтобы волосы торчали во всех направлениях одновременно. Немногим удастся это сделать, просто поспав в кровати.

Она пожала плечами и задумчиво улыбнулась, вспомнив нашу недавнюю перепалку.

– Меня многие пытались научить укладывать волосы гладко. Им не удалось.

Я взглянул на стол, за которым сидели взрослые мужчины, наблюдающие за нами с восторженным любопытством. Ох и наслушаюсь же я потом от Макса.

– Значит, бойфренда нет, – заключил Джордж с хищной улыбкой.

– Нет, – подтвердила она.

– Тебя интересует кто-то конкретный?

Руби открыла рот и тут же его закрыла, покраснев. Моргнула и прищурила глаза:

– В жизни не поверю, что вы, парни, собрались тут только для того, чтобы выпить и потрепаться об отношениях. Что, дальше начнем обсуждать сумочки?

Беннетт кивнул в сторону Джорджа:

– Это все он. Стоит пригласить его в бар, и начинается.

– Сто раз говорил тебе, Бен-Бен, – протянул Джордж, – ты командуешь днем, я команду ночью.

Беннетт холодно уставился на него, и я увидела, как Джордж старается

не съежиться под его взглядом.

– Джордж, – наконец сказал он, выдавив из себя смешок, – ты мне этого никогда не говорил.

Облегченно рассмеявшись, Джордж согласился:

– Да, но прозвучало неплохо. Я просто пытаюсь произвести впечатление на Руби.

– Руби, кажется, ты украдешь у меня Джорджа, – заулыбался Уилл.

– Маловероятно. – Джордж постучал Уилла по носу. – У. Нее. Нет. Нужных. Частей. Тела.

– Ну ладно, – сказал Беннетт, поднимая свой стакан и делая длинный глоток. – Мы вернулись к обсуждению частей тела. Все в порядке.

За столом повисло молчание, все наблюдали за Руби, которая собралась вернуться в номер. Весь ужин она была чрезвычайно очаровательной, и все застонали в унисон, когда она извинилась и сказала, что ей рано вставать. Мне тоже было жаль отпускать ее.

– Ну-ну.

Я взглянул в самодовольное лицо моего братца.

– Теперь, когда мы остались одни, – начал Уилл, – думаю, что можно перестать притворяться, что мы не окончательно потеряны для светской беседы, верно? – Все согласно закивали. Уиллу снова наполнили стакан, и отпил немного скотча. – Также я думаю, что мы все можем согласиться, что Беннетт – важный консультант по этой части.

Макс хихикнул.

– В части конференции? – спросил я в замешательстве.

– В части заурядного затруднительного положения, – сухо добавил Беннетт. – Сногсшибательная девушка-стажер. Все отрицающий босс. Я могу составить пошаговый план политики сдерживания.

Я моргнул и сглотнул, осознав, на что они намекают.

– Она не мой интерн. Я не имею никакого влияния на ее карьеру. – Я покачал головой, расстраиваясь от того, что это совершеннейшая ложь. – Я не... то есть я ее не интересую. Она меня тоже.

Все четверо мужчин захохотали.

– Найл, – сказал Уилл, упираясь локтями в колени. – Она чуть не уронила свой стакан тебе на колени, когда Джордж спросил, интересуется ли ее кто-то конкретный.

– Я только собирался сказать то же самое, – добавил Беннетт.

– И что-то мне подсказывает, что она первая бы бросилась ликвидировать катастрофу, – сказал Уилл.

– Ну, может быть, дело в том, что ее интересует кто-то из сотрудников «Р-К».

– О да. Ты. – Макс поднял свой стакан и допил янтарную жидкость.

– Ну правда. – Я выдавил улыбку. – Она фантастическая девушка, но явно не для меня.

Склонив голову набок, Беннетт спросил:

– Какого цвета у нее глаза?

Зеленые, хотел было ответить я, но сдержался. Покачал головой, будто не знаю.

– Во что она была одета? – спросил Уилл.

В синее платье чуть выше колена, не сказал я. На шее тонкая золотая цепочка, на правой руке кольцо, из-за которого мне все время хотелось задать ей вопрос, который в конце концов сформулировал Джордж – насчет бойфренда.

Я закатил глаза, и мой братец снова захохотал, тыкая в меня стаканом.

– Парни замечают эти вещи, когда девушка их интересует.

– Если эти парни – не Джордж, – уточнил Уилл. Джордж ухватил его за затылок и попытался поцеловать в губы.

– Что ж, – заметил я, – похоже, мне больше не надо думать на эту тему. Вы подумали за меня.

– Да, мы такие, – сказал Уилл, поправляя перекосившийся воротник своей рубашки и устраиваясь в кресле поудобнее. – Мы знаем эту болезнь.

– Я думал, у тебя нет органа, который за это отвечает, честно, – сказал Джордж.

– Какое облегчение – узнать, что ты такой же, как мы. Наши дамы будут в восторге. – Макс постучал костяшками пальцев по столу и встал. – Увы, должен вас покинуть. У нас новый ритуал: Сара укладывает ребенка спать, я встаю покормить его ночью.

– Наконец-то он отобрал у тебя сосок, а? Небось ты сам пахнешь женщиной, – сказал я Макс, напоминая, как он сам вставлял шпильки во мой адрес во время моего последнего приезда.

Макс рассмеялся и похлопал меня по спине. Мы все встали, безмолвно давая понять, что вечер подходит в концу. Я наблюдал, как мой брат собирает свои вещи и прощается, ощущая смесь гордости и тоски по тому, что у него было: жена, дочь. Хороший дом.

– Поцелуй за меня девочек, – попросил я, когда он собрался на выход. Он взмахнул рукой и ушел. Бар отеля оказался совершенно покинутым и тихим, теперь когда они все вчетвером ушли.

Я хотел найти более подходящее название тому, что почувствовал,

когда он уходил. Не зависть и не горечь из-за моих собственных обстоятельств. Просто несколько недель назад, навестив Макса и Сару, я понял, чего я хочу: стабильность, жену, семью, – но я так далек от этого. Перемены всегда давались мне с трудом, и мысли о том, что будет с моей жизнью после развода, устрашали.

До теперешнего момента я даже не осознавал, что отгоняю от себя мысли о том, что будет дальше и как получить от жизни то, что я хочу. Я просто нажал на паузу. Семь месяцев я плыл по течению: с головой погрузился в работу, играл в футбол и занимался греблей по выходным, время от времени встречался с друзьями – Арчи и Йеном.

Но чтобы получить то, что мне нужно, придется выйти за эти рамки.

И сейчас из-за всех этих намеков от Тони, Макса, Уилла, Беннетта и даже Джорджа, а может быть, из-за общества завораживающе прекрасной, очаровательной женщины я задумался, может ли Руби оказаться той женщиной, которая мне нужна.

Но я не хотел совершать никаких движений в адрес Руби только потому, что остальные считали, что я должен это сделать, или потому что у меня в жизни образовалась пустота. Разумеется, я нахожу ее привлекательной и где-то глубоко внутри могу представить, как мы встречаемся.

Могут ли у меня вообще быть отношения, основанные на страсти, честности и преданности, не такие, как с Порцией? Я всегда был предан ей, но у нее на первом месте всегда были родители. Тогда это не приходило мне в голову, но сейчас, оглядываясь назад, я понимал, что мы никогда не стали бы по-настоящему близкими людьми.

За последние год-два я осознал, что все время уступал Порции, просто потому что мы так долго были вместе. Но, несмотря на то, что я человек неуверенный и сдержанный, я воспитывался в доме, где было много страсти, много детей и происходили самые нелепые приключения. Пусть я никогда не был инициатором ничего спонтанного и безумного, но мне это было нужно, как мы нуждаемся в воздухе и тепле.

Когда я вошел в лифт, перед моим мысленным взором всплыло лукавое лицо Руби.

Такое впечатление, что она появилась в моей жизни в самое подходящее время. Дело не в том, что я мог бы иметь с ней романтические отношения, а в том, что я понял, какими разными бывают женщины и что они необязательно похожи на Порцию.

Разделение нашей общей жизни с Порцией на два разных пути было мучительным и постепенным. Сначала квартира: без особых обсуждений

мы решили, что она останется ей. Потом машина: тоже ей. Она оставила себе собаку, мебель и изрядную долю наших сбережений. Я отдал все это, ощутив поразительное облегчение.

Порция – мой первый поцелуй, моя первая любовь, мое первое все. Женившись в девятнадцать лет, я считал, что надо сохранять брак, несмотря на то, что мы были несчастны, пусть даже мои взгляды были старомодными.

Просто однажды наше несчастье стало настолько сильным, что я не видел из него выхода.

Я не чувствовал ее любви, и что касается меня, сексом мы давно занимались на автомате. Речь о детях вообще не заходила, и, по правде говоря, я не мог представить, чтобы Порция любила детей так, как моя мать: со всеми этими полными энтузиазма поцелуями в животики и постоянными физическими проявлениями материнской любви. А теперь, спустя месяцы после развода, я вообще не мог понять, как я представлял себе нашу жизнь с ней: чистую, холодную, где все на своих местах.

В конце концов наш развод решился во время одного из наших безобидных ланчей по расписанию. Я получил напоминку о встрече, которая должна была состояться в то же время, что и ланч. Порция часто работала из дома, но передвинуть встречу на час – это было для нее слишком.

– Ты вообще когда-нибудь думаешь о том, как устроен мой день? – спросила она. – Ты когда-нибудь думаешь, что я откладываю ради тебя?

Я подумал о романтических каникулах, которые она отменяла, ужинах по случаю дня рождения, которые она пропускала, потому что была в гостях у подруги и забыла, а один раз она просто продлила пребывание в гостях еще на неделю просто потому, что там было очень весело и она не могла от этого отказаться.

– Стараюсь, – ответил я.

– Но у тебя не получается, Найл. И честно говоря, я устала.

Порции всегда надо было оставить за собой последнее слово. И в этот миг с отчетливой яркостью, которой я сам от себя не ожидал, я понял, что мне нравится это последнее слово. Я просто захотел покончить с этим.

– Я понимаю, Порция. Ты можешь делать только то, что можешь.

Она слегка удивилась, что я назвал ее по имени: годами я обращался к ней «любимая».

– Вот так, Найл, – утомленно сказала она. – Я тону. Я просто не могу жить своей жизнью и тащить на себе еще и это.

«Еще и это» – имелось в виду «нас». Ношу семейной жизни, в которой

не было любви.

Она взглянула для меня, провела взглядом по лицу, шее, посмотрела на руки в карманах брюк.

Я никак не мог избавиться от ощущения, что, глядя на меня таким образом, она меня с кем-то сравнивает. С кем-то более шикарным, не таким высоким, более американским, менее терпеливым с ней.

После нескольких минут гнетущего молчания она снова заговорила.

– Мы, – сдержанно произнесла она, – больше не чувствуем себя естественно друг с другом.

И это было все.

Глава 5

Руби

Когда в шесть утра зазвонил будильник, у меня было ощущение, будто я только что закрыла глаза.

Из-под подушки я видела, что еще темно. Но с улицы уже слышались гудки машин, шум людей, которые в такую рань уже были на ногах, направляясь на работу, на учебу или по другим надобностям.

Я повернулась на бок и попыталась прикинуть, сколько еще могу вздремнуть, чтобы не опоздать, а потом вспомнила, где я...

С кем я...

Как прекрасно я провела минувший вечер.

И чья кровать находится по другую сторону тонкой, практически бумажной стены.

Сейчас он, наверное, в постели. Я закрыла глаза и представила себе эту картину, и внезапно необходимость как следует подготовиться к новому дню показалась более важной, чем сон.

Я выпрыгнула из кровати и бросилась в ванную, тщательно избегая зеркал, которые попадались мне по пути. Сегодня первый день саммита. Мой первый рабочий день с Найлом Стеллой, во время которого я стану частью того, что он делает, а не просто мебелью на периферии.

После вчерашнего вечера я смотрела на него совсем другими глазами. Он все еще оставался человеком, который предпочитал быть в стороне, наблюдая и анализируя, что говорят и как, но еще был этим расслабленным веселым парнем, который наслаждался напитками в баре в обществе других парней. Он умел отдыхать, общаться, смеяться над собой и окружающими.

Он снова меня поддразнивал – в обществе брата, и его глаза светились весельем и добротой. У меня заныло сердце и бабочки запорхали в животе, когда я вспомнила, как это было. Будет ли он таким всю поездку? И если да, как я удержусь от того, чтобы не упасть к его ногам и не признаться в любви?

О черт.

Я могу найти сотню способов, как совладать с собой в обычный рабочий день. Но сегодня? Уставшая и еще страдающая от последствий джетлага? Кто знает, что может случиться.

Мне казалось, я прямо чувствую тяжелые мешки под глазами, но все равно по жилам побежал адреналин. Мое сердце забилося быстрее при мысли о том, что мы будем работать вместе, смотреть в один файл, прижиматься плечо к плечу, и его мягкие волосы будут падать на его лоб.

Ох, какой кошмар.

Еда – это последнее, о чем я сейчас думала, но мне надо набраться сил. Я заказала доставку в номер и обрадовалась, услышав звонок в дверь через несколько минут после того, как вышла из ванной.

Из коридора донесся аромат завтрака, и мысли о том, что я не голодная, немедленно испарились. Я ринулась к двери, по дороге проверив, что не забыла запахнуть халат потуже, и впустила официанта. Слишком рано для того, чтобы находить юмор в ситуациях с нечаянным раздеванием.

Я подписала чек и уже закрывала дверь, когда со стороны лифта появился Найл Стелла.

Черт побери. Он был в спортзале.

– Доброе утро, Руби.

Спокойно, Руби. Ты сможешь.

– Доброе утро. Ты рано, – сказала я.

Сколько раз, когда я видела Найла Стеллу потным: один.

Я попыталась украдкой осмотреть его с головы до пят, но мои усилия были напрасными. Я думала, Найл Стелла умеет носить костюмы, но футболка смотрелась на нем так, словно ходить в ней – призвание всей его жизни. Темно-синяя, в обтяжку, она выглядела так, что мне захотелось вознести хвалу Господу. Он носил ее так небрежно, так расслабленно!.. Зная его, я предположила, что он выбрал ее по каким-нибудь сложным аэродинамическим соображениям. И боже ж ты мой, какая у него грудь!

Прямая осанка, плоский живот, четко очерченная грудь, более широкая, чем я предполагала. На нем было что-то вроде футбольных шорт, и его ноги были такими мускулистыми, как я и представляла себе. Увидев его в спортивном костюме, я снова поразились, какой он рослый. Я и сама довольно высокая, но никогда не была рядом с мужчиной, который заставлял бы меня почувствовать себя такой маленькой и женственной. Находясь так близко от него, чувствуя запах его свежего пота, я внезапно ощутила все свои изгибы, свой рот, то, как он возвышается надо мной на несколько дюймов. Безо всяких усилий он излучал такую мужественность.

– Доставка «Фритос» в номера? – шутливо спросил он, указывая на мой халат.

Я посмотрела на себя и рассмеялась.

– Я собиралась ходить в таком виде весь месяц, надеюсь, ты не

против. – Я игриво потянула за пояс халата и увидела, как его глаза следят за моими руками.

О господи.

Мне захотелось схватить его за ворот футболки и притянуть к себе, упасть с ним на кровать. Или, может быть, я могу накрутить подол футболки на руку и держаться за нее, пока он будет трахать меня сзади...

Ой.

Меня обдало жаром.

Он прислонился широким плечом к стене и взглянул на меня.

– Вчера на тебе было очень красивое платье. Может быть, ты могла бы чередовать то и другое?

Я рассмеялась.

– Я...

Что-что?

Мои глаза расширились, когда я осознала смысл его слов. Его щеки порозовели, но он не отвел взгляд. Не суетись, Руби. Не суетись.

– Хорошая мысль, – ответила я, чувствуя, как по моему лицу расплывается широкая улыбка. Я притворилась, что разглаживаю халат на бедрах. – А то халат продувает.

Он кивнул и, похоже, закусил щеку изнутри, чтобы не засмеяться.

– Догадываюсь.

Я ткнула большим пальцем в сторону своего номера.

– Пойду переоденусь.

– Ладно. Я приму душ, и встретимся внизу? – предложил он, когда я повернулась к нему спиной.

Боже, я хочу это видеть. Наверняка это незабываемое зрелище.

– Хорошо.

Он кивнул.

– Я быстро.

– Нет, – слишком поспешно возразила я. Закрыла глаза, вдохнула. – Нет нужды торопиться.

Он постоял рядом, вставив карточку в замок и глядя на меня. Легкая улыбка дала мне понять, что он прочитал все мои мысли до того, как я сумела совладать с выражением своего лица.

– Все в порядке? – тихо спросил он.

– Да. Просто нужно выпить кофе.

Его глаза заблестели. Как будто он наслаждается моими ужасными страданиями.

– Хорошо. Значит, внизу.

Игра началась, мистер Дарси.

Спуск на лифте в вестибюль был самым долгим в моей жизни. Я считала этажи, номера которых отражались на мониторе, и с каждой секундой напрягалась все сильнее. Найл ждет меня, мы пойдем в наш временный офис. Только он и я. Ничто не будет отвлекать нас. Наедине. Обычное дело.

Вот только нельзя сказать, что это «обычное дело». Это начало чуть ли не самого интересного профессионального сотрудничества в моей жизни, а также день в обществе самого потрясающего мужчины на планете.

Я разгладила платье, поправила воротник жакета и все перепроверила дважды: кошелек, ноутбук, мобильник, нижнее белье. Несмотря на возбуждение, я все еще чувствовала себя измученной. Ноутбук казался тяжелее обычного, оттягивая правое плечо, и из-за сочетания усталости и нервозности я была слегка дерганой.

Я посмотрела на свое отражение в зеркальных дверях, внезапно засомневавшись, удачно ли я оделась. На улице холодно, в офисе наверняка будет тепло, скорее всего, там работает отопление, чтобы компенсировать мартовскую прохладу. Я обула высокие сапоги на невысоком каблуке; они достаточно удобные, чтобы ходить в них, и достаточно теплые, если нам придется отправиться в город и спуститься в метро, которое нам предстоит мониторить. Все файлы и доклады у меня распечатаны. Я готова.

И все равно напугана.

Я вышла в вестибюль и осмотрелась в поисках Найла, но мне не пришлось искать его долго. Он оказался за моей спиной, рядом со стойкой регистрации, и господи боже мой, его костюм в сочетании с плащом, который он перекинул через плечо, выглядел совершенно порнографически.

– Господи, как тебе идут костюмы!

Я думала об этом сотню раз за последние месяцы. Тысячу. Я мысленно говорила их себе, проходя мимо него по коридору, и кажется, у меня была не одна неприличная фантазия, которая с них начиналась. Но никогда, ни в одной из них не было такого, чтобы он сглотнул, осмотрел меня с ног до головы и ответил:

– Мне кажется, тебе все идет.

А потом у него был такой вид, словно он хочет проглотить свои слова и умереть на месте.

Простите?

В детстве у меня была игрушка «Волшебный экран». Я часами

рассматривала красную рамку и плоскую серую поверхность, играя с ней, когда ждала опаздывающий автобус или по пути домой. Большинство людей рисовали картинки или играли в игры, но я упоенно писала свое имя и отрабатывала каллиграфические умения.

Мама часто говорила мне, чтобы я порисовала что-нибудь другое, что эти буквы оставят следы на экране, если я буду писать одно и то же. И она оказалась права. Спустя некоторое время, как бы я ни трясла экран, пытаюсь стереть изображение, буквы все равно никуда не девались.

Я знала, что сейчас будет то же самое, только на этот раз эти слова навечно запечатлеются в моем мозгу.

Мне кажется, тебе все идет.

Неужели Найл Стелла и правда это сказал? Или у меня удар? Смогу я думать о чем-нибудь другом в своей жизни?

Когда я пришла в чувство, я осознала, что он уже уходит. Я поспешила за ним, мы миновали дверь-вертушку и пошли направо по Пятьдесят шестой улице.

Мне кажется, тебе все идет.

– ...хорошо? – произнес он, и я моргнула.

– Прости, я отвлеклась, – сказала я, пытаюсь поспевать за его размашистыми шагами. И правда, идти рядом с ним – все равно что бежать рядом с жирафом.

– Я спросил, прислала ли моя помощница Джо все, что надо? Все в порядке? Я бы не стал ничего посылать тебе, мы же не работаем в одном отделе, но сейчас мне кажется, что нам обоим надо быть в курсе.

– О да. Да, – кивнула я. – Я получила почту вчера, как только мы приземлились. Она очень... эффективна.

Найл Стелла моргнул своими непристойно длинными ресницами.

– Она – да.

– Как давно она у тебя работает? – спросила я отвлеченно. Я никогда не оказывалась рядом с ним при свете дня и сейчас поразились, до чего он хорош: прекрасная кожа, чистая и гладкая, без единого изъяна. Он явно тратит много времени на бритье, все выглядит идеально.

Он подумал.

– Двенадцатого сентября будет четыре года.

– Ого. Ничего себе.

Он улыбнулся и посмотрел в свой телефон.

Мне кажется, тебе все идет.

Утренний воздух охлаждал мое лицо, и я закрыла глаза, радуясь сильному ветру. Он помогал мне прочистить мозг, пока мы шли по улице, а

потом повернули на Шестую авеню.

Только сейчас мне пришло в голову, что это мое первое утро в Нью-Йорке. Лондон – большой город, да. Но у меня всегда было ощущение, что я нахожусь в месте, которое существует уже много столетий, что дома, дороги и деревья выглядят примерно так же, как тогда, когда их построили и посадили. В Нью-Йорке, конечно, тоже есть старинные здания, но здесь так много нового и современного, в небо простираются стекло и металл. Постоянный цикл перерождения. По обе стороны было много лесов, и мы то и дело проходили под ними или следовали по знакам, указывающим путь обхода.

Я попыталась воспользоваться этим временем, чтобы обдумать то, что нам сегодня предстоит: назначить встречи с местными официальными лицами, получить расписание всех выступлений, составить список станций метро, которые больше всего нуждаются в перестройке.

Но я не могла сосредоточиться, и всякий раз, когда шум дорожного движения приглушался и мои мысли наконец обретали связность, Найл, обходивший кого-то из пешеходов, задевал меня за плечо. То он замечал шатающуюся доску на деревянном настиле и предупреждающим жестом прикасался к моей руке. Мы шли минут пять, и если бы меня спросили, о чем я думаю, я бы пробормотала что-то неразборчивое и неловко засмеялась.

Мы дошли до поворота и остановились на светофоре. Найл убрал в карман телефон и встал на приличном расстоянии от меня, но достаточно близко, чтобы рукав его пиджака задевал мой жакет, когда я поправляла ремешок сумки на плече. Этим холодным утром наше дыхание оставляло облачка пара в воздухе. Мне приходилось заставлять себя не пялиться на его губы, особенно когда он облизывал их.

Когда зажегся зеленый свет, толпа перед нами тронулась с места и я почувствовала на своей пояснице его ладонь, подталкивающую меня вперед.

Его рука у меня на спине... в нескольких сантиметрах от моей попы. И если бы он прикоснулся к моей попе, это было бы все равно как если бы он потрогал меня между ног. Так что да, мой мозг отреагировал примерно так же, как если бы Найл Стелла погладил мой клитор, и я споткнулась и чуть не упала.

Мы перешли дорогу, и он наконец сделал над собой усилие и замедлил шаги.

– Тебе не стоит подстраиваться под меня, – сказала я. – Я могу идти быстро.

Найл Стелла покачал головой.

– Прости? – переспросил он, делая вид, что не расслышал. И так, первое: он пытается быть вежливым и не признает, что мои более короткие ноги не могут шагать так же широко и быстро, как его. И второе: он ужасный лжец.

– Ты же чуть ли не восемь футов ростом. И ноги у тебя почти в два раза длиннее. Конечно, ты ходишь быстрее. Но я могу держаться с тобой вровень, я не буду тебя задерживать.

Он слегка покраснел и улыбнулся.

– Ты же тут чуть не упала, – заметил он, махнув рукой на проезжую часть, оставшуюся позади. У меня сердце забилося быстрее, и это не имело ничего общего с тем, что нам приходилось в быстром темпе идти по улицам Нью-Йорка.

– Я пыталась быть вежливой и делать вид, что ничего не произошло, – рассмеялась я. Обрадовалась, что он смотрит вперед, потому что моя улыбка была настолько широкой, что лицо могло вот-вот треснуть. – К черту нарядную обувь, в следующий раз я обуя «Найки».

– Эти неплохие, – сказал он, кивнув на мои сапоги. – Симпатичные. Насколько я помню, Порция носила высокие каблуки даже во время путешествий. Она... – Он замолчал, взглянув на меня с таким видом, как будто только что осознал, что я могу быть не в курсе его личной жизни. – Прости. Не буду утомлять тебя подробностями.

Что-что?

Даже по его профилю я видела, что он нахмурился. Он явно не собирался пускаться в воспоминания, но я не могла не признать, что в глубине души я в восторге. Он снял свою защиту, пусть даже на мгновение.

– Порция – это твоя бывшая жена? – спросила я, стараясь говорить легко и небрежно. И не показывать, что я жадно впитываю каждое слово. Он упомянул о ней в самолете, но имени не назвал.

Мы прошли несколько шагов в молчании, и только потом он кивнул, но больше ничего не сказал. Мне доводилось видеть бывшую миссис Стелла лишь мельком, но я тогда не знала, что это она, поэтому толком не рассмотрела ее. Я слышала кое-какие рассказы, но только урывками. Такое ощущение, что у нас в офисе было неписаное правило: немножко посплетничать можно, но слишком много подробностей – дурной тон.

Мы прошли мимо трех красивых бронзовых, покрытых патиной безголовых статуй перед небоскребом – одна стояла с одной стороны здания, остальные две – со другой.

– Они должны изображать Венеру Милосскую, – заметила я, указывая

на статуи. – Их называют «Смотрящие на авеню»^[1].

Он проследил за моим взглядом.

– Но у них нет голов, – возразил он. – И они никуда не смотрят.

– Я об этом не подумала, – ответила я. – Красивые груди, однако.

Найл издал такой звук, словно чем-то подавился.

– Что? – спросила я, засмеявшись. – Это правда! Город получает из-за этого много жалоб.

– Из-за грудей или из-за отсутствия голов? – уточнил он.

– Может, и потому, и потому?

– Откуда ты все это знаешь? Ты же говорила, что никогда не была здесь.

– Моя мама была очарована Нью-Йорком. Так что я могу быть твоим гидом и утомить тебя миллионом подробностей.

– Звучит заманчиво, – сказал он, но его голос был странным. Это сарказм или...

О боже мой.

Я резко остановилась, и Найлу пришлось обернуться.

– Что такое? – спросил он, глядя вперед, словно пытаюсь понять, из-за чего я остановилась. – Все в порядке?

– Концертный зал «Радио-сити», – завороченно сказала я и ускорила шаг.

– Достопримечательность, – сказал он с ноткой веселья в голосе и легко догнал меня, когда я рванула вперед.

– Здесь каждый год показывают рождественский спектакль, и моя мама умрет при мысли, что я так близко. – Мои перчатки были слишком скользкими, и я не могла схватить телефон, лежавший в кармане жакета. – Сфотографируешь меня?

Можно подумать, я попросила нарисовать меня обнаженной.

– Я не... – начал он и покачал головой, осматриваясь. – Мы не можем просто так тут стоять.

– Почему?

– Потому что это...

Он не сказал «неприлично», но это слово было написано у него на лице огромными буквами.

Я бросила взгляд по сторонам и увидела, что куча людей торопится по своим делам.

– Никто не обращает на нас внимания. Мы можем отойти к краю тротуара и никому не помешаем.

Он широко распахнул глаза, вздохнул и достал свой телефон.

– Я сфотографирую на свой и перешлю тебе. На твоём слишком много отвратительных девчачьих стразов. – Уголок его рта приподнялся в легкой улыбке. – Взгляни на меня. У меня слишком мужественный вид для таких штук.

Прошлым вечером я это уже заметила, но сегодня снова была сражена: Найл Стелла вежливый, культурный, утонченный и сдержанный человек, да, но Найл Стелла умеет веселиться и флиртовать.

Я знала, что перехожу грань, но черт возьми, он такой милый. Мимо несутся толпы туристов, а он ищет камеру на телефоне. Хотя он и возражал, но выражение его лица изменилось, когда он сделал первый снимок. Потеплело?

– Вот, – сказал он и повернул ко мне экран. – Очень красиво.

– Окей, а теперь иди сюда. – Он подошел ко мне, и я взяла телефон, рассматривая фотографию. – Сделаем общее фото, – сказала я и вытянула руку с телефоном.

– Что... – он начал было возражать, но передумал. – У тебя недостаточно длинные руки.

– Ты шутишь? Я спец по селфи. Просто... чуть-чуть согни колени, чтобы моя голова не была на фоне твоих дельтовидных мышц. Не то чтобы я что-то имела против них, но...

– Не могу поверить, что я это делаю, – сказал он, выхватывая телефон у меня из руки.

– Обещаю, я не скажу Макс, что ты делал селфи на Шестой авеню, – прошептала я, он повернул ко мне лицо, и наши глаза встретились.

Он был лишь в нескольких дюймах от меня. О, мы почти женаты.

Секунду он смотрел мне прямо в глаза, потом откашлялся.

– Надеюсь.

Пришлось сделать несколько снимков, чтобы выбрать правильный угол, и в последний раз он обнял меня за талию и прижал к себе.

Ой, все. Я мысленно поставила галочку в списке, сколько раз Найл Стелла обнимал меня за талию и прижимал к себе: один. Я знала, что это все равно отмечать Рождество, день рождения, повышение на работе и испытывать лучший оргазм в жизни – и все это одновременно.

Он взглянул на фотографию и повернул экран телефона ко мне. Снимок был хороший, чертовски хороший. Мы оба улыбались; камера поймала нас в момент, когда мы смеялись, а он пытался сфотографировать нас, не снимая перчаток.

– Какой у тебя номер телефона? – спросил он, глядя на экран. Я увидела, как его щеки слегка покраснели на холодном сильном ветру.

Я сказала, наблюдая, как он набирает мой номер. Он нажал «Отправить» и улыбнулся мне: слегка застенчиво, слегка игриво, и в этой улыбке было что-то еще, во что я не могла до конца поверить. В этот момент он не был похож на вице-президента, внушающего благоговейный ужас, или на человека, который закончил университет еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Он выглядел просто красивым парнем, с которым я гуляю по городу.

У меня в кармане звякнул телефон.

Я попыталась не думать о том, что теперь у него есть моя фотография и фото нас обоих. Я пыталась не думать о том, что теперь у него есть мой номер телефона. Я пыталась не думать о том, как нам сейчас было легко вдвоем, теперь, когда я перестала беспокоиться о том, как я себя веду в его обществе, и просто наслаждалась моментом.

Когда он убрал телефон и сделал жест, предлагая продолжить путь, я заметила широкую улыбку на его лице.

Я попыталась не думать о том, что, похоже, ему все это тоже очень понравилось.

Наш кабинет располагался на пустом этаже бизнес-центра. Это помещение арендовали под временный офис для консультантов, приезжающих в «МТА». Дареному коню в зубы не смотрят, но наш кабинет был размером с ванную моего гостиничного номера, а отопление жарило, как духовка. Окно не открывалось, и мы выяснили это только после того, как Найл провозился с ним минут пять. Все это время я с восторгом за ним наблюдала. Внесу это в список моих любимых зрелищ: Найл и его дельтовидные мышцы.

Мне кажется, тебе все идет.

Маленький кабинет означает, что Найл весь день будет совсем рядом со мной, и я не смогу сосредоточиться на самом простом задании. А слишком жаркое отопление – значит, он снимет пиджак и – после заметных колебаний – ослабит галстук и расстегнет верхнюю пуговицу на рубашке. И закатает рукава. Если бы я могла, я бы поставила термостат еще на десять градусов выше, чтобы увидеть его обнаженную грудь. Кстати, вот почему меня нельзя назначать ответственной за температуру в помещении.

Я никогда еще не видела его обнаженные предплечья (еще одна галочка в списке того, что мне хотелось бы увидеть у Найла Стеллы), и его кожа оказалась идеальной, как я и думала: сильные руки и запястья, длинные пальцы. Я украдкой наблюдала, как сокращаются его мышцы, когда он печатает, катает ручку по столу во время размышлений, как

напрягаются его бицепсы, когда он постукивает пальцами по подлокотникам кресла.

Найл Стелла – непоседа.

Мы мало разговаривали, сидя за своими столами, разбирая коробки и устраиваясь. Потом мы вышли на улицу пообедать и остановились на углу у прилавка с хот-догами. Мне еще пришлось его поуготоваривать.

– Надо встать в самую длинную очередь, – объяснила я. – Вы никогда не смотрели Food Network?^[2] Видите, тут много людей, а вон там, через дорогу, стоят всего два человека? Там, наверное, делают хот-доги из дохлой кошатины.

Он вздохнул и пробормотал себе под нос со своим безупречным произношением, что к концу дня он точно умрет, а потом еще добавил:

– И это ты называешь чипсами?

– Как твой брат выживает в городе с такими скудными порциями? – поддразнила его я.

– Понятия не имею.

– Что ты делаешь? – спросила я, помешав ему испортить хот-дог какой-то дорогой горчицей тошнотного цвета. Господи, в ней *семена*.

Он моргнул, держа бутылку с приправой над булочкой, и уставился на меня с таким видом, словно мы говорим на разных языках.

– Нельзя портить уличный хот-дог этой штукой, – сказала я. – Есть правила.

– Сама ешь свою искусственную горчицу, – ответил он, и я прямо увидела знаки кавычек у него над головой, – а я буду есть нормальную. – Наш союз, кажется, уже нуждался в консультации психолога.

Я постанывала, поглощая хот-дог, только для того чтобы доказать, что мой вкуснее.

Он закрыл глаза, пытаясь подавить изумление, и покачал головой.

– Знаешь, – сказала я, проглотив здоровенный кусок, – если бы я не видела, как ты иногда улыбаешься тайком, я бы предположила, что ты либо самое дисциплинированное живое существо на планете, либо репликант, либо колешь ботокс.

– Это ботокс. – Он откусил от хот-дога.

– Я так и знала. Тебе не скрыть свое тщеславие.

Он чуть не подавился от смеха и украл мою салфетку.

– Ты права.

Мы вернулись в офис, но с учетом жары (должна пожаловаться, что я чуть не растаяла) и того, что телефоны еще не подключили, мы мало что

могли сделать. Встречи начинались завтра, мы распаковали кое-какие документы, но такое впечатление, что наши мысли были заняты чем-то другим – полагаю, по разным причинам. Так что в два часа дня он собрался на выход.

Найлу надо было изучить кое-какие планы и сделать несколько телефонных звонков, и всем этим он мог заняться в своем номере.

Мы молча возвращались в отель по противоположной стороне от «Радио-сити», но я готова поклясться, что его губы сложились в легкую улыбку, когда мы проходили мимо.

На следующее утро я проснулась еще до звонка будильника. Мне не терпелось начать новый день и – да, я человек эмоциональный – отправиться на работу в обществе кое-кого. Но в моем телефоне после смски от брата и трех посланий от Лолы была еще одна от этого кое-кого: «Возьми такси и поезжай без меня. Мне надо кое-что сделать, буду позже».

Надежды мои были разбиты. Я ответила, что встретимся там, и несколько кварталов прошла пешком, вместо того чтобы поймать такси, выбрав другой маршрут и сделав несколько фотографий для мамы. Войдя в кабинет, я обнаружила, что отопление еще не наладили, и порадовалась, что мне хватило ума надеть блузку с рукавами и избавиться от утягивающего белья. В любом случае, в пределах видимости нет никого, для кого мне стоило бы выглядеть намного хуже.

Я сидела в одиночестве, и мне было дико скучно, но телефоны заработали, и я смогла поработать, убедить Тони, что у нас все в порядке, а также познакомиться с кое-какими людьми, сидевшими по соседству. Найл появился в районе полудня, его руки были заняты пакетами.

Он выгрузил свою добычу на стол и стул, а я с любопытством наблюдала за ним.

– Доброе утро, – сказал он, вешая плащ на крючок рядом с дверью. – Или скорее день. Смотрю, тут все еще жарко, как в пекле.

– Я позвонила, и завтра сюда придут и что-то с этим сделают, но тебе повезет, если я не начну раздеваться.

– Сомнительно, – пробормотал он.

Ну или мне послышалось.

– Что?

Он проигнорировал мой вопрос, отвлекшись на содержимое своих пакетов. Сегодня на нем были очки. Господи боже мой. На любом другом человеке эта оправа – темный ободок и тонкая полоска хрома, уходящая за уши, – говорила бы о том, что он тщательно выбрал дизайнерский бренд,

чтобы подчеркнуть свою индивидуальность. Но я знаю, что Найл Стелла выглядит безупречно, потому что покупает только самое лучшее и, видимо, потому что у него потрясающий портной. И дело не в трендах.

– Очки выбирала женщина, – сказала я, указывая на его оправу.

Он поднял взгляд от пакета, положил папку на стол и в замешательстве переспросил:

– Прости?

– Эту оправу выбирала продавщица. Ты вошел в магазин, через долю секунды она подбежала к тебе, потому что... – я окинула взглядом его тело, давая понять, что это неудивительно, – ...и она предложила выбрать подходящую пару.

Несколько вдохов-выдохов он разглядывал меня, потом поднял свою огромную прекрасную ладонь, чтобы опустить очки на нос, и поинтересовался:

– Что *это* означало? – при этом окинув меня таким же взглядом, как я его, и с трудом подавляя улыбку.

– Это означало, что в магазин вошел горячий мужик в костюме и без кольца на пальце. Все равно что спустить с поводка гончую.

– Откуда ты знаешь, что когда я покупал очки, на мне не было кольца?

Он меня проверяет. Развлекается. Черт возьми, Найл Стелла продолжает флиртовать со мной.

– Ты же признал, что у меня непревзойденные детективные способности. Я же внимательная.

Его брови вопросительно приподнялись.

– Ты купил эти очки в ноябре. – Он продолжал ждать объяснений. Я занервничала. – Ладно, – застонала я. – Ты перестал носить кольцо в сентябре.

Он рассмеялся, вернул на место очки и продолжил копаться в пакете.

– Ты думаешь, я странная? – спросила я слабым голосом.

Он снова спустил очки на нос и внимательно рассмотрел мое лицо, перед тем как ответить:

– Да, в том смысле что ты непредсказуемая, а меня люди редко удивляют. Я думаю, что ты замечательная.

Замечательная? Любопытное прилагательное.

Не успела я ответить, хотя будем честными – чтобы найти слова, мне бы потребовалось лет десять, как он с улыбкой выпрямился.

– Я кое-что принес тебе. Поскольку уже почти время ланча... – Он взял со стула белый, покрытый жиром пакет и извлек оттуда хот-дог. С обычной горчицей.

– Ты снизошел до моих плебейских горчичных стандартов? – воскликнула я, с радостью приняв угощение.

– Как я мог поступить иначе? Вчера ты стонала при каждом укусе.

Только теперь меня осенило, на что это было похоже.

– Я...

– И пока не придут ремонтники... – Он вытащил из коробки большой настольный вентилятор.

– Ты купил вентилятор?

– Мы же не хотим, чтобы ты растаяла, верно?

Ой, все. Наконец я осмелела. Я встала, обошла стол, остановилась перед ним и сделала то, о чем мечтала все предыдущие шесть месяцев: поправила галстук. Я затянула процесс, выравнивая узел и разглаживая шелковую ткань на его груди.

Он втянул воздух, и я замерла, опасаясь, вдруг я перегнула палку, вдруг я неправильно прочитала знаки и слишком тороплюсь. Между нами повисло молчание, оно затягивалось и становилось тяжелее с каждым тиканьем секундной стрелки часов.

– Спасибо за ланч, – прошептала я.

– Всегда пожалуйста. – Легкий намек на улыбку, на миг появились ямочки, а потом он посмотрел мне прямо в глаза.

Наконец – и все это время сердце колотилось у меня в горле – Найл взял мои ладони провел ими по своему телу вверх. Я чувствовала четко очерченные мышцы его живота, твердую грудь под рубашкой.

Теперь уж у меня перехватило дыхание. Вероятность того, что между нами что-то будет, превращалась из восхитительной фантазии в галочку напротив пункта «Сколько раз Найл Стелла провел моими ладонями по своей груди». Что же мы творим?

В воздухе чувствовался слабый аромат его одеколона, легкий запах кофе и свежая краска откуда-то из соседнего кабинета. Я медленно подалась вперед, действуя на автопилоте, и мой мозг перестал контролировать тело.

Он тоже подался вперед, и после пары едва заметных неловких движений расстояние между нами исчезло. Его нос уткнулся в кончик моего, и я видела его ресницы, чувствовала его дыхание на своих губах. Я закрыла глаза, сомневаясь, что после такого зрелища смогу остаться прежней.

– Ты поцелуешь меня? – спросила я, удивив саму себя этим вопросом.

Его грудь прижималась к моей, но он не делал то, что, как я думала, он собирался. Он чуть отстранился, чтобы заглянуть в мои глаза.

– Боюсь, я не могу остановиться, – прошептал он.

Внимание, сирена?

– Может, я не хочу, чтобы ты останавливался. – Он приподнял брови, но ничего не сказал, сохраняя выжидательное молчание. Я сомневалась, что у меня получится, но в итоге я выдавила из себя: – Я думала об этом моменте и о том, что я скажу и сделаю.

Он еще дальше отодвинулся, рассматривая мое лицо.

– Правда?

Зажмурившись, я призналась:

– Несколько месяцев.

На этот раз его брови взлетели еще выше, и я вывалила все на него:

– Я думала, что это будет просто мое увлечение. Я никогда не предполагала, что мы можем пересечься иначе, чем мимоходом. Но вот мы тут, проводим много времени рядом друг с другом, и флиртовать так весело, и я на грани того, чтобы окончательно потерять голову... – Я подняла голову, встретившись взглядом с его широко распахнутыми глазами. Мой рот болтал сам по себе, без участия мозга. Я опять закрыла глаза и простонала: – А теперь из-за меня ты чувствуешь неловкость.

Снова взглянув на него, я обнаружила, что он с нежностью рассматривает мое лицо.

– Нет. Вовсе нет. Я просто... не привык.

– Не привык к тому, чтобы девушки признавались, что сходят по тебе с ума? – Я выдавила из себя неловкий смешок, больше похожий на лай. – Верится с трудом.

– Ну, – ответил он, сделав шаг назад и с извиняющимся видом пожимая плечами, – это правда. Я уже говорил, что Порция – единственная женщина, с которой я когда-либо... в общем, у меня больше никого не было. – Он провел ладонью по затылку. – Если не принимать во внимание тот факт, что мы в командировке и что мы недавно познакомились... я несколько выбит из колеи.

Я изумленно уставилась на него, на Найла Стеллу, все тело которого словно кричало о сексе и который стоял передо мной и говорил, что у него была только одна женщина. Я знала, что он познакомился с Порцией в юности, но мне никогда не приходило в голову, что она была его первой женщиной. Никаких сексуальных развлечений в колледже. Новая девушка каждую ночь – тоже нет.

Мне показалось, что у меня заклинило мозг.

– Так что, видишь ли, – продолжил он с легкой улыбкой, – если у тебя есть ко мне интерес, тебе надо знать, что я совершенно неопытен по этой

части.

И в этот самый момент, когда я ожидала, что он посмотрит мне в глаза, возьмет за руку или сделает что-то еще, что может сделать человек в такой момент, или хотя бы признает, что между нами что-то происходит, он моргнул, повернулся к своему столу и начал читать бумаги. Я пробормотала что-то неразборчивое насчет того, что мне нужно в дамскую комнату, и выскочила из кабинета.

Глава 6

Найл

«Приходи выпить пива».

Не успел я вернуться в отель, охваченный сумбурными мыслями, как пришла смска от Макса. Единственное, чего мне хотелось больше, чем упасть на кровать, это выпить кружку пива.

На самом деле больше всего на свете мне хотелось быть вместе с Руби.

Как такое может быть, думал я, чтобы так увлечься за несколько дней? Буквально за считанные часы?

Внутри меня что-то как будто росло день за днем. Это тайное место, неожиданное романтическое ядро, подсказывало мне причину, почему Руби так легко вторглась в мои мысли. Не потому, что она отвлекает меня от депрессии, но потому, что она мне подходит. Мне хотелось довериться этому будоражащему ощущению, которое я рядом с ней испытывал, не потому, что оно было мне знакомо, а потому, что нет.

И все же, когда мне представился удобный момент, я сразу же закрылся.

Пойду-ка я выпью пива.

Парни снова собрались в «Найвз», как будто это их любимое место. Но я знаю своего брата достаточно хорошо, чтобы понимать, что он просто хочет присмотреть за мной. И быть в курсе моих настроений.

Он с друзьями сидел за тем же самым низким столиком, который мы занимали прошлым вечером; все пили коктейли и угощались закусками, расставленными по столу. Было уже почти одиннадцать, и я еще не ел.

– Будь другом, отвернись, пока я потихоньку все это съем, – сказал я, усаживаясь рядом с Максом и потянувшись за орехами.

Он рассмеялся.

– Я так и знал, что ты придешь голодный.

– Что? – сказал Беннетт, осматриваясь. – Без Руби? Должен признаться, я несколько разочарован.

– Не думаешь, что она тоже захочет что-нибудь укушать? – спросил Уилл.

Я сглотнул и пробормотал:

– Какие вы все деликатные, черт возьми. Я уверен, что она заказала еду в номер. И поскольку мы заговорили о женщинах, что вы все на меня

напустились? Нигде не вижу ваших подружек.

– Бойся своих желаний, – заметил Джордж. – Варварская Хлоя скоро придет.

– Какая Хлоя? – переспросил я, уверенный, что ослышался. – Прости, ты говоришь о жене Беннетта?

Но Беннетт отмахнулся.

– Сара и Ханна на какой-то вечеринке. Хлоя скоро придет. И не беспокойся, – сказал он мне. – Они друг друга еще и не так называют.

Джордж пожал плечами и подался вперед.

– У нас с Хлоей особая связь. Мы называем друг друга ужасными словами, чтобы к нам никто не приближался. – Беннетт кашлянул, Джордж моргнул и добавил: – Если вот только он, но он и сам не подарочек.

И в бар вошла одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел. Невысокого роста, она двигалась так, словно она на голову выше окружающих. Темные волосы спадали до середины спины, темное платье в обтяжку и настолько высокие шпильки, что я начал опасаться за ее щиколотки.

– Вспомни дьявола, – заметил Беннетт и встал, с гордой улыбкой наблюдая за идущей к нему женой.

– Отвернись, – сказал Уилл, когда Хлоя приблизилась к нам.

Я смущенно посмотрел на парней, перед тем как снова взглянуть на Беннетта и Хлою, и быстро отвел глаза. Сказать, что они страстно обнимались, будет сильным преувеличением, но мне снова стало некомфортно при мысли о моих развалившихся отношениях и о том, что вряд ли я когда-то вытащу голову из песка, не говоря уже о том, чтобы найти себе кого-то.

Уилл застонал.

– Может, снимете себе номер?

Хлоя еще раз поцеловала мужа, перед тем как обратить на нас свое внимание.

– Ты просто завидуешь, потому что твоя невеста сидит в обществе каких-то женщин, обсуждая книги, вместо того чтобы восторженно на тебя смотреть.

– Ну, раз уж ты так это формулируешь... то да, – признал Уилл. – А ты почему не с ними?

Хлоя заказала напиток у проходящей мимо официантки и села за стол.

– Потому что это мой единственный свободный вечер на этой неделе, и я хочу провести его с мужем. Кстати, муж, – она повелительно взглянула на Беннетта, – допивай.

Беннетт поднял стакан.

– Да, мадам.

– Это сильно, – заметил Джордж.

– Джордж, – улыбнулась ему Хлоя.

– Темная госпожа, – отозвался он.

– А ты, должно быть, Найл? – она обратила внимание на меня.

– Да, – сказал я, протягивая ей руку. – Приятно познакомиться.

Мы с Хлоей обменялись рукопожатием.

– И мне. А где девушка?

– Девушка? – переспросил я, окидывая взглядом присутствующих.

Хлоя улыбнулась, и должен признать, что эффект был ошеломительный, если не пугающий. Могу представить, какой ужас может навести эта женщина на какого-нибудь несчастного, если ей взбредет это в голову.

– Предполагаю, она говорит о твоей Руби, – пояснил Макс.

– Она не моя Руби, – поправил я.

– Ага, конечно, – заметила Хлоя. – Так они все и говорят.

Пока я жевал картофельные шарики с трюфелями, до меня дошло. Я же чуть не поцеловал ее на работе.

– Да, вы все болтали об этом вчера вечером.

– Разумеется, – подтвердил Джордж. – И только ты смущался. Рядом с ней ты превращаешься в робота...

– На самом деле он всегда немножко робот, – вмешался Макс.

– Ваше здоровье, парни, – саркастически произнес я. – Забавно, что из всех присутствующих только я не в курсе.

Принесли напиток для Хлои, и она приподняла бокал.

– Это потому что мужчины – идиоты, – сказала она. – Не пойми меня превратно, женщины тоже бывают такими же непонятливыми, как мужчины. Но по моему опыту, когда что-то идет не так, заваривает эту кашу, как правило, тот, у кого есть член. – Секунду она смотрела на меня с веселой уверенностью, потом добавила: – Без обид.

– Хорошо сказано, – засмеялся Макс.

Они рассматривали меня еще несколько секунд, перед тем как возобновить разговор, прерванный моим приходом. Все, кроме Хлои, продолжавшей изучать меня.

– Ты так и не сказал, почему девочки не могут приехать в «Кэтскилл» на эти выходные, – Беннетт обратился к Макс.

– Сара делает ремонт во всей квартире, – ответил Макс, проведя ладонью по макушке. – К ней придет дизайнер. Мне кажется, что стены

сомкнутся и... ой!

– Макс, лучше бы тебе не терять контроль над этим делом, – предостерег Беннетт. – Помнишь, как Хлоя решила покрасить квартиру? Ребенок с карандашами и то справился бы лучше.

– Следи за словами, Миллс, – заметила Хлоя.

– Не начинай, Райан, – ответил он. Я совершенно запутался. – Зеленая кухня? Даже ты должна признать, что это было ужасно.

– Вот нет. Это был процесс избавления. Может быть, мне надо было сделать несколько попыток, перед тем как я поняла, что мне на самом деле хочется, – сказала она, мило улыбаясь. Было чертовски ясно, что они говорят не о красках.

Джордж ткнул пальцем в их сторону.

– Нет-нет-нет, не начинайте ваши любовные игры за столом.

– Этот ремонт Сары – очень... – осторожно продолжил Макс, никогда не критиковавший свою жену. – Очень длительная история.

– Деликатная, – добавил Уилл.

Мой брат со смехом ответил:

– Туше.

Официант поставил передо мной кружку пива и поинтересовался, нужно ли нам что-то еще. Я заказал второе блюдо. Официант посмотрел на нас всех по очереди и, удовлетворенный, ушел.

Уилл наклонился вперед, и все зашептались:

– Джордж... Что с ним? Он... в порядке?

– Нет! – прошипел Джордж. – Это все равно что трахать вяленую говядину.

– Господи! – пробормотал Беннетт, проводя ладонью по лицу. – Никто не говорит о том, чтобы трахать. Это просто одна вечеринка.

– погоди. – Уилл покачал головой. – Джордж, ты что?

Макс застонал:

– Ради бога, Уильям, умолкни.

Я не сдержался.

– Что происходит?

Джордж нас всех проигнорировал.

– Серьезно, он же весь промаринованный. У него загар небось до костей дошел.

– Объясните же кто-нибудь, о чем речь, – повторил я.

– Эти два идиота, – сказала мне Хлоя, – обсуждают вечеринку в «РМГ». Уилл предлагает ему пригласить здешнего официанта, а Джордж, судя по всему, считает его неподходящим кандидатом.

– «РМГ»? – переспросил я.

– «Райан Медиа Групп», – объяснил Джордж. – Беннетт решил устроить вечеринку, а у меня нет пары. Парни пытаются помочь. И это неловко для всех нас. Я бы лучше поговорил о том, что ты собираешься делать с Руби.

Я так и знал, что мы к этому вернемся. На самом деле в глубине души я испытывал потребность поговорить на эту тему... странно. Мне не нужно было ни с кем обсуждать мой развод, но сейчас у меня появились незнакомые желания.

– Я... – Я не отрывал взгляда от своей кружки с пивом. – На самом деле я не знаю.

За столом воцарилось молчание. Потом я признался:

– Она сказала мне, что она ко мне равнодушна. На самом деле, – я поднял глаза от стола, – у нее это уже давно.

– Да я только взглянул на нее и сразу все понял, – сказал Беннетт.

– Аналогично, – подтвердил Джордж.

– Ага, – сказал Билл.

Последним был Макс:

– Я могу уже ничего не говорить, верно?

– Мы чуть не поцеловались вчера в кабинете, – выпалил я, и по какой-то причине все головы повернулись к Беннетту, показывавшему средний палец, – Надо сказать, все это движется слишком быстро для меня. Я только... ну... мы работаем вместе уже несколько месяцев, но я знаю ее лишь пару дней.

– Ну и что ты собираешься делать? – поинтересовалась Хлоя.

– Ну... – начал я. Она смотрела на меня как на недоумка. – Как я уже сказал, для меня...

– Она сказала, что равнодушна к тебе. Вы чуть не поцеловались. Ты сказал, что все развивается слишком быстро, так что я не могу понять, почему ты здесь, а она нет.

– Да, – сказал я.

– Ты либо заинтересован, либо нет.

– Все не так просто, – ответил я. – Мы вместе работаем.

Хлоя отмахнулась.

– Все это не имеет значения. – Когда все с удивлением уставились на нее, она добавила: – Что? Это правда! Я, конечно, не в курсе всех подробностей, но из того, что я слышала, я поняла, что она симпатичная умная девушка, и со временем на нее обратит внимание кто-то поумнее тебя. Не будь идиотом.

Я рассмеялся и отпил пива.

– Твое здоровье.

– Как обычно, Хлоя глядит в самую суть. – Мой брат положил ладонь на мою руку. – Просто позвони ей. Спроси, не хочет ли она присоединиться к нам.

Я кивнул и отошел в место потише, чтобы поговорить на телефону. И вдруг подумал, что еще ни разу не звонил ей. Что у нас не было планов на вечер. Что, может быть, у нее свои планы, что Хлоя права и ее заметил кто-то поумнее.

– Алло?

Звук ее голоса поразил меня, потому что я уже каким-то образом убедил себя, что она не возьмет трубку. Я превратился в напряженный комок нервов.

– Алло? – пауза. – Мистер Стелла?

От звука ее голоса я задрожал.

– Руби, называй меня Найл, ладно?

– Все в порядке?

– Не хочешь спуститься в бар и перекусить?

Она раздумывала целую вечность.

– Если только... – Я помолчал, пытаюсь подобрать слова. – Разве только у тебя в номере уже есть... так сказать, кое-кто приятный.

О господи, что я несу?

– Кое-кто приятный? – переспросила она, и я услышал в ее голосе сдерживаемый смех и признаки легкого опьянения.

Я тихо застонал.

– Я имею в виду хорошую компанию. Или вдруг у тебя планы. Руби, я не настаиваю. Я даже не уверен, что ты...

Она перебила меня тихим смешком.

– Уже почти полночь. Я тут одна, честное слово. Но я только что вышла из ванны, выпила пару коктейлей и заказала еду в номер.

Мне представилась Руби в ванной. Обнаженная. Навеселе. Влажная. Теплая нежная кожа. Расслабленные мышцы.

– А. Ладно.

Руби помолчала.

– Я имею в виду, я думаю, я... – Она снова умолкла.

– Нет, Руби, я не собирался... Я просто хотел убедиться, что ты поужинала. День был длинный. И мы... – Я закрыл глаза и договорил: – Мы... Я беспокоюсь, все ли с тобой в порядке.

Я слышал ее дыхание, быстрое и неглубокое. В груди у меня что-то

сжалось при мысли о том, что она переживает, страдает из-за меня или еще из-за чего-то. Я знал, что мог бы что-то сделать для нее... понять бы, как начать.

– Все хорошо, честное слово. Спасибо.

Несколько долгих томительных секунд мы молчали.

– Ладно. Тогда спокойной ночи, Руби.

– Спокойной ночи... мистер Стелла.

Вернувшись к столу, я уселся на свое место и принялся за вторую пинту пива. Я чувствовал себя еще хуже, чем раньше; я нес какую-то чушь по телефону, я был неловок при личном общении. Когда Макс, приподняв бровь, вопросительно взглянул на меня, безмолвно интересуясь, придет ли Руби, я отрицательно покачал головой. Не знаю, что я чувствовал при мысли об этом – облегчение или разочарование. В результате я остановился на облегчении, потому что знал: я не смогу удержаться. Мне захочется почувствовать ее руку на своем колене, посмотреть ей в глаза и убедиться, что ее чувства ко мне не исчезли, и черт меня подери, если я смогу спросить ее об этом.

Черт побери.

Беннетт и Хлоя ушли, Джордж сказал им вслед, что он лучше покончит жизнь самоубийством, чем станет свидетелем того, как они лижут. Я заказал джин с тоником, потом еще один и какое-то время поддерживал беседу, перед тем как погрузиться в свои мысли. Меня бросало от волнения к спокойствию, потом я опьянел и наконец убедил себя, что самая лучшая идея в час ночи – это пойти к ней.

– Ты куда? – любопытствовал Макс. – Это мой единственный свободный вечер в этом месяце. И черт тебя дери, если ты сейчас сольешься.

– Завтра весь день встречи, дружище. Спокойной ночи.

Я проигнорировал их неодобрительные возгласы и направился к лифту. Поднялся на одиннадцатый этаж и подошел к двери в ее номер.

Я постучал, и этот звук показался мне очень громким и нетрезвым. Несколько секунд спустя дверь открылась и передо мной явилась Руби в крошечном розовом шелковом топе и таких же шортах, едва прикрывавших ее...

Господи боже мой.

Она махнула в сторону двери.

– Все в порядке, мистер Стелла?

Я прокашлялся, потом еще раз.

– Черт возьми. Ты всегда спишь в этом?

– Да... – ответила она, и в ее голосе послышалась улыбка. – Если только рядом со мной нет кое-кого приятного.

Я наконец сумел оторвать взгляд от ее груди, выступающей в вырезе топа.

– Тебе нравится меня дразнить.

Она облизнула губы.

– Да.

Я стоял в дверях, осознавая, что смотрю на нее голодным взглядом.

– Хочешь войти? – спросила она. – Предупреждаю, я выпила несколько коктейлей. Но у меня в минибаре еще кое-что осталось, если ты хочешь «мидори» или «егермайстер».

– Я тебя не трону, – выпалил я и тут же зажмурился. – Извини, я тоже выпил и... – Открыв глаза, я посмотрел ей в лицо. Она улыбалась с выражением облегчения. – Не знаю, зачем я здесь. Я не мог перестать думать о том, что сегодня произошло, и о том, что мне очень хочется тебя увидеть. Но я и правда не должен прикасаться к тебе, Руби.

Я видел, как пульсирует жилка у нее на шее. Я видел, что она дрожит.

– Не должен? – переспросила она. – Или не хочешь?

Не ответив и плохо соображая, что я делаю, я вошел в ее номер. Она сделала шаг назад, и дверь за мной закрылась со стуком, от которого все завибрировало.

– Это правда? То, что ты сегодня сказала? – спросил я. – Ты думала об этом? Обо мне?

От шеи до щек ее залила краска, но она умудрилась сохранять бодрый голос, ответив мне:

– Да.

Она стояла на месте, но я нет. Я двигался вперед, пока не оказался в одном дюйме от нее. Я почувствовал ее дыхание на своей шее. От нее остро и сладко пахло апельсиновым соком и водкой.

Что за глупости, Найл. Уходи отсюда.

– О чем ты думаешь? – спросил я.

– О том, что ты в моем номере, – улыбнулась она, глядя на мои губы. – Кое-кто приятный.

Рассмеявшись, я провел рукой по лицу и признался:

– Эти несколько последних дней... я тоже о тебе думаю. Ты завладела моими мыслями.

– Это плохо?

Я посмотрел на нее. Она нервничала, но при этом выглядела уверенной; я в ее номере; она в некоторой степени контролирует ситуацию.

– Нет, не плохо. Я просто не знаю, что с тобой делать. – Не знаю, почему я это сказал, но мои слова не произвели на нее ни малейшего впечатления.

– Можем подумать об этом вместе.

Заглянув ей в глаза, я спросил:

– Правда?

Руби кивнула и положила руку мне на грудь.

– Я понимаю тебя. Думаю, ты меня тоже понимаешь.

Я сглотнул и не нашелся с ответом.

– Я расскажу тебе, что мне нравится, – прошептала она, – а ты скажешь мне, чего ты хочешь.

Мне надо уходить. Вернуться в свой номер и дать нам обоим возможность перевести дух.

Взглянув на меня, она спросила:

– Чего ты хочешь?

– Вот это, – ответил я. – Удивительную уверенность, которую я испытываю рядом с тобой. То, как ты на меня смотришь.

Она смотрела на меня, широко распахнув глаза.

– Наверное, многие женщины так на тебя смотрят.

– Нет, ты ошибаешься. Может быть, они смотрят на меня так, как на тебя смотрят мужчины – когда ясно, что они тебя хотят и думают о тебе как о сексуальном объекте. Но ты смотришь по-другому. Такое ощущение, что ты смотришь мне прямо в душу. – Я помолчал и добавил: – Кроме того, я никогда не хотел «много женщин».

Она смотрела на меня с сияющей улыбкой, и я забыл, что хотел сказать.

Сердце так сильно колотилось у меня в груди, что я едва стоял на ногах. Я понимал, что пьян, но не хотел, чтобы это ощущение заканчивалось. Я никогда не испытывал ничего подобного. Она была так близко, пахла розовой водой и неопишуемым запахом женщины. Как хорошо было бы прижать ее к груди, ее голова как раз достанет мне до подбородка. Или посадить ее сверху, чтобы ее ноги обхватили меня за талию и ее грудь была скользкой от пота.

– Руби, что мы делаем?

Она убрала прядь волос за ухо и хихикнула.

– Это ты пришел в мой номер. Думаю, мы оба немного пьяны. Сам скажи.

– Мне... хочется увидеть больше.

Она посерьезнела.

– Мне тоже.

– Но, может быть, сегодня неподходящий случай. Мне не следует прикасаться к тебе. – Может быть, если я произнесу это сто раз, я в это поверю. – Мы пьяны, а я хочу быть трезвым, когда...

Она закрыла глаза с очевидным разочарованием. А потом что-то изменилось: Руби распахнула глаза, взглянула на меня и на ее лице изобразилось лукавство. Она отошла к кровати и сняла покрывало.

– Но если бы ты был трезвым, как бы ты прикоснулся ко мне? – спросила она, аккуратно складывая покрывало и убирая его в ящик.

Не думая, я выпалил:

– Отчаянно, – и сделал шаг к ней.

– Грубо?

– Я... нет, – бессвязно произнес я. – Я бы никогда...

– Мне нравится мысль о том, что ты прикасаешься ко мне грубо, – перебила она, успокаивая меня своей улыбкой. – О твоих больших нежных руках, дрожащих, стремящихся коснуться меня, и ты такой нетерпеливый.

– Пожалуй, да, – признал я, и когда она взглянула на меня в ожидании продолжения, я добавил: – Да, точно да. – Я едва дышал, мои руки тряслись. – Я постараюсь быть осторожным, но не думаю, что у меня это получится.

Она задвинула ящик бедром и сделала шаг ко мне.

– Ты сорвешь с меня одежду до того, как мы окажемся в постели, – сказала она, играя с лямкой своего топа и ожидая, что я остановлю ее.

Но я не мог.

Проведя ладонями по груди и животу, она взялась за край топа и потянула его вверх... сняла.

Мое сердце остановилось, и когда оно снова забилося, оно, казалось, увеличилось в размерах раз в десять и колотилось в десять раз быстрее.

Руби уронила ткань на пол, не отводя взгляда от моего лица.

Я увидел ее обнаженную грудь, роскошные изгибы, маленькие розовые соски и прекрасную светлую кожу. Сглотнул, пытаясь совладать со своим безумным пульсом. Я хотел прикоснуться к ней, поцеловать ее. Лечь на нее, двигаться в ней.

Она сделала шаг назад, потом отвернулась и подошла к кровати.

– Руби. – Я не хотел сказать ничего осмысленного. Просто произнести ее имя. Почти как молитву.

– Ты трогаешь мои груди так, словно знаешь их до последней клеточки. – Она снова повернулась ко мне лицом и провела ладонями по пышным выпуклостям, сдвигая их и пощипывая розовые верхушки. –

Посасываешь их. Словно ты голоден.

Господи.

– Я голоден.

– Тебе нравятся мои груди. Ты сходишь по ним с ума.

Я чуть не подавился. Никогда в жизни я не играл в такую игру.

– Правда?

– Ага. Тебе нравится тереться о мои груди.

Я залился краской, брюки стали мне тесны.

– Тереться?

– Членом.

Мой рот наполнился слюной, и я уставился на ее губы, представляя, как она целует меня... там.

– Но прямо сейчас ты хочешь увидеть меня голой. – Это был вопрос, но звучал он как утверждение.

Она подцепила край шорт большими пальцами, дразня меня.

Я чуть не зажал рот рукой, чтобы не застонать. Алкоголь сделал меня смелым.

– О да.

Она потянула шелковую ткань вниз, соблазнительно покачивая бедрами. Белья на ней не было, и ее обнаженное тело было гладким, нежным. Я никогда в жизни не видел ничего более прекрасного.

– Тебе нравится смотреть на меня, – сказала она, но это был не вопрос. Без сомнения, на моем лице были написаны все мои мысли.

Как же я хотел лечь на нее, быть нетерпеливым и грубым, в точности как она описала.

Тяжело сглотнув, я сказал:

– Я хочу смотреть только на тебя, милая.

Руби легла на кровать, устроившись посередине матраса, и раздвинула ноги.

– Ну так... смотри.

Я без капли стыда уставился между ее ног. В ушах пульсировала кровь, и мне пришлось прислониться к шкафу, чтобы не упасть.

– Господи.

Она провела пальцами по ногам от коленей к бедрам. А потом по влажной промежности.

– На вкус я тебе тоже нравлюсь, – прошептала она.

Я сглотнул и кивнул. Это самая приятная штука в мире.

– Но ты меня дразнишь.

Я взглянул в ее лицо, слыша лукавство в ее голосе.

– Неужели?

– Да, – простонала она. – Это ужасно. Ты заставляешь меня умолять, я так хочу почувствовать твой рот на своем клиторе.

На ее клиторе? У меня закружилась голова. Ситуация быстро выходила из-под контроля.

– Что?.. То есть как я это делаю?

Пожав плечами, она ответила:

– Целуешь мои бедра и вот здесь. – Она показала между ног, где именно. – И лижешь меня. – Ее указательный палец скользнул ниже, блестящий от влаги. – Видишь, я совсем мокрая?

Я чуть не прыгнул на кровать. Мой голос был едва слышен:

– О да.

– Вот так ты меня дразнишь. Не лижешь меня вот здесь. – Она переместила палец чуть выше, лаская клитор. – По крайней мере, пока я не начну кричать и умолять.

Я сделал шаг вперед.

– Очень некрасиво с моей стороны.

Руби хихикнула и улыбнулась.

– Так и есть.

Я чувствовал, как кровь стучит у меня в ушах, наконец понимая, какой властью я обладаю над ее телом. *Только взгляни.* Невозможно не видеть, как она реагирует на меня.

– Но это лишь потому, что мне нравится наблюдать, как розовеет твоя кожа от желания, дорогая.

Ее губы приоткрылись, и она резко выдохнула.

– Я и правда хочу этого.

– Недостаточно сильно, – сказал я. – И я бы предпочел попробовать на вкус твои бедра.

Ее бедра приподнялись, и пальцы послушно двинулись туда, куда я сказал.

Сердце молотом стучало у меня в груди. Я так хотел присоединиться к этой игре.

– У тебя идеальная грудь.

Она застонала, прикрыв глаза.

– Я всегда кладу ладонь тебе на грудь, когда целую тебя там.

– О да, – согласилась она, скользнув рукой вверх по своему телу и накрыв ладонью одну грудь. – Мне это нравится. Но сколько можно меня дразнить, ты сводишь меня с ума. Пожалуйста, позволь мне почувствовать тебя.

– Только мимолетный поцелуй, дорогая.

Со стоном облегчения Руби снова провела пальцами по клитору и вскрикнула.

– А теперь я проникаю в тебя языком.

Ее глаза распахнулись, и она уставилась на меня, вводя палец внутрь себя и одновременно наблюдая за моим лицом. Я смотрел, как он погружается на всю длину и снова выскальзывает наружу, потом перевел взгляд на ее лицо. Она чуть не плачет.

Меня захватила эта игра, я пьянел от одного взгляда на Руби. С ума сходил. Я себя не узнавал. Что она со мной сделала?!

– Ты нравишься мне на вкус?

С видимым усилием она произнесла:

– Ты же знаешь, что да.

– Это сводит меня с ума, да? Я становлюсь...

– Твердым, – договорила она.

Я рассмеялся и сделал шаг вперед, уперевшись коленями в матрас и оказавшись в футе от нее. Наклонился, поставив ладони по обе стороны от ее бедер и стараясь не прикасаться к ней.

– У меня чертовски сильно стоит, дорогая. Я хотел сказать тебе, что становлюсь ужасным собственником. Мне хочется избить всех мужчин, которые когда-либо пробовали тебя на вкус.

Она задыхалась.

– У тебя стоит?

– Посмотри сама.

Ее глаза двинулись к ширинке моих брюк и увидели большой выступ.

– Покажи, – сказала она, облизывая губы.

Я отрицательно покачал головой, но провел рукой по ширинке, очерчивая форму и размер члена.

Господи. Что происходит? Что я творю?

– Не сегодня, – прошептал я.

Она попыталась сесть, и от ужаса ее возбуждение начало сходиться на нет.

– Потому что я не смогу остановиться, – добавил я. – Я едва держусь, Руби, пожалуйста, продолжай.

– Тебе нравится? – спросила она. Ее щеки порозовели.

Я кивнул, не желая портить этот момент.

– Более чем. Это прекрасный сон.

– Я хочу прикоснуться к тебе, – сказала она едва слышно.

– Нельзя.

Ее глаза скользнули к моему лицу.

– Никогда?

– Тссс, – прошептал я, нависая над ней. – Я целую тебя между ног. Как ты можешь думать о чем-то еще в такой момент?

Не отводя взгляда от моих глаз, она снова начала медленно ласкать себя, словно выжидая, чтобы я сказал ей, что делать.

– Вот так. А теперь дай я тебя пососу, да... вот здесь. Я хочу услышать, как ты кончаешь.

Руби выгнулась на кровати, лаская себя быстрыми короткими движениями.

– Я... я...

– Так быстро? – прошептал я, сражаясь с желанием впиться губами в ее шею, в ту впадинку, которая покрылась капельками пота.

– Я от тебя с ума схожу, – задыхаясь, сказала она.

– Ты такая вкусная, – пробормотал я. – Я весь полон тобой.

Это было потрясающее зрелище, самое возбуждающее из всего, что я видел в своей жизни. Раздвинутые передо мной нежные упругие бедра. Мне надо лишь слегка наклониться, и эта игра превратится в реальность. Я прижал ладонь к ширинке и застонал.

Она широко распахнула глаза и с беспомощным вскриком кончила.

В этот самый миг я понял, что никогда не забуду эти звуки, эти задыхающиеся стоны.

Ее грудь покраснела, соски стояли торчком. Она улыбнулась мне, продолжая поглаживать себя. Я завидовал ее пальцам, которые могли наслаждаться скользкой гладкостью.

– Позволь мне прикоснуться к тебе, – прошептала она. – Пожалуйста.

– Ты уже прикасаешься ко мне, – сказал я, снова нависая над ней. – Твоя рука ласкает меня.

Ее губы раздвинулись в дразнящей улыбке.

– Моя рука? Сомнительная взаимность.

– Ну, – я пожал плечами, – так получилось, что в этот самый момент ты целуешь меня в губы.

Ее глаза засветились пониманием.

– О.

– Тебе нравится ощущать свой вкус у меня на языке.

Ее глаза засверкали, губы раздвинулись, и она застонала.

– О да.

– Мне нравится доставлять тебе удовольствие, – сказал я, и она кивнула. – Кроме того, тебе нравится чувствовать тяжесть моего члена в

руках.

На шее Руби пульсировала жилка.

– О да, – сказала она, задыхаясь. – И я могу целовать твой требовательный рот сутками напролет.

– Иногда ты так и делаешь.

– Господи, почему ты не внутри меня?

Я улыбнулся в ответ на ее нежную жалобу.

– Потому что мы еще не занимались любовью.

Ее глаза широко распахнулись в ответ на это странное откровение во время нашей сюрреалистической игры.

– Нет?

Я покачал головой.

– Мы ждем.

Она рассмеялась, и этот звук был таким сладостным, что я едва сдержался, чтобы не прильнуть к ее губам.

– Но мы делаем все остальное?

Я кивнул:

– Почти.

Ее широко распахнутые глаза светились желанием.

– Чего же мы ждем?

– Мы хотим быть уверенными.

Наконец я я провел большим пальцем вверх и вниз по ее бедру.

– Ты хочешь быть уверенным насчет меня? – прошептала она.

Перед тем как ответить, я посмотрел на ее нежные пухлые губы и маленькую беспокойную складку между бровями.

– Насчет меня. Насчет всего этого. Для меня это не так легко.

– Я знаю, – прошептала она. – Я подожду.

Между нами больше не было недомолвок. Как удивительно, это произошло после самого возбуждающего опыта в моей жизни. У меня в голове был туман, словно я только что проснулся от эротического сна.

Ситуация могла стать неловкой; мы коллеги, и еще неделю назад она была для меня незнакомкой. А сейчас она лежит передо мной совершенно голая, только что она ласкала себя, а я говорил ей, что делать. Этот момент мог бы оказаться самым пугающим в моей жизни. Но благодаря алкоголю и удовольствию, которое она получила, ничего такого не было.

Я достаточно осмелел, чтобы провести ладонью по ее бедру.

Она протянула руку, накрыв мою ладонь своей.

– Как мы спим вместе, после того как занимались этим?

– Я обнимаю тебя сзади, – ответил я, сглотнув. – Ты такая уютная.

– Но ты никогда не будишь меня, чтобы заняться сексом.

– Я бужу тебя, чтобы снова прикоснуться к тебе, потому что я ненасытен, но нет, не для секса. – Она поняла? Или это звучит странным сейчас, во время, когда значение секса совершенно изменилось.

Она закрыла глаза и прижала ладони к сердцу.

– Ты знаешь, как сильно я хочу прикоснуться к тебе?

– Знаю, – тихо ответил я.

– Надеюсь, когда-нибудь ты меня поцелуешь.

Я сглотнул, возвращаясь в реальность.

– Я тоже надеюсь.

– Ты всегда целуешь меня перед уходом? – спросила она, возвращаясь к нашей игре. Ее широко распахнутые глаза с осторожной выжидательностью смотрели на меня, и в них я читал, что мне надо быть очень осторожным. Она даже сама не понимает, насколько осторожен я должен быть.

– Всегда. – Но не сегодня. По крайней мере, не в губы. Я наклонился и поцеловал ее кожу рядом со своей ладонью, над пупком. Ее руки легко скользнули по моим волосам, и меня снова обдало жаром.

Когда я выпрямился, Руби села. Пока она наблюдала, как я взял пиджак, ее глаза посерьезнели.

– Я все испортила?

Но я не мог подойти к ней и поцеловать, успокаивая. Не знаю, что мне нужно, чтобы сделать этот последний шаг.

– Наоборот.

Она слегка улыбнулась, но я подозревал, что она хочет того же, чего и я: чтобы я остался с ней на всю ночь. Пусть даже не прикасаясь к ней, я предпочел бы быть тут, а не где-то еще.

– Спокойной ночи, Руби, дорогая.

– Спокойной ночи, мистер Стелла.

Ее имя без конца звучало у меня в голове, но она ни разу не назвала меня Найлом.

Глава 7

Руби

Я открыла глаза. Комнату заливали солнечные лучи, на телефоне звенел будильник, и тут на меня нахлынул ужас. Что я натворила?

Видите ли, сегодня самый обычный вторник после того, как я в пьяном виде мастурбировала перед Найлом Стеллой.

Я уткнулась лицом в подушку и застонала.

По мере того как вспоминались подробности вчерашнего – о да, еще как вспоминались, – я ощущала не просто смущение. Я вспомнила, что мы говорили друг другу, вспомнила, как он был возбужден, как у него перехватывало дыхание. Как он не мог оторвать взгляда от моей руки,двигающейся между ногами, как он бессовестно разглядывал меня. Видеть его таким голодным, отдавшимся на волю своего желания... Боже мой.

Я опасалась, что после нескольких часов раздумья о том, что мы делали, он придет в ужас. Если момент с чуть не случившимся поцелуем в офисе вогнал его в ступор, от после вчерашнего он спрячется в своей раковине и никогда оттуда не выйдет.

Как часто я мечтала о чем-то подобном? Бесчисленное количество раз. И в каждой своей фантазии я бывала достаточно смелой, чтобы говорить ему, чего мне хочется, и мои слова давали ему понять, что я стану для него безопасной гаванью.

Что я понимаю его сдержанность и позволю ему избавиться от нее, когда ему понадобится.

И – неожиданно – прошлой ночью он оказался прямо в этой комнате. И на этот раз я не онемела и не несла всякую чушь.

Он был так хорош собой, разгоряченный алкоголем и с трудом сохранявший остатки самоконтроля. Он беспокоился, что слишком самонадеян или что пользуется своим преимуществом передо мной, но он ошибался.

Я так хотела увидеть, как порвется последняя ниточка. Увидеть, как его стены разрушатся. Я так этого хотела, что не могла дышать. Моя кожа пылала и была болезненно чувствительной. Может быть, он думал, что дистанция поможет ему, думал, что мы выпили, а он хочет полностью контролировать свои ощущения, когда мы перейдем к чему-то большему, но каким-то образом получилось так, что все было как надо.

Готова поспорить, он считает, что отношения должны развиваться по определенным этапам: восхищение, флирт, понимание, что чувства взаимны – но без лишних обсуждений, разрешение прикоснуться, поцеловать, снять рубашку, снять брюки, потом «Я тебя люблю» и, наконец, секс. Мне стало интересно, считает ли он, что произошедшее между нами прошлой ночью все еще позволяет ему держать некоторую дистанцию.

Откуда ему знать, что для меня это было более интимно, чем весь мой сексуальный опыт?

Как я могла показать ему это?

Я знала, что мне пора вставать и собираться, но я не могла. Желудок свело, и мышцы гудели от перенапряжения. Я скучала по друзьям, с которыми можно было бы поговорить. Мне не хватало воскресного кофе в гостиной вместе с девочками, когда мы сидели над дымящимися чашками и обсуждали нашу жизнь, работу, университет и мужчин.

Закутавшись в одеяло, я потянулась к телефону. Разница с Калифорнией составляла три часа, но я прикинула, что это подходящее время, чтобы поговорить. Я вставала как раз тогда, когда мои друзья собирались ложиться спать. Я часто не ложилась допоздна, чтобы поговорить с Лондон или Лолой; теперь их очередь сделать то же самое ради меня. Мне нужно с кем-то поговорить.

Не раздумывая, я отправила групповую смску. Чаще всего Лола работала допоздна, поэтому мало шансов, что она ответит. Она самая разумная, она стремилась к успеху с самого детства и, скорее всего, перевела телефон в режим «не беспокоить» несколько часов назад. Миа и Ансель редко брали трубку после заката, а Харлоу после свадьбы с Финном чаще всего проводила время на острове Ванкувер.

Так что оптимальным выбором была Лондон, моя лучшая подруга.

«Кто-нибудь не спит? Мне нужна помощь:»

Ответ пришел незамедлительно.

«У тебя есть телефон, значит, ты знаешь, который час», – ответила Лондон.

«Я знаю, и мне ужасно неловко. Но... кое-что случилось». – Я затаила дыхание, отправляя смс.

«Кое-что или КОЕ-ЧТО?»

«Не уверена, какой вариант мне надо использовать».

Телефон завибрировал через несколько секунд, и я ответила после первого звонка.

– Полагаю, дело касается Найла Стеллы.

Я застонала.

– Ну конечно же.

– Значит, когда я говорю «что-то», – сказала Лондон уставшим и нетрезвым голосом. Она работала барменом, и я задумалась, во сколько она встала сегодня утром. Она прочистила горло, и если бы я не была так благодарна ей за звонок, я бы почувствовала угрызения совести за то, что разбудила ее. – Я имею в виду, что-то – имеется в виду, вы выпили кофе вместе? Или он видел твою промежность?

Я перекатилась на спину и уставилась в потолок.

– Ну-у-у... – начала я. Ее догадка была слишком близка к цели. Догадается ли она по моему голосу? Можно ли понять, что вчера я разделась перед ним догола, но да, большей частью он просто смотрел на мою промежность.

– О господи, ну ты и развратница. Ты с ним трахалась?

Я положила руку на лоб.

– Не совсем, – правдиво ответила я.

– Не совсем? Руби, детка, ты знаешь, что я тебя люблю, но на этой неделе я каждый день работала допоздна. Мне надо поспать, а не напрягать мозги.

– Ладно, – ответила я, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы объяснить то, что случилось. – Представь себе секс по телефону, только все это было лично.

Я слышала звуки, по которым я поняла, что Лондон устраивается поудобнее либо разглаживает подушку. Честно говоря, оба варианта возможны.

– Ты перешла от ситуации «он не знает о моем существовании» до взаимной мастурбации меньше чем за неделю?

– Ну... если переходить к подробностям, мастурбировала только я, – сказала я, представляя, какое у нее сейчас, должно быть, выражение лица. – И я не уверена, что хочу, чтобы ты произносила слово «мастурбировать» в моем присутствии.

Шорох прекратился.

– погоди. погоди, погоди. Руби Миллер, ты говоришь мне, что устроила спектакль для мальчика твоих грез?

– Ну... судя по всему.

– Ты же говорила о нем последние... пять месяцев, если не ошибаюсь. Полагаю, ты была вне себя от счастья с этой твоей мастурбацией.

– Лондон, ты только что нарушила клятву.

– Я сказала «мастурбация», а это другое слово. И зачем ты звонишь

мне в полпятого утра? Хочешь, чтобы я за тебя порадовалась или чтобы кто-то послушал, как ты сходишь с ума от ужаса?

– Может, то и другое? – простонала я. Я даже не могу понять, что я чувствую. Как я могу ожидать, что кто-то мне поможет? – Я не жалею о том, что было, но не знаю, как себя вести. Мы не вместе, мы коллеги. На самом деле я даже не уверена, что мы друзья. Кроме того, он был пьян и я тоже. Представляю, как он сходит с ума этим утром.

– Сходит с ума – в смысле жалеет? – уточнила она, и мне показалось, что я слышу звуки, говорящие о том, что она садится.

– Не знаю. – Я задумчиво пожевала губу. – Надеюсь, что нет.

– Но ты ему нравишься, да?

– Да, думаю, да. Настолько, насколько для него возможно, учитывая, как быстро все произошло. Он только что развелся, это было тяжело, и он...

– Руби, я ведь тебя знаю. Ты этого ожидала?

– Ну... – замаялась я, потому что в этот самый момент я думала о другом.

Я вздохнула. Думала ли я о том, что он поймет, что любил меня все это время, и бросится в этот омут с головой? Признает, что искал меня всю свою жизнь, и вот она я, на все готовая? Ну, вряд ли.

– Не уверена, – проямлила я. – Может, это первый шаг.

Лондон зевнула, и я услышала, как она поправляет одеяло, устраиваясь в кровати поудобнее.

– Не кислый такой первый шаг, надо сказать. Отправляйся в офис, смотри на него с видом женщины, которая мастурбирует – ой прости – перед любовью всей своей жизни и ни о чем не жалеет. Ты знаешь, что я не особенно верю мужикам, но если он хотя бы наполовину так хорош, как ты его описывала... Иначе непонятно, что ты в нем нашла? Он окажется достаточно умен, чтобы не упустить тебя. Так что иди и заполучи его, детка.

Пережить утро оказалось сложнее, чем я ожидала. Такое неприятное ощущение, что Найл Стелла изо всех сил старается сохранять наши отношения нормальными. Он пришел рано и уже упаковывал свой ноутбук и одновременно разговаривал по телефону, собираясь на встречу, когда появилась я. Приветствовал меня легким кивком и улыбкой, а потом вышел в коридор, чтобы закончить разговор.

За несколько секунд, которые потребовались мне, чтобы обойти его кресло и добраться до своего места, я придумала как минимум двенадцать

интерпретаций его улыбки и поведения – одно другого хуже.

Одно дело – искать объяснения тому, что он сказал на встрече или в адрес коллеги, когда дело не касалось меня, но это? Он явно совсем не думает о том, чем мы занимались прошлой ночью. Сегодня все имело для меня значение.

Я слышала, как он разговаривает за дверями нашего кабинета. Он ждет меня? Судя по виду, он собирается уходить, но зайдет ли он сюда сначала?

– В этом нет никакого смысла, – сказал он в телефон, и только благодаря его шикарному акценту эти слова не звучали резко или раздраженно. – Согласно предоставленному нам графику эта дата должна быть на шесть месяцев раньше, чем ты говоришь мне сегодня. Это совершенно неприемлемо.

Я наострила уши. Никогда раньше не слышала, чтобы он сердился.

Какое-то время он молчал, слушая собеседника, и у меня возникло странное чувство, будто он смотрит в мою сторону. Я размотала шарф, сняла пальто и повесила его на крючок. Ощущая его внимание всей кожей, я покачала головой, встряхивая волосами и прикрывая ими покрасневшие щеки.

– Тони, я возглавляю проект «Даймонд Сквер» не потому, что я всегда соглашаюсь. Я возглавляю его, потому что я чертовски хорошо знаю, о чем говорю. Скажи им, что... Нет, лучше я сам. Я без проблем объясню им, что и как.

Тони. Черт.

Я схватила записную книжку и подошла к Найлу.

– Все в порядке?

Он кивнул и убрал телефон в карман, не утруждая себя объяснениями.

– Помимо встречи с инженерами из «МТА» я бы хотел посетить несколько станций метро и места, где предлагают установить шлюзы. – И снова вежливо мне улыбнулся.

Кивнув в сторону лестницы, он предложил:

– Пойдешь со мной?

Станция «Саут-Ферри» была в числе тех, что больше всего пострадали от урагана «Сэнди». Вход в метро располагался на высоте тротуара и был всего в сотне метров над уровнем моря, поэтому туннель затопило за считанные секунды. Морская вода разрушила практически все, что попало ей на пути, и повредила кабели и оборудование. Вот почему мы пришли сюда – попытаться перехитрить мать-природу и разработать систему, которая предотвратит подобные катастрофы в будущем.

Под аккомпанемент шумного дорожного движения я спустилась на недавно вновь открытую станцию следом за Найлом, любуясь его широкими плечами. Сегодня он выглядел чертовски деловым. Пока мы ехали на такси, он сохранял бесстрастное выражение лица и почти не разговаривал. Поверх темного костюма он набросил еще более темное пальто, и его коричневый кашемировый шарф все время соскальзывал с плеча.

Нас встретила группа инженеров, Найл представил нас, запоминая, как зовут каждого человека и внимательно слушая, что они говорят по дороге от одного конца туннеля до другого. У меня кружилась голова, когда я смотрела на Найла – такого знающего, совершенно в своей стихии, – и одновременно вспоминала, каким он был прошлой ночью. За последние шесть месяцев я составила каталог воспоминаний о Найле Стелле, но несколько случаев в Нью-Йорке затмили их все.

Найл подозвал меня, я встала рядом и стала наблюдать, как он приседает, снимает мерки и изучает место для предполагаемого входа. Я не могла сосредоточиться. Мне хотелось вобрать все, что я вижу, но после вчерашнего, находясь так близко от него, я совершенно утратила разум. *Он думает об этом? Или притворяется, что ничего не было?*

Мне в голову пришла жуткая мысль. *А что, если он и правда забыл?*

За работой он называл цифры и делал замечания, но было шумно, грохот поездов и шум людей не давали его расслышать. Мне пришлось придвинуться еще ближе, так близко, что его плечо время от времени касалось моей ноги.

Я предположила, что это случайно, и пыталась не реагировать, хотя по моей коже бежали мурашки. Но на второй-третий раз я призадумалась.

– Руби, – сказал он, взглянув на меня. – Ты записала, что это последняя из вновь открытых станций?

Я кивнула. Конечно, записала. С учетом того, как это для него важно, я собирала информацию повсюду. Моя ручка замерла, уткнувшись кончиком пера в бумагу, когда я почувствовала, как его ладонь сомкнулась вокруг моей щиколотки. Замерла на секунду, а потом его пальцы медленно двинулись вверх к колену, едва касаясь меня, и отстранились.

Я вся запылала. Кожа горела в том месте, где он прикасался ко мне, и между ног пульсировало. Я пошатнулась, соски напряглись, груди потяжелели, бедра свело.

Сердце заколотилось. Он помнит. Ему просто надо справиться со своими мыслями.

В течение всего дня его безмолвное внимание усиливалось, окутывая

меня: ладонь, прижавшаяся к моей пояснице, когда мы выходили со станции; пальцы, отбросившие прядь волос с моего лба, когда мы стояли в очереди за кофе; большой палец, скользивший по моей нижней губе туда-сюда, туда-сюда, пока наш поезд мчался по темному туннелю.

Я не могла дышать. С трудом держалась на ногах.

Когда в вагоне освободилось место, он подтолкнул меня, чтобы я села, и встал передо мной так, что пряжка его ремня оказалась в нескольких дюймах от моего лица. Выше ремня была рубашка, аккуратно заправленная в брюки. А ниже – четкие очертания его напряженного члена.

Господи боже мой.

Я протянула руку и взялась за петлю на его брюках, а он сосредоточенно смотрел на меня и молчал.

На выходе из вагона, когда я поднялась, собирая свои вещи, он встал за моей спиной. Его большие ладони легли мне на бедра, и он прижался ко мне.

Я его почувствовала.

Имею в виду, почувствовала его.

У меня перехватило дыхание, когда он приблизил губы к моему уху и выдохнул:

– Нам налево.

К тому времени, когда мы вернулись в наш временный офис, я была готова взорваться. Между ногами у меня все набухло, кожа покрылась потом. Чувства обострились до чрезвычайности, и даже самые обычные вещи – кружево лифчика, льнувшее к груди, – возбуждали.

Но все это ни к чему не привело, как я надеялась. Вместо того чтобы закрыть дверь в наш кабинет и прикоснуться ко мне – мне было совершенно наплевать, что мы на работе, – он сел за стол и начал перебирать документы, пока я стояла в молчании и смущении.

Это была сушая пытка. Я без ума от него, я вижу и чувствую, как растет его интерес ко мне, но при этом он все время отступает после каждого шага вперед. Мне хотелось просто задать ему вопрос, но вдруг он совсем закроется.

Кроме того, у меня ныло все тело. Эти нежные предварительные ласки длились весь день, и я уже не могла терпеть. Все мое тело вибрировало.

К счастью, у нас был отдельный туалет, я зашла в него и заперлась, впервые за день переведя дух. Я до сих пор ощущала слабый аромат его одеколона. Я подошла к маленькой кожаной кушетке под окном и представила, как он пахнет вблизи, если уткнуться носом в его кожу.

Мечтая об этом, я села и стянула трусики. Подумала, какая теплая у

него, должно быть, кожа. Представила его пальцы на месте своих, как они скользят вверх под бедро и оказываются между ног. Если напрячь слух, я смогу расслышать, как он разговаривает с кем-то по телефону. Я притворилась, что он говорит только со мной.

Мое тело стало настолько чувствительным и влажным, что любое прикосновение, легчайшее скольжение кончика пальца по клитору сводило с ума. Закрыв глаза, я слушала его голос, и от этого звука возбуждение пробегало волной от сосков до промежности. Я представляла, как он что-то бормочет мне в шею, и мелодия его голоса превращалась в ритм его толчков внутри меня. Я представила, что по ту сторону двери он знает, чем я занимаюсь, и мечтает сделать со мной то же самое в следующий раз.

Мысли об этом оказалось достаточно, чтобы мое тело выгнулось дугой и я кончила.

Только потом я заметила, как тихо стало снаружи, и заволновалась, не слишком ли я шумела. Я слышала даже тиканье часов на своем запястье, слабый гул машин с улицы, но ни голосов, ни шагов в кабинете.

Придя в себя, я встала, поправила юбку и подошла к раковине освежиться.

Выйдя из туалета, я прокралась в коридор, чуть не столкнувшись с ним по дороге.

– Извини! – вскрикнула я, пытаясь удержать папки, посыпавшиеся на пол. – Давай я подниму! – я попыталась скрыть растущее замешательство.

Найл проигнорировал меня и сам начал собирать документы.

Я попыталась не смотреть ему в глаза, уверенная, что у меня на лице крупными буквами написано, чем я только что занималась.

Я разгладила юбку и поправила волосы, перед тем как взглянуть ему в лицо. Он внимательно рассматривал меня, склонив голову набок.

– Что? – спросила я, изображая невинность.

– Ты в порядке?

– Конечно, да.

– Ты покраснела. Ты точно хорошо себя чувствуешь? Я вполне справлюсь сам, если...

– Все хорошо, – ответила я, отходя от него подальше и испытывая приступ раздражения.

Он пошел следом за мной к моему столу, пытаясь прожечь взглядом дыру у меня в затылке.

– Ты же... не бегала по лестнице? – спросил он таким тоном, словно знал, что ответ утвердительный.

– Нет. Я... – Я хотела было соврать, но знала, что он не купится. –

Господи, ты как собака, вцепившаяся в кость. Давай сменим тему?

Он смягчился, продолжая рассматривать мое лицо, а потом резко втянул воздух, глянув поверх моего плеча и словно вспомнив, где мы находимся.

– Ладно, пойдем.

– Я... – заговорила я, думая, кого надо убить, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. На самом деле эта игра становилась нечестной. – Я просто...

– Ты просто... – Он сдвинул брови и уставился на мою ладонь, прикрывающую шею. Кажется, до него дошло. – В дамской комнате? Только что?

– Да.

– На работе?

Уф-ф-ф.

– Извини. После вчерашней ночи и сегодняшнего дня...

– Погоди... – сказал он и сглотнул. – Ты думала обо мне?

– Ну конечно, – начала я и умолкла, зажмурившись и сделав глубокий вдох. Как ему удастся сохранять такое спокойствие? – Ты прикасаешься ко мне, а потом ведешь себя отчужденно. Эти противоречивые сигналы сводят меня с ума.

А сейчас я сходила с ума от унижения.

Я чуть не подпрыгнула, когда он пальцем приподнял мой подбородок.

– Ты кончила, моя дорогая?

Я вспыхнула и, взглянув ему в лицо, увидела, что он тоже возбужден.

Облизнула губы и кивнула.

– Расскажи мне подробно, о чем ты думала.

– О том, как хочу прикоснуться к тебе, – ответила я. Мой рот внезапно пересох. – Поцеловать тебя.

Он кивнул и уставился на мои губы.

Второго приглашения мне не требовалось. Я поднялась на цыпочки, провела носом по теплой коже его шеи. Он не то простонал, не то прорычал что-то и попытался отодвинуться. Глядя на меня, он, такое ощущение, пытался одновременно совладать с тысячью желаний. Я видела, что он разрывается на части. Может, я права и после развода он чувствует себя неловко. Может, он беспокоится, что события происходят слишком быстро. А может, ему некомфортно от того, что к чему идут дела: к головокружительному сексу и к тому, чтобы провести в постели все время до возвращения в Лондон.

В этот миг я решила: будь что будет. Даже если мне придется

флиртовать с ним десять лет до того, чтобы один-единственный раз поцеловаться.

– Все в порядке? – тихо спросила я.

– Я просто подумал, может, следует... – Он сглотнул и нахмурился.

– Отослать меня в Лондон и больше никогда со мной не разговаривать?

Он рассмеялся и отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Поговорить о том, что было прошлой ночью?

Он провел большим пальцем по моему подбородку.

– Да.

Меня охватили одновременно облегчение и беспокойство.

– Моя мама всегда считала, что не надо делать то, о чем нельзя поговорить.

Он приподнял брови в ответ на эту семейную мудрость, внимательно рассматривая мое лицо. Его губы сложились в очаровательную улыбку.

– Значит, давай спокойно поужинаем.

Найл ждал меня у двери моего номера, снова облачившись в мой любимый темно-серый костюм с галстуком, идеально скроенный для его мускулистого тела и высокого роста. Эти медово-карие глаза будут весь вечер смотреть на меня. Только на меня.

Я же сгорю.

Мы взяли такси до «Перри Ст.» – шикарного ресторана, расположенного в высоком стеклянном здании – догадайтесь где? – на Перри-стрит. Элегантный и роскошный, с окнами от пола до потолка и минималистичным декором. В просторном зале располагались столы и отдельные кабинки в земляных тонах, и внезапно я заволновалась, что нам не найдется места.

– Столик на двоих, – сказал он девушке-администратору. – Бронь на фамилию Стелла.

Я попыталась не обращать внимание на то, как у меня подпрыгнуло сердце при мысли о том, что он бронировал для нас столик.

Она проводила нас в маленькую кабинку в самом углу зала.

– Ух ты, как красиво, – заметила я, окидывая взглядом роскошный вид на реку Гудзон. – Откуда ты знаешь это место?

– Конечно, от Макса, – ответил он, усаживаясь.

– Разумеется, – сказала я, надеясь, что по моему голосу не слышно, что у меня то и дело перехватывает дыхание. Он позвонил брату, чтобы узнать, где нам поужинать. Если бы я не чувствовала, как его ботинок прижимается

к моей туфле, я бы воспарила над землей. – Он давно здесь живет?

Он кивнул, отпив воды.

– Несколько лет.

– Он выглядит таким счастливым, – заметила я. – Все они так выглядят.

Он улыбнулся.

– Так и есть. У Макса и Сары только что родился ребенок, ты в курсе? – Я кивнула, и он секунду поколебался, перед тем как спросить. – Хочешь посмотреть на фото?

– С удовольствием. – Серьезное преуменьшение с моей стороны, на самом деле я просто умираю от любопытства.

Найл достал телефон и начал листать фотографии.

– Вот, на, – с нежностью произнес он, проводя пальцем по краю экрана. На фотографии был запечатлен Найл с крошечным свертком в руках, из-под одеяла высывалась маленькая ручка, схватившая его за большой палец. Но мое сердце ушло в пятки не при виде маленькой хорошенькой девочки, хотя она была очень мила, а при виде того, с каким обожанием он на нее смотрел. Найл на этой фотографии был счастлив, практически балдел. Расслабленный и улыбающийся, он был в восторге от малышки.

– Как ее зовут? – спросила я, заглядывая в его лицо в надежде увидеть то же самое выражение.

Господи...

Сейчас у меня случится овуляция. Три... два... один...

– Аннабель Диллон Стелла. Красавица, не правда ли?

Мои глаза расширились, когда я услышала, каким мягким может быть его голос.

– Красавица. Немного похожа на тебя, как мне кажется. Взгляни на ее нос.

Он засиял.

– Да?

Я кивнула.

– У нее нос, как у всех Стелла, только посмотри.

Подошла официантка поинтересоваться, не хотим ли мы выпить по коктейлю перед ужином. Мы рассмеялись, и наши взгляды встретились. При мысли о напитках мы сразу же вспомнили минувшую ночь.

Я затаила дыхание.

– Может, бутылку вина? – спокойно предложил Найл, бросив на меня вопросительный взгляд и начиная изучать винную карту. Он заказал

бутылку пино нуар и вернул ей меню. – Мы определимся с едой через несколько минут, хорошо?

После ухода официанта Найл погрузился в изучение капель влаги, выступивших на его стакане с водой.

– Я знаю, что прошлая ночь была для нас обеих совершенно безумной, – обратилась я к статуэтке слона, украшавшей стол, – но надеюсь, ты не жалеешь. Я бы расстроилась.

Он поднял голову, нахмутив лоб.

– Вовсе нет, – сказал он, и я облегченно выдохнула. – Это же я пришел к тебе к номер, если помнишь.

Я-то помнила.

Шли секунды, он уставился на свои ладони и молчал. С каждым следующим мгновением у меня в голове крутилось: «И это все?» Закусив губу, я смотрела на него.

Он вздохнул и издал тихий извиняющийся смешок.

– Все это так ново для меня, Руби; прости, мне трудно подбирать слова.

Я хотела быть терпеливой, но это была сущая пытка. В деловой обстановке Найл прекрасно владел собой. В тех нескольких случаях, когда он расслаблялся достаточно, чтобы прикоснуться ко мне, он тоже был уверен в себе. Но в ситуациях вроде этой, когда приходится выражаться словами, такое впечатление, что он был не в состоянии формулировать свои мысли. Может, Пиппа права и эта разновидность сдержанности кажется сексуальной только в книге или фильме. Но сейчас для меня это было мучение.

– Должно быть, это было странно, – сказала я, больше не в состоянии выносить молчание. – Заниматься такими вещами. Имею в виду – смотреть, как я это делаю.

О господи.

Он уставился на меня, пытаясь понять, куда меня понесет дальше. Черт, мне самой интересно, куда меня занесет.

– Совсем другая женщина, после развода, – промямлила я. – Просто попробовать, как это – вернуться к привычному ходу вещей. Со мной.

Ох, если бы это был футбол, именно в этот момент я бы подожгла мяч, он бы взорвался и весь стадион запылал.

Он провел пальцами по лбу, и его губы сложились в легкую улыбку.

– Вернуться к привычному ходу вещей, – повторил он. – Не уверен, что из того, что я делал после развода, можно к этому отнести.

У нашего столика остановилась официантка, и мы оба, открыв меню, начали быстро его изучать.

Я заказала то, что смогла произнести:

– Я буду лосося.

Найл беспомощно уставился на список блюд, перед тем как закрыть меню и протянуть его официантке и с отвлеченным видом произнести:

– Стейк. – Она было открыла рот, чтобы перечислить варианты подачи, но он тихо перебил ее со словами: – На ваш выбор. Средней прожарки, пожалуйста.

Мы терпеливо ждали, пока она уйдет. Потом наши глаза снова встретились.

– На чем мы остановились? – спросил он.

– Мы обсуждали значение словосочетания «вернуться к привычному ходу вещей».

Он рассмеялся:

– Точно.

– Ты редко ходишь на свидания?

Найл обдумал мои слова, выравнивая столовые приборы и вытирая влагу со стакана с водой.

– Нет, нет.

– Почему? Ты прекрасно выглядишь, ты успешный человек. Ты... – Я умолкла, пожалев, что никто не заклеил мне рот скотчем. – Давай подытожим: ты лакомая добыча.

Он хихикнул.

– Я никогда... вообще никогда... то есть я знаю, что это не так. Но... я никогда так о себе не думал.

Он что, шутит?

– Ты шутишь? Ты давно в зеркало смотрел? Только послушай, что ты говоришь. Может, мне позвать официантку обратно? Ты считаешь ей меню, и, готова поспорить, она сделает тебе предложение до того, как ты закончишь с салатами.

Когда он улыбнулся, у него на щеке появилась ямочка.

– Тебе было хорошо вчера, да? – спросил он.

А. Вот оно.

– Уверена, мы оба знаем, что мне было хорошо, – сказала я, пытаясь не покраснеть. – Но сегодня, когда ты продолжал прикасаться ко мне и... – Я глотнула вина, мой рот внезапно пересох. – Я весь день волновалась, что у тебя в голове.

– Я и сам не знал, что у меня в голове, – признался он. – Тело толкает

меня вперед, но я все еще колеблюсь. Не потому, что ты не привлекаешь меня. Я... мне кажется, это очевидно. Но я не уверен, что могу направлять отношения в нужное русло.

– Есть только один способ выяснить, – честно сказала я. – Не уверена, что лучше в этом разбираюсь. Кроме того, ты был женат больше десяти лет. Кое-что ты точно умеешь.

– Боюсь, когда мы с Порцией были вместе, мы не всегда... – Он умолк и прокашлялся, перед тем как продолжить. – С Порцией всегда такое чувство, что ты все делаешь неправильно.

Что она с ним сделала? Я представила аккуратный узел светлых волос, острые черты и вечно кислое выражение лица. Муж, которому казалось, что он все время все делает не так.

– Что ж, для начала ее зовут Порция.

Его губы раздвинулись в слабой улыбке.

– Полагаю, в нашей повседневной жизни мы нашли некий ритм. Спокойный и предсказуемый. – Он отпил еще немного вина. – Но что касается тебя... ощущения такие сильные и захватывающие. Когда я потом остался один, я поймал себя на том, что все время думаю об этом и беспокоюсь.

Господи, он такой милый, когда серьезный. Я уже видела, каким забавным он бывает: когда он наткнулся на меня в коридоре, когда делал селфи рядом с «Радио-сити», когда говорил о племяннице. Ему просто надо слегка расслабиться.

– Я думаю, нам лучше не думать об этом слишком много. Когда мы проводим время вместе, все очень хорошо.

– Согласен. Да... что касается интимных дел, я вовсе не так красноречив. Так что...

– Ты имеешь в виду, когда дело касается секса? – Я попыталась расставить точки над i.

Он покачал головой, и его рот изогнулся в веселой терпеливой улыбке.

– Не просто секс. Близкие отношения в целом. Вчера ночью мы не занимались сексом, но это был самый откровенный и интимный опыт в моей жизни. Я еще не до конца его переварил.

Я затаила дыхание, медленно кивнув. Так значит, он понимает, что прошлая ночь была особенной – не просто торопливое кувыркание на гостиничной койке.

Он почесал подбородок, внимательно рассматривая свой бокал.

– Ты увидишь, – осторожно начал он, – что для тебя это дело привычное, если ты привыкла откровенно обсуждать взаимоотношения. Но

мне все это незнакомо. Порция решила, что мы будем вместе, и мы были вместе. В дальнейшем мы с ней были более склонны обсуждать погоду, чем чувства. А что касается секса... говорить о нем было совершенно немыслимо. Так что простой факт, что мы сидим с тобой тут и обсуждаем прошлую ночь, и при этом мы еще ни разу не поцеловались и не прикоснулись друг к другу... это для меня откровение.

– Хорошее? – с надеждой уточнила я.

– Хорошее, – согласился он и кивнул. – Мне нравится твоё общество. Я просто хочу, чтобы все было правильно. – Он помолчал, взглянув мне в глаза. – Мы уже были довольно близки, при том что совсем друг друга не знаем.

Я кивнула и проглотила комок в горле. Мне вдруг стало очень больно, потому что мне казалось, что я его знаю. Но по некотором размышлении это правда: он меня еще не знает.

– Можем сделать несколько шагов назад. Узнать друг друга лучше.

Покачивая головой, он произнес:

– В этом и дело. Я не уверен, хочу ли я сделать шаг назад и нужно ли мне это вообще. Зачем мне знать о тебе все, перед тем как мы доставим друг другу удовольствие? Ты мне нравишься. Разве этого не достаточно?

Я пожала плечами, и у меня скрутило живот при виде того, как он пытается осмыслить происходящее.

– Для меня да. С тобой может быть иначе.

– Мне хочется, чтобы мне тоже этого было достаточно. С тобой я чувствую потрясающую свободу.

Улыбаясь ему, я переспросила:

– Правда?

– С тобой я чувствую себя смелым и интересным... и забавным.

– Забавным? – повторила с притворным ужасом на лице. – Мистер Стелла, гоните эту мысль прочь.

Он тепло засмеялся мне в ответ, и я затрепетала.

– Еще ты заставляешь меня думать о вещах, которые я не считаю сдержанными и хоть сколько-нибудь пристойными.

– Например?

Он моргнул и взглянул мне в глаза.

– Я бы предпочел показать тебе. Мне просто надо дать себе самому разрешение, если ты позволишь.

Моя грудь уже напряглась до предела, но оказалось, что это не предел. Я хрипло произнесла:

– Ладно.

Когда он задал следующий вопрос, его глаза были такими серьезными и выразительными.

– А ты будешь со мной так же откровенна, как прошлой ночью?

Я кивнула, трясущейся рукой поднося бокал к губам. Боже, что творится.

– В таком случае, – продолжил он, судя по всему, справившись с нервозностью, – я знаю, что такие желания сложно объяснять, то есть я имею в виду, что трудно облекать в слова вещи, касающиеся физических реакций... – Он беспомощно умолк и снова на меня посмотрел. – Но знать полезно.

Я перестала что-либо понимать.

– Знать? Что знать?

Найл сглотнул, глянул налево, чтобы убедиться, что сидящая за соседним столиком пара нас не слышит. – Знать, что нравится, – неуверенно произнес он. – Откровенно говоря, я не уверен, что она когда-либо...

– Кончала? – предположила я.

– А... нет. Она всегда кончала, – ответил он, потирая подбородок указательным пальцем. – Но я не уверен, что ей когда-нибудь хотелось секса. Что она хотела меня.

Если бы в этот самый момент на меня обрушился потолок, я бы удивилась меньше. Мне потребовались секунда и очередной глоток вина, чтобы совладать с дрожью в голосе.

– Ну она и чудовище. Как я уже говорила, ты когда-нибудь смотрелся в зеркало?

Он рассмеялся и, кажется, тут же пожалел об этом. Я почувствовала себя ужасно.

– Руби, мне не хочется делать из нее злодейку. Ты должна понять, что она была моей единственной женщиной. Что я пытаюсь сказать, это то, что мы не изучали друг друга. Между конечной точкой и путем к ней есть длинное расстояние. – Он улыбнулся, и его глаза заблестели. – Прошлая ночь и твой откровенный спектакль – все это совершенно внове для меня.

Я помолчала, рассматривая стакан с водой, перед тем как ответить. Неудивительно, что он отгородился такой стеной. Она заключила их сексуальную жизнь в крепость десять лет назад.

– Ты все еще любишь ее? – спросила я.

– Нет. Господи, нет. Но наши отношения, без сомнения, повлияли на меня. Я всегда четко осознавал тот факт, что она занимается сексом со мной ради меня. Не ради себя.

Я приподняла бокал.

– Ну что ж, могу признаться, что все это было для моего собственного удовольствия, если это тебе поможет, – сказала я в надежде разрядить обстановку.

– Как великодушно, – ответил он, одарив меня моей любимой улыбкой с ямочками. – Хотя в этом и дело. Что на самом деле нравится женщинам? Порнография не сильно помогает в этом вопросе.

– Не совсем, – возразила я. – Мы и правда любим большие члены и непристойные беседы.

Очередное испытание для его новоприобретенного спокойствия, но он выдержал его с честью.

– Но оральный секс, например... – начал он и умолк, подняв брови.

– Большинство женщин его очень любят.

Он начал перекладывать ножи и вилки, потом взглянул на меня.

– Чтобы им делали?

– Это серьезный вопрос?

– К сожалению, да. – Он ухмыльнулся и в этот самый момент, на одну-единственную секунду, показался мне совсем юным и веселым. – А самим делать?

Я закусила губу, представив, как было бы здорово провести языком по кончику его члена и услышать, как он застонет.

– О да.

Несколько секунд он осматривал зал, проверяя, чтобы нас никто не подслушивал.

– Женщины любят глотать?

Наш разговор повел неведомо куда. Я едва сдерживалась.

– Я выдвину совершенно ненаучную гипотезу, но мне кажется, что это примерно семьдесят к тридцати в пользу того, чтобы не глотать.

В его глазах загорелся дразнящий огонек.

– А ты к какой категории относишься? Семьдесят или тридцать?

– С тобой? – уточнила я, подавшись вперед. – Я да.

Найл выдохнул, его голова дернулась назад. Зал, казалось, уменьшился до нашего столика, и в нем остались только мы двое.

– Я тоже этого хочу, – признался он.

Эта мысль, казалось, заняла оставшееся свободное место между нами, ожила и запульсировала.

– Скажи что-нибудь неприличное, – отважилась прошептать я. Я совсем обезумела. – Скажи мне самое неприличное, непристойное, что приходит тебе в голову. Чтобы я дар речи потеряла.

Он кивнул, как будто я обратилась к нему с совершенно обычной просьбой, и несколько секунд, сцепив ладони, смотрел на них, перед тем как снова взглянуть на меня. Его карие глаза с густыми ресницами вызвали у меня мысль о том, что он снова больше похож на мужчину, чем на пугающего завоевателя, которого я обожествляла несколько месяцев.

Я захотела его еще сильнее.

Он придвинулся ближе ко мне со словами:

– Мне очень нравится...

– Непристойнее, – перебила я его, задыхаясь. – Перестань так много думать.

Его глаза потемнели, когда он уставился на мой рот.

– Я хочу этого.

– Что ты хочешь? Говори.

– Хочу, чтобы ты сосала мой член, жадно сосала и умоляла меня разрешить тебе проглотить мою сперму.

Ох.

Найл Стелла быстро учится.

Подошла официантка, принесла наши блюда и поинтересовалась, не нужно ли нам что-то еще. Мне хотелось попросить у нее ведро со льдом, чтобы поставить его себе на колени.

Я сдержала смех, но Найл с улыбкой ответил:

– Нет, спасибо.

– Что ж, хорошо сыграно, – пробормотала я, когда мы снова остались наедине. Голова кружилась. – Не уверена, что я смогу есть.

Шум в зале усилился, напомним, что мы здесь не одни. Мы придвинулись друг к другу чуть ли не на расстояние поцелуя.

– Что мы творим? – прошептал он.

Я пожала плечами.

– Пробуем.

Он взял в руки нож и вилку и начал резать стейк.

– На самом деле я проголодался.

– Посткоитальный голод? – пошутила я.

– Не совсем, – проворчал он, начиная есть.

Во время еды он смотрел на меня. Я наблюдала, как двигается его четко очерченная нижняя челюсть и как сжимаются губы. Почему он даже ест сексуально? Это нечестно.

Проглотив кусок, он поинтересовался:

– Что?

– Ничего. Просто ты ужасно сексуально ешь. Это отвлекает даже

после орального секса, который мы только что обсуждали.

Он мило поджал губы перед тем как спросить:

– Перейдем к обычным темам?

– Хорошая мысль. – Я наконец смогла съесть кусочек лосося.

– Любимое слово? – спросил он.

– Член, – без колебаний ответила я.

С притворным ужасом он сказал:

– Это же мое слово.

Я чуть не подавилась.

– Не могу представить, чтобы ты подумал об этом слове, не говоря уже о том, чтобы его произнести.

Рассмеявшись, он покачал головой и снова прожевал кусочек стейка.

– Полагаю, есть множество вещей, о которых я думаю, но не говорю.

Мне нравится это слово. Но правда, я редко произношу его вслух.

– В каких обстоятельствах ты его произносишь?

Подумав, он наконец ответил:

– Мне нравится использовать его и его производные в качестве ругательства во время игры в футбол. Например: «Перестань хватать меня за футболку, членосос». – Он подхватил вилкой зеленый горошек, не обращая внимания, как я обалдела, услышав эти слова с сильным северным акцентом. Он вытер рот салфеткой и добавил: – А ты?

Я отпила вина.

– В менее пристойной обстановке.

– Да? – переспросил он, понимающе улыбаясь. – Мне казалось, женщины стесняются этого слова.

– Я нет.

Найл поднес бокал к губам и сделал большой глоток.

– Я запомню

Глава 8

Найл

После ужина наши сексуальные шуточки сменились более спокойным общением. Под вино разговор ладился. У Руби были передовые мысли в плане секса, но удивительно традиционные в плане отношений. Между основным блюдом и десертом она призналась, что несмотря на любовь к флирту она не сторонница секса без взаимопонимания.

Я внимательно рассматривал Руби – нежный рот, большие глаза, постоянная жестикуляция, с помощью которой она подчеркивала свои слова, – и восхищался тем, как с ней легко общаться. Она с терпением отнеслась к моей неопытности и колебаниям. На самом деле ни то, ни другое ее не удивило.

Мы доели, выпили вино, и Руби, взяв клатч, поднялась из-за стола. Я наблюдал, как ее ладони смыкаются вокруг сумки, как она вытягивает шею, поправляя зацепившуюся за платье подвеску. Наблюдал, как она убирает прядь волос за ухо и поворачивается ко мне.

Она увидела, что я рассматриваю ее; меня завораживало каждое движение.

– Было восхитительно, – сказала она и улыбнулась.

Господи боже мой.

– Каждый укус, – согласился я, помогая ей надеть пальто.

– Ты кусаешься? – поинтересовалась она, выходя из ресторана на улицу.

Снаружи было шумно, от тележек с уличной едой поднимался пар.

– Как сказать... – начал я, и мы свернули на Гринвич. – Зависит от обстоятельств.

Мою кожу пощипывало, пальцы жгло, и я наконец набрался смелости и обнял ее за талию. Под моими пальцами она выпрямилась, вздрогнула, убрала мою ладонь и взяла меня за руку.

Ее длинные тонкие пальцы переплелись с моими, и она придержала меня, заставляя идти в ее темпе.

– Ты беспокоишься по поводу работы? – поинтересовалась она.

– По поводу работы? – в замешательстве переспросил я.

– Ну насчет этого и работы.

Я понял, что она имеет в виду.

– А. Нет, в данный момент нет. – Я поднял руку, подзывая такси, и придержал дверь, чтобы она села. – Я думаю, нам нужна ясность в том, что мы делаем, и нам нужно быть уверенными, что мы делаем нашу работу наилучшим образом, но... – Я сел в такси рядом с ней и заметил, что она весело улыбается в ответ на мое бормотание. – Думаю, то, что мы делаем, не противоречит корпоративным правилам.

– Нет, – сказала она, придвигаясь ко мне. – Я давным-давно выяснила.

– Давным-давно?

Она закусила губу и снова улыбнулась.

– Может, месяца четыре назад?

Несколько кварталов мы ехали в молчании.

– Четыре месяца назад я не...

– ...не знал, что я существую, – договорила она. – Я знаю. Думаю, я просто надеялась заставить себя перестать испытывать к тебе симпатию. – Она засмеялась. – Может, думала, узнаю, что это запрещено, и меня отпустит.

– А может, ты захотела бы еще сильнее, – сказал я и провел большим пальцем по ее подбородку.

– Может, – прошептала она, прижимаясь лицом к моей ладони. – Когда ты меня заметил?

– В тот день, когда Тони сообщил, что ты поедешь со мной. Это был первый раз, когда я по-настоящему тебя заметил.

Она прикоснулась к моему подбородку и заглянула мне в глаза.

– Не нервничай. Я знаю, что до этого ты меня не замечал. Мне не обидно.

Я сглотнул, рассматривая ее нежный розовый рот, спокойные зеленые глаза.

– Я не то чтобы не замечал тебя... – Я пожал плечами, не отводя от нее взгляда. – Видишь ли, и пусть это останется строго между нами... Тони предложил, чтобы я прибрал тебя к рукам.

– Прибрал к рукам? – повторила я, качая головой. Я смотрел, как на нее снисходит понимание, а потом она расхохоталась. – Ну он и свинья!

Ее реакция успокоила меня, но потом я забеспокоился:

– Он же не приставал к тебе, я надеюсь?

Склонив голову набок, она ответила:

– Нет. Но иногда он так смотрит на нас с Пиппой... – Она покачала головой и вздрогнула.

Я скривился, не желая признаваться, что чувствую то же самое, когда вижу, как он смотрит на женщин в офисе. Не раз мне хотелось попросить

нашего эйчара приглядывать за ним.

– Но мне нравится эта формулировка, – заметила она. – «Прибрать к рукам». Грубо и возбуждающе. Мне нравится мысль о твоих сильных руках, прижимающих меня к постели.

Я закрыл глаза и вдохнул, пытаюсь успокоиться.

– Уверяю тебя, его предложение не оказало на меня никакого воздействия. Но в конце концов, я мужчина. И даже если бы он не сказал ничего такого, одна мысль о нашем совместном путешествии вызвала у меня головокружение. – Она рассмеялась, и я снова отметил, как хорошо она меня знает, как много она выяснила, просто наблюдая за мной. – Я наткнулся на тебя в лифте и...

– И я вела себя как маньяк.

– Да. И ты представляла собой угрозу, – поддразнил ее я. – Но я хотел скорее выйти, только потому что твоя близость дезориентировала меня.

– Моя крайняя неуклюжесть обезоружила тебя?

– Без сомнения, – проговорил я и потянулся убрать прядь волос за ее ухо. – Ты шутишь, но я нет. Что-то в тебе...

Она закрыла глаза, и я прикоснулся пальцами к ее шее, потом провел по ключице. Ее кожа была прохладная и такая гладкая. Я не мог представить, как это будет – поцеловать ее, не говоря уже о том, чтобы заняться с ней любовью. Наверное, я сорву с нее одежду, как она предлагала вчера. И наверняка буду покусывать ее кожу.

– Но я видел тебя и раньше. На совещаниях мы с тобой пару раз переглядывались...

Руби широко распахнула глаза и с сомнением посмотрела на меня, словно я ее дразню.

– Все в порядке, пусть ты и не замечал меня. И пусть даже это просто эксперимент с кем-то кроме Порции. Я обещаю, что буду взрослой девочкой.

– Это не... – начал я, но замолчал, когда такси остановилось у тротуара.

Я провел Руби в отель, лифт был переполнен. Мы молча высадились на нашем этаже и пошли по покрытому ковром коридору к нашим номерам.

Остановившись у своей двери, я сказал ей:

– Я никогда не был склонен к удовлетворению своих прихотей. Если не считать одного раза спьяну, секс ради секса меня не интересует.

Она облизнула губы и лукаво улыбнулась.

– Тебе просто надо заняться сексом как следует.

Она продолжала выжидательно смотреть на меня, и я почувствовал

неловкость.

– Без сомнения, мне нужен хороший секс, – признался я.

Ее брови медленно приподнялись, и она наклонила голову в сторону своего номера.

– Ужин был прекрасный...

Руби дала мне еще десять секунд на размышления, потом поцеловала в щеку совсем рядом с уголком рта.

– Спокойной ночи, мое соблазнительное, сексуальное, тайное увлечение.

Я наблюдал, как она поворачивается и идет к своему номеру. Она вошла внутрь, и дверь тихо закрылась, не успел я ответить:

– Спокойной ночи, моя прекрасная волнующая девочка.

– Ну как можно быть таким придурком? – спросил я свое отражение в зеркале ванной. – Ты мог бы поцеловать ее. Ты мог бы насладиться ее телом сегодня ночью. Мог бы хотя бы пригласить ее зайти. – Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Кожа горела, и я не знал, то ли встать под душ прямо в одежде, то ли вломиться в ее комнату и решить все раз и навсегда.

Клянусь, я помнил каждый раз, когда она сегодня улыбалась, искренне смеялась, откидывала голову и закрывала глаза. Кажется, Руби наслаждается каждой секундой своей жизни. В ней есть что-то такое, что манит меня к ней. Хочется поставить ее на пьедестал, купаться в ее энергии и радоваться ее неудержимой радости.

«Скажи что-нибудь неприличное, – попросила она. – Скажи мне самое неприличное, непристойное, что приходит тебе в голову. Чтобы я дар речи потеряла».

Подойдя к шкафу, я снял пиджак, галстук и рубашку. Повесил одежду, чувствуя, что мне жарко, кожа стала чувствительной и я вот-вот взорвусь. И думая, какой я идиот. Руби не сказала бы нет, если бы я сделал шаг вперед, взял ее лицо в ладони и поцеловал. Она не сказала бы нет, даже если бы я предложил ей пойти в номер и показать мне, как это делается, и сказал бы, что боюсь оплошать.

Честно говоря, я никогда не делал ничего подобного. С точки зрения профессиональной да: я делал, что считал нужным, и получал, что хотел. Но моя личная жизнь устроилась очень легко. Когда нам было по шестнадцать лет, Порция пришла ко мне, когда я гулял в лесу за домом, и предложила поцеловать ее. Когда нам исполнилось по восемнадцать, она сказала, что готова заняться сексом. Но с ее характером она не смогла промолчать и обо всем рассказала матери, а поскольку ее родители –

Уиндзор-Локхарты, они сразу же предложили нам пожениться. С тех пор все шло по накатанной: роскошная свадьба, квартира, деньги на покупку которой одолжил ее отец (я вернул долг в течение четырех лет), машина, собака и брак, построенный на недомолвках.

Больше я не хотел ничего подобного.

Что ж, новый план. Я позволю этой стороне себя – тайной стороне, которая долго оставалась в тени: романтической, страстной, отчаянно жаждущей быть с кем-то более авантюрным, чем я, – позволю ей взять верх и не дам ей соскользнуть в вежливость, удобство, рутину.

Если Руби хочет, чтобы я открылся перед ней, я все для этого сделаю.

Скажу ей, чего я хочу.

Научусь подыгрывать.

Покажу ей, что могу дать, что ей нужно.

Я принял решение, и меня охватило невероятное облегчение. Я сел на стол в одних трусах, намереваясь проверить автоответчик на предмет сообщений из лондонского офиса. Достав диктофон, я начал наговаривать замечания после каждого звонка: что требует немедленной реакции, что можно порекомендовать помощнице, а что надо просто принять к сведению. Но после прослушивания первых пятнадцати сообщений я снова начал вспоминать ужин.

Манера Руби улыбаться, высунув кончик языка между зубов, в сочетании с ананасовым сорбетом, который она только что съела, сводила меня с ума от любопытства: у нее холодный язычок? Холодный и сладкий? Ей нравится, когда ее язык посасывают и трогают языком?

На что это было бы похоже, если бы она попробовала шербет, а потом облизала меня прохладным языком, скользя...

Я позволил себе представить Руби в дверях номера. *Она в крошечной шелковой пижаме – шортах и майке на бретельках. Соски отвердели от возбуждения. Бедра гладкие и узкие. Она входит, в ее руке – стакан воды со льдом. Кладет ладонь мне на грудь и подталкивает к кровати.*

– Не садись, – шепчет она.

Я молча киваю. На мне только трусы-боксеры. Она больше ничего не говорит, даже не целует меня; только ее розовый кончик языка скользит между зубами. Она улыбается и опускается на колени, стягивая с меня белье.

Я снял трусы, отдаваясь на волю фантазии.

Мой член твердый, он торчит вперед, я заворуженно наблюдаю, как она берет ледяной кубик в рот, посасывает его, потом проводит им по моему животу и бедрам.

– А-а-а, – у меня вырывается стон, когда она проводит свободной рукой по моему бедру изнутри и берет в ладонь яички и основание члена, сильно сжимает. Я наконец осмеливаюсь положить ладонь на ее голову и провести пальцами по волосам – мягким, как я и представлял. Она вскрикивает, когда я накручиваю пряди на руку и слегка тяну.

Она этого не ожидала. Кубик льда выскальзывает у нее изо рта.

Я беру член в ладонь, сжимаю его.

– Оближи его, – с трудом говорю я, и мой голос кажется слишком громким в пустой комнате.

Сияющие лукавые глаза Руби затягивает поволока, она послушно прикрывает их. Я чувствую, как она пытается дотянуться до меня, но мешает моя рука, удерживающая ее за волосы.

У меня вырывается стон:

– Какая ты красивая, – и я двигаю рукой быстрее, представляя, как она сжимает ладонью мой член и облизывает меня нежным прохладным языком... облизывает... облизывает... Я снова застонал и прошипел: – Медленнее. Я хочу, чтобы ты поиграла со мной язычком, а потом умоляла, чтобы я позволил тебе продолжить.

Ее язычок выскальзывает изо рта, слизывая влагу, пробегает по губам. Маленькая ненасытная развратница. Я выгибаюсь, проводя членом по ее губам и спрашивая:

– Ты уже думала об этом? Когда ела десерт чайной ложечкой или слизывала соус с пальца, ты представляла мой член у себя во рту?

Она кивает, приоткрывает губы и смотрит на меня. Ее губы ждут.

– Хочешь его?

Она снова кивает и тихо шепчет:

– Пожалуйста!

С глухим вскриком я вхожу членом в ее рот, наслаждаясь прикосновениями ее языка, влажного рта, вибрацией, вызванной ее стоном. На миг ее глаза широко распахиваются, удивляясь резкому вторжению, но она тут же расслабляется, облизывая меня и всхлипывая. Она не сводит с меня глаз. Я скольжу внутрь и наружу, задыхаясь. Говорю ей:

– Вот так.

...и...

– О, моя сладкая девочка... соси меня...

...и...

– Эта картина всегда будет у меня перед глазами. Всегда.

Ее руки ласкают мои яички, оттягивают и сжимают, поглаживают

– райское наслаждение. Как мне хорошо, но как это быстро, и я хочу видеть ее лицо, когда она почувствует мой оргазм.

Я закрыл глаза, мечтая об этом. Мне не делали минет уже лет семь, и мысль о губах Руби, ее языке и непристойных словечках сводила меня с ума.

Я провожу пальцем по ее подбородку и шепчу:

– Я кончаю, Руби. Пожалуйста, пожалуйста, я хочу кончить тебе в рот.

И дернувшись под ее языком, я кончаю – удовольствие охватывает меня всего с головы до пят, член пульсирует, я весь горю, кожу жжет и...

...и...

...и...

– О-о-о!

Я кончаю себе в руку, выкрикивая ее имя.

Прошла почти минута, пока мой взгляд сфокусировался и я смог воспользоваться боксерами, чтобы вытереть ладонь и пол передо мной. В комнате было на удивление тихо, и только тикали наручные часы.

Я бросил взгляд на стол и покраснел от смущения.

Мой диктофон работал все это время.

Мой палец завис над кнопкой воспроизведения. Нет ничего более пугающего, чем слушать, как я мастурбирую. Можно все стереть.

Но что-то во мне колебалось, и я уставился на стену, разделяющую наши комнаты.

Я уже лишился одной возможности сделать шаг вперед сегодня вечером, но не повторю эту ошибку. Руби – моя безопасная территория; как ни странно, хотя прошло всего лишь несколько дней, но мне казалось, что я знаю ее лучше, чем Порцию спустя одиннадцать лет совместной жизни.

Я могу дать Руби то, чего она хочет.

Я снова нажал на запись. Взяв телефон, я набрал ее номер и ждал. Один звонок.

Сердце колотилось как сумасшедшее.

Второй звонок.

Сделай это, Найл. Сделай.

А потом она взяла трубку, прокашлявшись перед тем, как ответить:

– Найл?

– Руби.

Она помолчала, потом прошептала:

– Все в порядке?

Сердце пыталось вырваться у меня из груди, и я вдруг подумал, что стою посреди гостиничного номера совершенно голый.

– Все хорошо, – пробормотал я. Закрыл глаза и представил, как она слушает запись того, чем я занимался, а потом осознал, что я позвонил ей сразу после. С улыбкой я сказал: – Я просто хотел убедиться, что ты будешь завтра на встрече в восемь тридцать утра.

Еще одна пауза, и когда она ответила, в ее голосе было легкое разочарование.

– Конечно. Встретимся в лобби в без пятнадцати восемь?

Я взглянул на часы – уже почти полночь. Через несколько часов я снова ее увижу.

– В без пятнадцати восемь, – сказал я. – Прекрасно.

– Спокойной ночи...

– Спокойной ночи, дорогая.

Я положил трубку и выключил диктофон.

Глава 9

Руби

На следующее утро я ехала в лифте в лобби и не могла дышать. Было семь часов сорок три минуты, и я знала, что Найл уже внизу – безупречный костюм, идеальная прическа, шикарное тело. Чего я не знала, так это того, какого именно Найла я увижу сегодня.

Веселого и игривого почти-моего-бойфренда со вчерашнего ужина? Который заставил меня засунуть руки в трусики, как только за мной закрылась дверь? Или странного, напряженного, резкого мистера Стеллу, который позвонил мне час спустя?

Разум Найла – похоже, его злейший враг, мешающий ему просто расслабиться и получать удовольствие. За ужином он ослабил свою защиту, поддразнивал меня и говорил откровенные непристойности. Но дай ему час наедине со своими мыслями, и меня встречает ушат холодной воды.

Тихий внутренний голос предупредил меня, что надо быть осторожной, обращать внимание на предупреждающие сигналы – пусть даже слабые. Хотя он выглядит человеком, у ног которого лежит весь мир, Найл – еще и сверхосторожный постоянно думающий человек, и может быть, мне надо придержать поводья и не бросаться вперед слишком опрометчиво.

Хорошая мысль, я полагаю.

Но когда двери лифта открылись и я увидела в лобби Найла Стеллу собственной персоной, мне не удалось последовать этому хорошему совету.

Как обычно, при виде его мой пульс ускорился и по коже побежали мурашки. Он оглянулся и встретил мой взгляд. Передо мной шли люди, и секунды тикали, пока я ждала его реакции – хоть какой-нибудь. Мои каблуки стучали по мраморному полу, и мне пришлось отвести взгляд, поправить пояс тренча и заставить себя выпрямиться. Найл – просто мужчина, в конце концов, и судя по тому, что он мне рассказал прошлым вечером, у меня в таких делах больше опыта, чем у него. У меня есть преимущество.

Продолжай говорить себе это.

Перебросив пальто через руку, он глянул на часы и приподнял брови, снова посмотрев на меня.

– Я вижу, ты пунктуальна.

Дразнит меня. Я выдохнула и расправила плечи. Я тоже могу играть в эту игру.

– Пунктуальность – решающее преимущество, – ответила я.

– Не могу не согласиться. Оказывается, я нахожу это качество чрезвычайно привлекательным. – Сегодня утром его голос казался более глубоким, более уверенным. В нем слышалось что-то такое, какой-то развратный оттенок, от чего у меня мурашки побежали по рукам. Если бы это был не Найл, я бы услышала намек в этих словах, но это же мистер Прямота и Сдержанность. Вряд ли он начнет приставать ко мне в лобби отеля или во время встречи с нью-йоркским управлением городского транспорта.

Я знала, что он старается вести себя в высшей степени по-деловому на работе, но после вчерашнего вечера, когда он сказал, что хочет продемонстрировать мне то, что не считает «сдержанным и хоть сколько-нибудь пристойным», вопрос о том, где мы находимся, все равно оставался подвешенным. И я пыталась дать ему возможность самому решать, в каком темпе мы будем двигаться. Можно подумать, что он готов начать прямо сейчас. Можно подумать, что он мог бы поцеловать меня прошлым вечером.

Я выжидательно смотрела на него, пока он надевал пальто. Затем он сделал приглашающий жест и сказал:

– Пойдем?

В середине первого совещания мы прервались на кофе. Во время обсуждений бюджета и отношения публики я чувствовала себя совершенно бесполезной. Это же не колеса и шестеренки самого механизма. Но я слушала, зная, что подобные трудные разговоры – именно то, что мне надо стараться понять.

Найл выглядел сосредоточенным на своих мыслях, он два раза перечитывал одну и ту же страницу повестки, и ему два раза задали вопрос, прежде чем он ответил. Он едва смотрел в мою сторону, но время от времени я чувствовала легкие прикосновения, протягивая ему бумаги. Его нога уютно прижималась к моей, и это нельзя было списать на случайность.

На самом деле его нехватка сосредоточенности была на грани нервозности, и я обрадовалась, когда он отвел меня в сторону и спросил, не соглашусь ли я помочь ему.

– Я знаю, это ужасно грубо с моей стороны, – сказал он, вертя телефон в руках. – Но я проверил звонки и смски, и мне надо кое-что сделать.

Ничего суперсрочного, но звонила Джо, у нее есть кое-какие имена и даты, нужные мне для разговора с Тони. Ты бы... – Он помолчал, глядя на меня с извиняющимся видом. – Я знаю, ты мне не ассистент и не подчиняешься мне, но ты бы не могла послушать и сделать заметки?

Я облегченно вздохнула – потому что нашлось объяснение его отвлеченности и потому что я буду избавлена еще от двух часов мучений.

– С удовольствием, – сказала я, беря его мобильный. – Это совещание не имеет никакого отношения к моему департаменту. Дай мне работу, любую работу, пока я не сошла с ума.

Стена, разделявшая зал совещаний и комнату ожидания, представляла собой стекло от пола до потолка и примерно двадцати футов в длину. Внутри стояли две белые кожаные кушетки, несколько гладких металлических столов и два кресла. Наружные окна выходили на улицу с ресторанами и недавно зазеленевшими деревьями. Я расположилась на кушетке, достала записную книжку и ручку и приготовилась слушать автоответчик в его телефоне.

– Еще одно.

Я дернулась при звуке его голоса.

– Пароль – день моего рождения...

– Шестого сентября, я знаю, – выпалила я, потом моргнула и увидела, что он удивленно смотрит на меня. Я медленно лукаво улыбнулась. – Тебе имеет смысл знать, что мне хочется провалиться сквозь пол. Потому что, ну, привет, сталкер.

Он расхохотался.

– Может, я не придумываю не очень надежные пароли.

– Думаю, если довольно долго смотреть на человека, можно догадаться о всяком таком, – сказала я и неловко кашлянула для пущего эффекта.

Но Найл только рассмеялся опять, покачал головой и еще раз поблагодарил меня, перед тем как направиться к выходу.

– О, Руби? – сказал он, остановившись в дверях.

– Да?

– Слушай внимательно. Некоторые записи довольно длинные... а в конце есть одна особенно важная.

– Ясно, – ответила я и даже не стала притворяться, что не глазею на его задницу, когда он уходил.

Сидя на кушетке, я отчетливо его видела. Он остановился у столика с закусками, взял бутылку воды и вернулся на место. Я засомневалась: мне

кажется или он и правда покраснел?

С учетом того, что некоторые записи явно длинные, я достала из сумки наушники. Подключила их к телефону и ввела пароль. Четыре записи. Первая предсказуемо была от Джо, и я внимательно слушала, пока она оттабабит список имен и соответствующих дат, и аккуратно записала их всех. Вторая и третья были в том же духе, и через три минуты я уже исписала целую страницу в записной книжке.

Я подняла взгляд от записей и увидела, как он что-то обсуждает с соседом. Не слыша его голос, я могла только видеть, как его рот формирует слова, и даже без звука можно было угадать его акцент. Он больше использовал губы, дольше произносил слова. Я подумала, каково это – слышать его голос дома, когда он говорит, чего хочет.

Однажды я напишу книгу, в которой расскажу обо всем, что меня в нем интересует.

Снова включив диктофон, я на секунду поймала взгляд Найла, перед тем как он отвернулся. Зазвучала последняя запись, и я ждала, пытаюсь уловить смысл. Кто-то дышит... звук кондиционера... дорожный шум? Послышался шелест ткани, как будто по микрофону провели клочком ткани, и я взяла телефон в руки, проверяя, работает ли он, не отошли ли наушники от разъема.

Но потом я услышала:

– А-а-а... – а потом... я определенно этого не ожидала. – Ты такая красивая.

Я узнала голос. Последние шесть месяцев я провела, напрягая слух в надежде уловить звук, как он выходит из лифта на моем этаже, и разобрать все, что он говорит на совещаниях. В надежде, что он заговорит со мной. Это Найл, и он... мне кажется...

– Медленнее. Я хочу, чтобы ты поиграла со мной язычком, а потом умоляла, чтобы я позволил тебе продолжить.

Господи боже мой.

Я побледнела. Я что, наткнулась на запись, которую мне не следовало слышать? Это вообще Найл? Невероятно, чтобы он записывал что-то подобное, не говоря уже о том, чтобы дать мне это послушать.

Если только он не знал, что его записывают. Он... с кем-то? Сказать ему, что я это слышала?

– Ты уже думала об этом? Когда ела десерт чайной ложечкой или слизывала соус с пальца, ты представляла мой член у себя во рту?

Десерт? Он говорит о...

Я выпрямилась и посмотрела в конференц-зал, думая, стоит ли мне

удивляться, когда обнаружила, что он смотрит на меня. Не знаю, сколько времени он наблюдал за мной, но, поймав мой взгляд, он медленно кивнул. Я уверена, он точно знает, что я сейчас слушаю, и что он спланировал всю эту ситуацию.

– Хочешь его?

– *Вот так.*

– *О, моя сладкая девочка... соси меня...*

Он ласкал себя, представляя, что это делаю я. Должно быть, занимался этим вчера после ужина. О черт!

В помещении было двадцать градусов, но я вся вспотела. Найл не отводил от меня взгляда, и я готова поклясться, что эта ситуация была бы непристойнее, только его бы он разложил меня голую на полу. Да и то ненамного. Как он это делает? Мы даже не притрагивались друг к другу, а мне кажется, что он делал со мной такое, что никто не делал.

– *Эта картина всегда будет у меня перед глазами. Всегда.*

Я скрестила ноги и поерзала на сиденье. Я вся намокла, и мне так хотелось заняться тем, о чем он говорит.

– *Я кончаю, Руби. Пожалуйста, пожалуйста, я хочу кончить тебе в рот.*

Когда совещание прервалось на обед, я заметила, что Найл колеблется, выходить или нет. Ему придется посмотреть мне в глаза, после того как я все это выслушала, и нас не будут разделять безопасные двадцать футов, стеклянная стена и пятнадцать инженеров с транспортными специалистами. Он нервничает, и черт меня возьми, если это не самая умильная штука на свете.

Не в состоянии терпеть, он собрал вещи и вышел из конференц-зала.

– Голодна? – спросил он.

– Еще как, – ответила я в надежде, что он понял подтекст моего ответа. Судя по тому, как он вцепился в узел своего галстука, явно да.

Я наклонила голову в сторону выхода:

– Пойдем со мной?

Я повела его по коридору. Дорогу нам заступил мужчина, который тоже присутствовал на совещании.

– Этажом выше есть кафе, где подают ланчи. Сегодня национальный день тако или что-то вроде, если вы голодны. Давайте...

Что же, самое интересное, что могло сегодня случиться, уже произошло.

– Нам надо связаться с нашей базой в Лондоне, – сразу же ответил

Найл. – Но мы вернемся как можно скорее.

Должна признать, я впечатлилась.

Кивнув, мужчина скрылся из виду, и мы продолжили идти по коридору, потом повернули, еще раз повернули, и в конце концов звуки голосов остались далеко позади.

– Мы звоним в Лондон, да? – поинтересовалась я.

– Не совсем. – Он с улыбкой взглянул на меня. – Полагаю, ты ведешь меня в уединенное место, чтобы поговорить?

– Поговорить? – протянула я с усмешкой.

Он поджал губы.

– Наверное.

– К вопросу о поговорить, вот твои заметки, – сказала я, протягивая ему записную книжку.

– А. Спасибо.

В конце коридора находилась неосвещенная комната, и я завела его внутрь, закрыв за нами дверь. Потом, прислонившись к прохладному дереву, я сказала:

– Твои записи оказались очень... увлекательными.

– Увлекательными, говоришь? – Он сделал шаг ко мне.

– Они взволновали меня, – сказала я и хихикнула. – До глубины души.

Склонив голову и сладко улыбаясь, он промурлыкал:

– Насколько глубоко?

Я собралась было ему ответить, сказать что-то игривое и кокетливое, но когда наши глаза встретились, я утратила последние зачатки здравого смысла. Мое сердце начало биться сильно и часто, и внезапно я осознала, что это не просто эротические мечты и флирт. Я вовсе не сижу на еженедельном совещании, представляя себя всякие разные картины.

У меня уже было столько памятных моментов с Найлом Стеллой, что я потеряла им счет.

Сколько раз Найл Стелла... прикасался к моей лодыжке, убирал прядь волос мне за ухо, смотрел мне в глаза и спрашивал, кончила я или нет. Говорил мне, что хочет, чтобы я проглотила его сперму. Записывал на диктофон, как он ласкает себя с мыслями обо мне. Вот-вот поцелует меня.

Вот оно что.

– Отвечай.

Я утратила способность шутить и поникла головой.

– Ужасно.

– Расскажи мне. – Его голос был одновременно нежным и повелительным, он наклонился и поцеловал меня в шею. – Что ты имеешь

в виду?

Он знает. Он должен знать. Он хочет, чтобы я это сказала.

– Я имею в виду, что я мокрая.

Он резко втянул воздух, проводя носом по моей шее и по подбородку.

– Черт побери, Руби, давай уже поцелуй меня.

Я перестала дышать, мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Запах его одеколона окутывал меня, и я опьянела от его близости и от мысли о том, что я вот-вот его коснусь. Поцелую его. А он меня.

Он подался ко мне, дрожа и приоткрыв губы для поцелуя. Он рассчитывал на мимолетный поцелуй, на то, что мой рот скользнет по его губам. Я понимала это, потому что знала его лучше, чем предполагалось на этой стадии знакомства, и потому что он наклонился ко мне очень осторожно, бережно взяв меня за талию.

Но я не могла делать это мимолетно и слегка. Я слишком долго этого хотела. Облегчение, мысль о том, что он рядом, что я могу прикоснуться к его теплой коже, – все это пронзило меня молнией, и я притянула его к себе. Мои губы скользнули по его рту, я втянула его нижнюю губу в рот, и он выдохнул и застонал.

Я хотела проглотить его целиком, вобрать все эти звуки и сохранить их в себе навечно, чтобы снова и снова проигрывать их в своей голове.

У него потрясающий рот: идеальное мужское сочетание твердости и мягкости, желания брать и давать. У меня закружилась голова. Мои пальцы запутались в его волосах, я изо всех сил прижалась к нему грудью и начала издавать совершенно неконтролируемые звуки облегчения и удовольствия.

Он застонал еще громче, от удивления и неожиданности сжал меня еще крепче, а потом его ладони скользнули по моей спине.

Я откинулась назад, а он навис надо мной, приоткрыв губы и снова постанывая, в то время как его язык проник в мой рот, пробуя и наслаждаясь.

Он так близко, наверняка он чувствует, как колотится мое сердце.

Я так дико, безумно его хотела, что не контролировала звуки, которые я издаю. У меня вырывались тихие стоны, вздохи, когда я чувствовала, как его язык скользит по моему. Помимо воли у меня вырвалось:

– Найл, пожалуйста.

– Пожалуйста что? – Он скользнул губами к моему уху, целуя. – Что ты хочешь?

– Просто... поцелуй меня.

Я почувствовала, как он смеется, прижимаясь к моему уху.

– Мне казалось, именно это я и делаю.

– Тогда прикоснись ко мне. Я хочу...

– Покажи мне, – прошептал он, прижимаясь губами к моим губам. – Покажи, где я должен к тебе прикоснуться.

Я не смогла сдержать тихий стон, откидываясь и глядя ему в глаза. Переплетя свои пальцы с его, я поднесла его ладонь к губам, прижимаясь к ней в поцелуе. Он смотрел то мне в глаза, то на мой рот, а потом медленно кивнул. Я потянула его ладонь вниз к подолу юбки.

– Да, – простонал он, чувствуя мою голую кожу. Мы не размыкали рук, добравшись до влажной ткани моих трусиков. Я сделала шаг назад, потом еще один, прижалась спиной к двери и потянув его за собой. Он последовал за мной, скользнув пальцами под кружево и лаская скользкую от возбуждения кожу.

– Уже, – выдохнул он, двигая рукой туда-сюда.

Я кивнула, не в состоянии выдать из себя хоть слово в ответ. Я хотела его до боли, а теперь он прикасается ко мне, наконец! Его длинный указательный палец раздвигает складки кожи и скользит между ними и оказывается там, где я хочу.

О да, вот здесь.

Господи, да.

О как хорошо.

Я утратила последние остатки соображения.

Он снова повторил пальцами тот же путь – от входа к клитору, и в его движениях чувствовался опыт, удивительный для человека, который десять лет не знал, нравится ли его жене секс или нет. Его губы скользнули от уголка моего рта к подбородку и снова вверх, утыкаясь в мое ухо.

– Вот чего мне так хотелось, – прошептал он. – Вот о чем я думаю. И прошлой ночью я тоже об этом думал. О твоём нежном языке, о том, какая ты здесь на ощупь. Каково это – проникнуть в твоё тело, в твой рот. Это просто наваждение.

Я откинулась на дверь, то ли желая отстраниться от его настойчивых ласк, то ли нуждаясь в опоре – не уверена. Я только знала, что совершенно потерялась, что я в одном шаге от того, чтобы рассыпаться на части и больше никогда не стать прежней.

– Внутри, – прошептала я дрожащим голосом. – Я хочу кончить, чтобы ты был внутри.

– Когда ты так говоришь... – сказал он, но сделал, как я просила. Скользнул в меня одним пальцем, потом двумя и начал резко двигать ими. – Черт побери...

Ощущения становились все острее, мои ноги ослабели, я отчаянно

целовала его губы и подбородок. Мои страстные стоны заглушались его губами, он ловил их. Его большой палец двигался по кругу, твердый и опытный, а два других пальца входили и выходили из меня. Я готова была поклясться, что с каждым толчком он проникает все глубже и достигает каких-то нетронутых мест.

А потом волна нахлынула на меня, и я кончила, выгибаясь на его руке. Его рот снова нашел мой, и он шептал мне что-то, что я с трудом понимала.

– Кричи, не стесняйся, – говорил он. – Я хочу запомнить все эти звуки и вспоминать их сегодня ночью.

Но у нас весь вечер впереди, подумала я. Никаких встреч и ужинов с участниками конференции. Никто нам не мешает. Интересно, знает ли он об этом? Может быть, заниматься этим здесь ему проще – когда издалека доносятся звуки жизнедеятельности офиса, напоминая, что мы не можем зайти слишком далеко. Может быть...

– Не могу поверить, что я это говорю, – сказал он и потерялся своим носом о мой, – но прекрати думать.

– Просто... о-о-о! – сказала я, мечтая растечься лужицей на полу. К сожалению, он вынул руку из-под моей юбки и обнял меня, не давая упасть.

– «О-о-о» – значит хорошо. Пусть будет «о-о-о».

– Нам надо повторить это, – сказала я, глупо улыбаясь.

– Видеть, как ты таешь в моих объятиях...

– Не дразнись.

Он бросил взгляд на дверь, помрачнев.

– Но мы отсутствуем уже довольно долго; надо присоединиться к остальным.

– Но ты... – начала я, посмотрев в сторону его члена.

Он все еще был твердый, и это зрелище впечатляло. Но Найл остановил мою руку, когда я потянулась к поясу.

– Я к этому уже привык, поверь мне.

Я нахмурилась.

– Но я могу...

И словно по сигналу в коридоре послышался чей-то голос. Время вышло.

На этот раз все, подумала я. Но у нас вся ночь впереди, и я собираюсь насладиться каждой секундой.

Глава 10

Найл

Судя по тому, какие взгляды Руби бросала в моем направлении, она что-то затевает.

– Что? – проговорил я, когда она снова закусила полную нижнюю губу и наконец перевела взгляд на мое лицо, после того как долго рассматривала шею и руки.

Она пожала плечами и прошептала в ответ:

– Ничего, – и ее розовый язычок скользнул между губами.

Она знает. Знает, как я реагирую на ее язычок. Нежный, розовый, дразнящий.

Я оторвал от нее взгляд, снова взглянув на женщину, ведущую сегодняшнюю дискуссию на тему бюджета на ликвидацию последствий урагана. Все присутствующие уставились в свои ноутбуки и блокноты, делая заметки. Что касается меня, я нахожу такие совещания предсказуемо напряженными и завораживающими. Я люблю свою работу, мне интересна тема подготовки к стихийным бедствиям и подробности, которые мы должны обсудить. Я получал от работы удовольствие, недоступное, как я подозреваю, многим моим коллегам: это мой побег от реальности, моя страсть. Так что я несколько удивился, когда поймал себя на том, что поглядываю на часы и вместо работы думаю о Руби и о том, что между нами будет сегодня вечером.

Встреч у нас нет, социальных обязательств тоже. С пяти часов дня до завтрашнего утра у нас нет ничего, кроме времени... которое мы можем провести вдвоем.

С Порцией у нас было сколько угодно времени – одиннадцать лет. И все-таки даже в самом начале мы не стремились почаще бывать вместе. Все на свете казалось более важным, что завтрак вдвоем; даже такая простая вещь, как просмотр телевизора бок о бок, приносилась в жертву дополнительной работе или сторонним проектам. Но Руби чуть ли не дрожала при мысли о том, чтобы провести несколько часов вдвоем – со мной.

Явно то, что произошло в обед, – знак того, что нам пора двигаться дальше, превратить игры и флирт, которыми мы наслаждались в течение дня, во что-то более интимное.

Я просто не совсем в себе уверен. У меня мало опыта по части эмоций и еще меньше опыта в части секса с другими женщинами. Я знаю, что довел ее до оргазма. Я знаю, что могу доставить ей еще больше удовольствия. Беспокоит меня не это. Я волнуюсь, потому что знаю: она даст мне все, что я хочу.

Если я захочу заняться с ней любовью, она согласится. Если я захочу почувствовать ее губы на своем члене, она это сделает. Если я хочу определить границы, это придется сделать мне. Но точно ли я хочу устанавливать границы или я просто думаю, что так надо?

Мой желудок свела судорога, и я перевел взгляд на женщину во главе стола. Уголком глаза я продолжал видеть Руби, склонившую голову и поглядывающую на меня. Я заподозрил, что все мои мысли написаны у меня на лице. Мне начало казаться, что у нее есть дешифровщик – она единственный человек, за исключением брата и младшей сестры, который по одному взгляду на меня может определить, что я скрываю.

Я моргнул и посмотрел ей в глаза.

Рассматривая меня, она заулыбалась и одними губами произнесла:

– Не беспокойся, – и перевела взгляд на свой блокнот, а потом на ведущую.

Мои плечи облегченно опустились.

«Расслабься, – прошептал ее голос у меня в голове. – Мы со всем разберемся».

Мы пошли обратно в отель пешком, и под дороге Руби мило болтала о совещании, удивительно теплой погоде, группе, которую она до смерти хочет увидеть в этом городе. Она рассказывала всякую чепуху, которую мне хотелось слышать, отвлекая меня от тревожных мыслей по поводу надвигающегося вечера.

В «Паркер Меридиен» Руби повела нас к лифтам и дальше по коридору к нашим номерам. Остановившись у двери в мою комнату, она подняла на меня свои зеленые глаза и прошептала:

– Ну что. Пришло время решать. Хочешь провести со мной сегодняшний вечер? – Она положила ладони мне на грудь. – Никакого давления. Я могу уйти в свою комнату, включить фильм с Райаном Гослингом и помастурбировать, а ты можешь уйти в свою и ругать себя за то, что не снял с меня блузку. Но решать только тебе.

Я сглотнул, сделал несколько успокаивающих вдохов и поцеловал ее в уголок рта, потом скользнул губами вверх по щеке и к уху.

– Да, пожалуйста, – прошептал я.

– Итак, – протянула она, – закажем ужин в номер или сходим куда-нибудь?

Мне потребовалось три секунды, чтобы решить:

– Закажем.

С широкой улыбкой она взяла из моих рук ключ от номера, и мы вошли. Она сбросила туфли, прыгнула на кровать и уткнулась лицом в подушку.

– Черт, они перестелили белье. Подушка не пахнет тобой. – Она перевернулась на спину, прижимая ее к груди. – Надо сказать им, чтобы завтра постель не трогали. – А потом, подражая моим интонациям, она добавила: – Прекрасная мысль, – и решительно кивнула. Я заулыбался. Улыбнувшись мне в ответ, она потянулась за меню, лежавшем на прикроватной тумбочке. – Чего тебе хочется?

Я прислонился к столу, наблюдая за ней. Мне так нравилось видеть ее в моем номере, на этой кровати, такую расслабленную и уютную... мою девушку.

Усевшись и расшнуровывая туфли, я пробормотал:

– М-м-м, может быть, бургер?

– Ты у меня спрашиваешь? – Она взглянула в меню. – Да, есть. Чизбургер и картошку фри?

Она бросила меню на пол и подняла трубку телефона. Я услышал тихий голос на том конце провода, и Руби захихикала, закрывая ладонью микрофон. С притворным возмущением она сказала:

– Они назвали меня миссис Стелла.

Я улыбнулся, снимая туфли. Миссис Стелла – это моя мать или, в течение какого-то времени, Порция. Это жизнерадостное создание, которое раскинулось на моей кровати в задравшейся юбке, обнажившей стройные бедра, никак не могло быть «миссис Стеллой».

Но в этом-то вся проблема, не так ли? Я все время думаю, что Руби слишком веселая, слишком хорошенькая, слишком авантюрная для таких, как я. У меня имелось представление о том, чего я заслуживаю, о том, кому я мог бы понравиться, и это не Руби.

Если бы она услышала мои мысли, уверен, она бы вырвала телефонный провод из стены и швырнула аппарат мне в голову.

Я слушал, как она заказывает еду, а потом вешает трубку. Так обычно, так легко, так спокойно. Мои плечи расслабились, живот перестало сводить.

Она похлопала по кровати, приподняв брови и соблазнительно улыбаясь.

– У нас есть сорок минут на то, чтобы пошалить.

– Руби... – начал я.

Улыбка на секунду соскользнула с ее губ и затем снова вернулась.

– Почему ты так боишься оказаться со мной в одной постели? – спросила она, и я почувствовал напряжение в ее голосе. – Я не собираюсь похищать твою добродетель, честное слово.

– Дело не в этом, я... – Я умолк, развязывая галстук и вешая его на спинку стула. Всегда, когда мне хотелось объяснить, сказать что-то важное, что-то личное, мои мысли разбегаются в разные стороны. Вот почему с Порцией я давно оставил эти попытки.

Я знаю, что мне надо прекратить сравнивать все на свете со своим браком. Руби пытается помочь мне понять себя самого, и я должен дать ей эту возможность.

Новые отношения. Новая модель.

– Скажи мне.

Я закрыл глаза и попытался подобрать слова.

– Я чувствую, что только-только переварил мысль о том, что мы с тобой вместе со всеми вытекающими, и вот мы уже в гостинице, в номере с кроватью. Мне хочется думать, что в обычных обстоятельствах я бы несколько раз пригласил тебя на ужин, поцеловал в дверях и был бы более сдержанным в действиях. По крайней мере, так поступил бы восемнадцатилетний я, – объяснил я, беспомощно хмыкнув. – А вот мы здесь, я уже трогал тебя внутри, и все, чего мне сейчас хочется, – это присоединиться к тебе и избавиться от напряжения, которое я испытываю весь день. Полагаю, дело в том, что мне странно от того, как тело и сердце опередили мой разум.

Руби встала на колени и переместилась к изножью кровати. Протянула руку, скользнула пальцем в петлю на поясе брюк и потянула меня к себе.

– Почему люди ведут себя так, будто сердце и тело – не часть разума?

Она расстегнула верхнюю пуговицу моей рубашки и перешла к следующей. Потом еще к одной. Мою кожу покалывало под ее пальцами.

– Когда ты хочешь меня, – начала она, – это твой разум. Когда ты чувствуешь, что тебе приятно со мной, угадай, что это? – Она взглянула на меня с милой улыбкой. – Тоже разум.

– Но ты понимаешь, что я имею в виду? – шепотом спросил я. Наши лица находились в паре дюймов друг от друга; мне надо слегка наклониться, и я ее поцелую. – Я беспокоюсь, что ты так молода. Что я неврастеник. Как отключиться от всего этого?

– На самом деле, – сказала она, с притворной серьезностью сдвинув

брови, – я думаю, что тебе будет проще, когда мы вернемся домой. Когда все будет происходить на твоей территории, по твоим правилам. Мне кажется, самое трудное для тебя – оказаться вне привычной среды, и впридачу я – еще один элемент хаоса.

Ее слова помогли мне расслабиться, заставив отступить растущую волну беспокойства.

– Ты уверена, что тебе не шестьдесят лет и что твой вид – не заслуга пластического хирурга? Ты мудра не по годам.

– Абсолютно уверена, – улыбнулась она. – А еще я уверена, что ты не должен делать то, чего не хочешь, Найл. Нет так нет.

Я взглянул на ее шею в том месте, где бился пульс, и представил, каково это – прижаться сюда губами.

– Я вполне уверен... Я имею в виду... – Я вздохнул и расстроился. Наконец сказал: – Хочу.

Руби хихикнула, упала навзничь на кровать и потянула меня за собой. Мы упали на кровать, матрас под нами спружинил, и я откатился в сторону, снимая рубашку. Она закинула на меня ногу и прижалась так, как будто это было для нас самое привычное дело.

Я уставился на сплетение наших тел, не в состоянии вымолвить ни слова.

– Смотри, как мы подходим друг другу, – тихо сказала Руби. – Подумать только, я наконец оказалась с тобой в одной постели. – Она протянула руку, разглаживая складки на моем лбу. – На самом деле мне хочется пообниматься и поболтать. Мы можем не раздеваться до ужина. И после тоже.

Я улыбнулся и провел ладонью по ее животу.

– Расскажи мне о своей семье.

– Ну... – Ее пальцы скользнули по моей шее и запутались в волосах. – У меня есть брат-близнец...

– У тебя есть брат-близнец? – переспросил я. Как я мог целовать ее, наблюдать, как она доводит себя до оргазма, ласкать ее и провести последние пять дней, не зная таких основных сведений?

– Да, он учится на врача в Калифорнийском университете. Его зовут Крейн.

– Крейн? Редкое имя.

– Все называют его по фамилии – Миллер, но ты прав. – Она задумчиво погладила меня по голове. – Он душка.

– А твои родители?

Она заглянула мне в глаза.

– Они живут в Карлсбаде – это к северу от Сан-Диего. Кажется, я уже говорила, что они оба психотерапевты.

Я отодвинулся, чтобы рассмотреть ее получше.

– Как это возможно? Твои родители – психотерапевты, а ты такая... нормальная?

Смеясь, она шутливо толкнула меня в грудь.

– Глупый стереотип. Стоило бы подумать, что если твои родители – очень хорошие мозгоправы, то их дети лучше приспособлены к жизни, а не хуже.

– Стоило бы подумать... – Мои губы невольно расплылись в улыбке. Она... она потрясающая. – Значит, ты выросла в Карлсбаде, а потом поступила в Калифорнийский университет?

– М-м-м! – протянула она, проводя пальцем по моей ключице. – Счастливое детство. Классные родители. Брат-близнец, который время от времени встречался с моими друзьями... – Она задумалась, потом потянулась, поцеловала меня в шею и заключила: – Мне повезло.

– Значит, никаких демонов?

Руби медленно откинулась назад, и на секунду ее глаза затуманились.

– Никаких.

Я внимательно рассматривал ее лицо, потом провел рукой по животу к ребрам и тихо заметил:

– Не очень убедительно.

Не знаю, зачем я задал ей это вопрос, но теперь мне нужно знать правду. От этого погружения я почувствовал стеснение в груди. Это не просто флирт, поцелуи, ласки. Это то, что мне нужно, но и то, чего я боюсь больше всего: близости в словах перед близостью в действиях.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Но ты первый.

Я удивленно моргнул. Задавая этот вопрос, я не ожидал, что он обернется против меня.

– Что же, полагаю, детство у меня было вполне счастливое. Оглядываясь назад, я понимаю, что мы были очень бедны, но дети редко замечают нехватку денег, если у них есть все, что им нужно. Мой брак, как я уже говорил, был довольно... спокойным. Особенно в сравнении с моим детством с буйными братьями и сестрами. Мы не особенно много спорили и не особенно много смеялись. В итоге оказалось, что у нас очень мало общего.

Она провела рукой по моему подбородку, изучая его форму кончиками пальцев.

– Я полагаю, что мои демоны – это сдержанность и страх из-за того,

что я провел подростковые годы и десяток лет с женщиной, которую я, видимо, так и не пойму за всю мою оставшуюся жизнь. Такое ощущение, что я потратил время зря.

– Сдержанность? – тихо повторила она.

Я кивнул и прошептал:

– Я всегда думал, смогу ли я найти общий язык с людьми.

– Что ты имеешь в виду?

– Смогу ли я общаться по-дружески, заинтересованно, – объяснил я. – Быть ответственным.

– Ты очень ответственный. – Ее губы изогнулись в усмешке. – Может, даже слишком.

Засмеявшись, я признал:

– Справедливо. Я всегда был самым спокойным и несколько неуклюжим. Макс и Ребекка, которые были по возрасту ближе всего ко мне, были весельчаками. А я был сдержанным, но это значило, что я справляюсь с вещами, с которыми они не могут сладить.

– Звучит любопытно...

Покачивая головой, я наклонился поцеловать ее подбородок и прошептал прямо в ее кожу:

– Твоя очередь.

Когда я отстранился, она взглянула на меня. Ее палец описывал круги на моей шее.

– Руби?

Она моргнула, глядя мне в глаза, а я наблюдал, как она глубоко вздыхает.

– У меня был плохой бойфренд на первом курсе, – начала она. Слова были очень туманными, и я не понимал, что она имеет в виду. Он применял к ней силу? Или был неверен?

– Что ты имеешь в виду?

– Может, неправильно называть его бойфрендом, – продолжила она, повернув голову набок и задумавшись. – Несколько раз мы встречались, и он хотел заняться сексом, когда я еще не была готова. Он оказался очень настойчив.

Когда до меня дошло, о чем она говорит, мое сердце чуть не выпрыгнуло наружу, и я с трудом выдавил:

– Он сделал тебе больно?

Глядя на ее хрупкое тело, пухлые губы и большие искренние глаза, я почувствовал, что меня охватывает дикая ярость. Меня пожирали страсть и жажда мести, каких я доселе не испытывал.

Она пожала плечами.

– Чуть-чуть. Никакой драмы или особенного насилия, просто было неприятно. У меня это был не первый раз, но...

Я понял:

– Все равно было больно.

Она кивнула и снова уставилась на мой подбородок.

– Да. Так что если говорить о демонах, думаю, что это мой.

Я растерялся. Открыл рот, потом снова закрыл. Мне хотелось ударить кулаком в стену, сжать ее в объятиях, накрыть ее тело своим. А потом я отнял руку от ее тела, забеспокоившись.

– Прекрати, – сказала она и неловко хихикнула. – Вот почему я не люблю разговаривать на эту тему. Это была плохая ночь, но одно из преимуществ дочери хороших психотерапевтов – то, что ты учишься говорить о таких вещах, и это очень помогает.

Руби казалось такой здоровой, уравновешенной, с пониманием воспринимала мои колебания. То есть думать о том, чтобы приятно с кем-то провести время, было приятно и радостно, но я начал думать о ней более серьезно, как о человеке, в жизни которого было и хорошее, и плохое, о человеке, который относился ко мне бережно, но к которому тоже нужно относиться бережно.

– Просто спроси, – сказала она, прочитав мои мысли. – Если мы собираемся заняться этим, – она сделала жест, объединяющий нас обоих, – тебе следует кое-что обо мне знать.

– Ты не... – начал я, испытывая крайнюю неловкость. Сглотнул, потом еще раз сглотнул и прокашлялся.

– Найл, – сказала она и потянулась поцеловать меня. – Спрашивай.

– Секс... для тебя это не проблема. – Это был не вопрос, и когда я почувствовал, как меня заливают краска смущения, мне захотелось зажмуриться и исчезнуть. Она такая открытая, так свободно говорит о сексе.

Кажется, она ничего не заметила, и мои слова ее никак не обеспокоили.

– Сначала да, – заговорила она. – Имею в виду, может быть, иногда это чувствительное место. Первый год или около того я немного... боялась. Я спала с разными парнями, словно пыталась кому-то сказать: «Эй, я так решила. А еще я хочу так и так». Но мне помог мой терапевт. То, что сделал Пол, на самом деле касалось не секса. Парни, с которыми я была после него... были другими. Мне не казалось, что он сломал меня, но он и правда показал мне, что некоторые люди бывают... плохими.

– Ты часто об этом вспоминаешь?

Она улыбнулась и провела указательным пальцем по моим губам. Этот жест был одновременно очень трогательным и соблазнительным.

– По-разному. Зависит от того, что происходит в моей жизни. – Я инстинктивно отстранился. – Но когда дела обстоят, как у нас, когда я беспокоюсь, чтобы ты не думал, что со мной надо обращаться, как с хрустальной вазой... – Ее глаза искали мои, и я увидел мольбу в ее взгляде. – Пожалуйста, не надо.

Я хотел пообещать ей это, но ее история вызвала во мне желание продвигаться медленно.

– Я...

Нам помешал стук в дверь: принесли ужин. Я встал, застегивая рубашку, и впустил мужчину с нагруженной тележкой. Он подкатил ее к кровати, и я подписал чек. В комнате воцарилось молчание; такое ощущение, что наш разговор повис в воздухе.

Руби села по-турецки и начала снимать крышки с тарелок.

– Голодна?

– Не то слово, – сказала она, выдавливая кетчуп себе на тарелку. Наклонилась и поцеловала меня в щеку. – Спасибо за ужин, дружок.

И когда она начала поглощать пищу, я понял, что наш откровенный разговор откладывается.

С удовлетворенным вздохом Руби откинулась на матрас.

– Что бы ни случилось сегодня вечером, имей в виду, что тебе придется соревноваться с чизбургером.

– Боюсь, что у меня мало шансов.

– Ну так примените свои способности соблазнять женщин, мистер Стелла, – хихикнула она.

Ужин был прекрасен, но я уделил ему не слишком много времени, действуя на автопилоте. Я отчетливо осознавал, что не хочу торопить события, и с учетом ее искренности мне хотелось особенно бережно относиться к ее чувствам.

– Хорошее начало, – прошептала она, возвращаясь к пуговицам моей рубашки и продолжая их расстегивать.

Мои пальцы играли с верхней пуговицей ее шелковой блузки.

– Ты что, засомневался? – спросила она, когда я слишком долго задержался на этом этапе.

Я покачал головой, раздумывая. Ее зеленые глаза внимательно изучали мое лицо, терпеливые, но настойчивые.

– Я просто хочу четко обозначить, чем мы будем заниматься сегодня вечером, – наконец признался я. – Я немного выбит из колеи твоим рассказом.

Ее лоб разгладился, и она откинулась на подушку, чтобы лучше меня видеть.

– О Поле.

– И о твоей реакции после этого, о том, чтобы броситься с головой в сексуальные отношения.

Ее лицо исказилось от боли, но она тут же совладала с собой.

– Я давно этого не делала.

Я улыбнулся ей в ответ. Ей двадцать три года. Давно – это так относительно.

– Я не пытаюсь судить тебя, Руби. Может, это стимул и для меня – не торопиться.

– То есть никакого секса?

Заглянув ей в глаза, я кивнул.

– Я старомоден, я это понимаю, но кое-что я делаю, только когда влюблен.

На ее лице отразилось какое-то непонятное чувство, и она собралась было что-то сказать, но потом просто кивнула.

Я хотел объяснить свои слова, зная, как она могла их интерпретировать – подумать, что наши отношения совсем не такие, что мы движемся в другом направлении, – но откуда мне знать, куда мы движемся? В редкие моменты рядом с ней, когда я сохранял здравый смысл, мне начинало казаться, что все это так легко. Мне хотелось наслаждаться ее обществом, как бы там ни было, и не ожидать многого. Может быть, я слишком откровенен. Может быть, наши отношения, такие приятные и легкие, в первую очередь должны сводиться к сексу.

И быть временными.

Большинство людей на протяжении жизни имеют несколько связей. Мне нравится мысль о том, что отношения с Руби могут быть постоянными, но мы же знакомы лишь две недели.

– Я почти слышу, как у тебя в голове крутятся мысли, – прошептала она, притягивая меня к себе и целуя. – Почему ты паникуешь от того, что мы наедине? Никто не заставляет нас принимать никаких решений. – Она словно читает мои мысли. – Ты мне нравишься. Я хочу быть рядом с тобой в любом варианте.

В любом варианте.

Эти слова освободили меня, и я отозвался на ее прикосновение,

чувствуя, как ее ладони скользят по моей шее и волосам. Мне нравилось чувствовать ее пальцы, тянущие меня за волосы, ногти, царапающие кожу. Мне нравились знаки страсти, которых я всегда был лишен.

Пухлые губы Руби имели вкус «Спрайта» и мятного шоколада. Ее рот приоткрылся, язык скользнул к моим губам, нырнув в мой рот, и я услышал ее тихие стоны.

Я слишком много думаю; я всегда чертовски много думал. Я провел рукой по ее груди вверх к первой пуговице, которая перед этим заставила меня остановиться. Расстегнул одну, потом еще одну, еще одну; Руби выскользнула из блузки и осталась в светло-желтом лифчике.

Господи, я мог бы уткнуться лицом в эту кожу, и больше мне ничего не надо.

– У тебя самая красивая грудь, которую я видел в своей жизни.

Она на секунду замерла подо мной, а потом закрыла лицо руками.

Я уставился на нее. Что такого я сказал? Что у нее красивая грудь? Или предполагалось, что мы будем заниматься этим и молчать?

– Руби?

– Сейчас, минуточку, – приглушенно ответила она, не отнимая ладоней.

– Я слишком тороплюсь?

– Нет, – сказала она, убирая руки и уставившись на меня этими сумасшедше прекрасными глазами. – Мне просто на секунду показалось, будто моя душа покинула тело. Найл Стелла только что снял с меня блузку, и ему понравилась моя грудь.

– Тебе надо отправить кому-нибудь смс на эту тему? – спросил я, подавив смех.

– Нет, мне просто надо будет внести это в таблицу, где я веду учет моментов, связанных с Найлом Стеллой, – пошутила она и снова притянула мою голову к себе.

Я провел пальцами по ее ключицам. Она выгнулась подо мной.

– Найл.

Я цокнул и сказал:

– Терпение.

Ее прекрасные полные груди удерживались лишь тонкой шелковистой полоской лифчика, и я почти не хотел его снимать; предвкушение доставляло мне утонченное удовольствие.

– Ты же видел меня голышом, – напомнила она.

– Но я не прикасался к тебе, когда ты была голая. – Заглянув ей в лицо, я улыбнулся. – И я еще ни разу не был непосредственной причиной того,

что ты голая.

Она игриво улыбнулась в ответ, и в ее глазах я увидел желание, от которого во мне тоже вспыхнул пожар.

– Ты не мог бы раздеть меня прямо сейчас?

– Не будем торопиться. – Я наклонился, вдыхая запах ее шеи. – У тебя такая кожа... надо ее смаковать. Надо растянуть удовольствие, наслаждаться им. – Взглянув ей в лицо, я добавил: – Сегодня вечером я буду ласкать тебя только руками, но я хочу, чтобы ты так кончила под моими пальцами, что, проснувшись ночью, отчаянно захотела бы повторить это... – Я поцеловал ее плечо и договорил: – Но напрасно.

У нее приоткрылся рот.

– Видишь ли, ты не сможешь сделать это под нужным углом. – Я провел пальцем по ее подбородку. – И у тебя пальцы не такой толщины и длины. Но основная причина того, что у тебя не получится, – твоё нетерпение.

Она застонала, запустив руки в мои волосы и притягивая меня к себе.

Я провел пальцем по впадинке на ее шее к груди.

– Ты не захочешь задерживаться на этих прекрасных местечках: теплой коже тут, веснушке здесь. Ты не сможешь поцеловать себя.

Я наклонился, целуя кожу чуть ниже лифчика, потом просунул руку ей под спину и растянул крючок. Она выгибалась, ерзала и постанывала. Левая лямка соскользнула с плеча, и я поцеловал родинку, которую она закрывала.

– Снимешь? – прошептала она, приподнимаясь.

– Пока нет.

Она тяжело дышала, пока я посасывал кожу прямо под грудью, растягивал юбку и стягивал ее с бедер.

– Найл?

– Ум-м-м?

– Я не могу.

Я засмеялся, выдохнув на ее кожу.

– Неужели?

– Можешь растягивать, что хочешь, но поласкай меня.

– Я поласкаю тебя всю, когда буду готов. Поверь мне. – Никогда в жизни я не мог так откладывать удовольствие, наслаждаться и смаковать. По сравнению с Руби весь мой предыдущий сексуальный опыт был механическим.

Я втянул в рот верхушку ее груди. Такая полная, упругая. Со стоном я впился в нее зубами. Я хотел кусать ее, сосать, пожирать. Ее грудь

превращала меня в дикаря, мне хотелось щупать и... о господи! трахать ее. Я представил, как сажусь на нее верхом, сжимаю груди и трусь членом между ними, эгоистично стремясь получить удовольствие, которого мне так хотелось, чувствую ее кожу, аромат, слышу хриплые прерывистые стоны.

Что-то в глубине моей души инстинктивно съежилось при этой мысли, но голос Руби в моей голове был громче. «Давай, – говорила она. – Покажи мне, чего ты хочешь. Возьми, что тебе нужно».

Со стоном я забрался на нее, накрыл груди ладонями поверх лифчика и сжал их, посасывая кожу между ними, скользя языком вверх и вниз по нежной ложбинке.

Она застонала подо мной, выгнулась и снова вцепилась мне в волосы. Ее ноги обвилились вокруг меня, притягивая к себе, бедра вжимались в меня.

Я стянул с нее лифчик и отбросил в сторону. Ее соски были такими же розовыми, как и губы, и, ни о чем не думая, не колеблясь, я жадно вобрал в рот один сосок и сжал ладонью вторую грудь.

Руби выгнулась еще сильнее, вскрикивая и дергая меня за волосы с такой силой, что я оказался на грани удовольствия и боли.

– Найл, – выдохнула она. – О боже. О боже.

Сила ее реакции поразила меня; я довел ее до такого состояния, просто посасывая грудь и накрыв ее своим телом. Мне хотелось впитать в себя эту реакцию, аккуратно упаковать и сберечь на память. Я перестал думать о собственном наслаждении, и мне захотелось доставить ей еще больше удовольствия. Мне хотелось прочувствовать, как она покрывается потом от возбуждения и вскрикивает подо мной.

Ее кожа, казалось, светится под моими прикосновениями; мои губы прошлись по упругому животу, прижались к идеальной ямке пупка, проследили выпуклости косточек. Я впивался зубами в каждое новое открытие, потом ощупывал пальцами, стремясь изучить каждый дюйм. Вжимаясь бедрами в матрас, я отчаянно жаждал освобождения.

Руби подо мной изгибалась в моих руках, утратив остатки рассудка; на груди проступили крошечные капельки пота. Мои волосы пришли в полный беспорядок под ее настойчивыми пальцами.

О-о-о, она просто чудо.

– Позволь мне попробовать тебя на вкус! – взмолилась она. – Дай мне прикоснуться к тебе.

От звука ее слов по моему позвоночнику пробежало электричество, и член напрягся еще больше.

– Потерпи, дорогая.

– Не могу.

Я сдвинул резинку трусиков, целуя нежный живот чуть выше лобка.

Она зашипела и выдохнула, когда я стянул бледно-желтое кружево вниз и полностью ее раздел.

Руби осталась совершенно голой, и она была чертовски хороша.

Я чувствовал, что она смотрит на меня, когда я глажу ее бедро, наблюдает, как мои пальцы, более темные, чем у нее, скользят по ее коже, – загар на фоне белизны. Я никогда не чувствовал ничего нежнее, чем кожа внутренней части ее бедер, и мои пальцы дрожали, когда я продвигался все выше и выше. Сердце колотилось. Я уже трогал ее здесь, но в тот раз все было совсем по-другому – торопливо и интенсивно. Сейчас в моем распоряжении вечность. Я могу продержаться в состоянии возбуждения всю ночь, лаская ее руками, целуя грудь и живот.

Мои пальцы добрались до складочки между бедром и промежностью, и я на секунду замер в дюйме от того местечка, где она хотела почувствовать меня. Она вздрогнула под моей рукой, поднимая бедра.

– Ты убиваешь меня своим поддразниванием, – прошептала она, потянувшись рукой к моему запястью. – Уверена, я кончу в ту самую секунду, когда ты ко мне прикоснешься.

То, как она произнесла «кончу», и сама мысль о том, что она настолько возбуждена, что мои прикосновения так действуют на нее, свели меня с ума. Улыбаясь и прижимаясь губами к ее бедру, я провел пальцами там, где она хотела, и застонал в ответ на ее резкий вскрик. Она была вся мокрая, скользкая и горячая, и я с трудом сдерживался, чтобы не прижаться к ней губами и не – еще более соблазнительная перспектива – приподняться на ней и просто скользнуть внутрь. Даже не могу себе представить, каково это – быть внутри нее.

Я порадовался, что на мне брюки и что в моих мыслях до сих пор есть крупницы сомнения – это помогало мне не торопиться.

Нельзя не сравнить этот опыт с единственным, которым у меня был раньше. Не будем учитывать одноразовую связь с девушкой из паба. Хотя чувство вины не давало мне толком об этом подумать. Я знал, что мне не следует сейчас думать о Порции, пусть даже я чувствую облегчение от того, что теперь не завишу от нее, но сейчас, когда рядом со мной голая Руби и мой мозг плавится от возбуждения, я просто не могу контролировать свои мысли, как я привык. Руби что-то такое со мной делала, отчего мне хотелось быть более открытым с собой и с нею.

Прикасаясь к ней, доставляя ей удовольствие сначала двумя пальцами, потом тремя, я чувствовал, как мысли мечутся у меня в голове. Вот как это должно быть – близость, доставлять удовольствие кому-то, кто хочет этого,

и когда оба партнера целиком отдаются наслаждению. Сегодня она открылась мне, и в ответ я обрел некоторую свободу и расслабился рядом с ней. С каждым движением моей руки, с каждым стоном, вырывавшимся из ее губ, моя уверенность становилась все сильнее, пока я не пришел к выводу, что еще ни один мужчина так не хотел женщину, как я ту, что рядом со мной.

Я хотел целовать ее, лизать и трахать, но какая-то часть меня – темная половина, существование которой я никогда не признавал, – хотела полностью обладать ее губами, сияющей кожей, нежными бедрами и (я позволил себе признать это) самой прекрасной, мокрой насквозь промежностью, о которой можно только мечтать. Я хотел смотреть на нее и чувствовать, что она моя.

Она начала сжиматься в ответ на мои движения, и я задрожал от возбуждения. Как странно, все мое тело должно болеть от желания уткнуться в изгиб ее плеча, прижаться к гладкому животу, ощутить биение пульса на шее.

При виде того, как она изнемогает под моими прикосновениями, у меня буквально сердце подскочило к горлу. Я поднял взгляд от того места, где ласкал ее, и жадно впился губами в ее грудь, когда она в первый раз чуть-чуть успокоилась, задышала медленно и глубоко, а потом откинула голову на подушку и чуть не закричала, кончая и насаживаясь на мои пальцы.

На секунду она замерла, потом за волосы потянула меня вверх к себе, и я ловил быстрые облегченные вздохи с ее губ.

– Черт побери. – Она закрыла глаза и обмякла. – Я просто...

– Ты такая красивая, когда кончаешь, – прошептал я, впиваясь в ее подбородок, шею, рот.

– Это... – начала она, глядя на меня. – Такое впечатление, что я вижу сладкий сон.

Я провел влажными пальцами по ее животу, ребрам и наконец признался:

– Мне нравится, как ты пахнешь. Мне кажется, я сойду с ума, когда попробую тебя на вкус.

Стоило мне произнести эти слова, как Руби жадными руками притянула меня к себе с новой страстью. Я был вне себя, а она почти сошла с ума – влажный ненасытный рот прижался к моему. Зубы ударялись о подбородки, мы страстно целовались, и она хлестнула меня ремнем по животу, сдирая с меня брюки.

Как ни странно, от боли я только сильнее возбудился.

Стащив мои брюки к коленям, Руби потянулась ко мне, сильной и

теплой ладонью стиснув мой член.

– Черт возьми, – произнесла она, – ты...

Я отодвинулся, глядя на нее обезумевшими глазами. Она – третья женщина в моей жизни, когда-либо прикасавшаяся к моему члену, и мне было вообще все равно, что она говорит. Я пульсировал в ее руке, чуть ли не умоляя дать мне облегчение.

– Большой, – сказала она, рассматривая меня. – Иисусе. – А потом она провела ладонью по головке, надавливая именно с такой силой, как надо, и я громко застонал и чуть не пропустил ее следующие слова: – Я никогда не была с мужчиной...

От ее медленных движений вверх-вниз у меня в голове воцарился полный туман. Каким? Не американцем? Который не любит растягивать удовольствие? Не имел опыта со множеством женщин?

А потом до меня дошло, что именно исследует ее рука.

– Необрезанным?

Она кивнула, наклонив голову и прижимаясь губами к моей шее.

– Полагаю, это то же самое, только в некотором смысле даже легче.

– Легче? – Она удивилась.

Если ты, черт возьми, будешь двигать рукой чуть-чуть быстрее, может, ты поймешь, что я имею в виду.

Я протянул руку, сжав ее ладонь и заставляя двигаться быстрее. Внизу спины нарастало горячее напряжение, мне хотелось трахать ее, трахать ее руку, трахать что угодно, и она всхлипнула. Кожа на головке скользила туда-сюда под ее движениями.

– Он такой горячий, – застонала она. – О черт, я не могу поверить, что я это делаю. Не могу поверить...

– Тихо, – прошептал я, желая, чтобы она потерялась во мне, а не в мыслях о том, что она делает. Это реальность: я над ней, мой член в ее ладони, мой рот на ее шее, и мое сердце колотится рядом с ее сердцем. – Будь со мной.

Мои слова превратились в повторяющуюся мантру:

дай мне...

дай мне...

о черт, Руби, Руби...

дай мне...

дай мне...

Я не был уверен, о чем я вообще говорю.

Доставь мне удовольствие, скажи мне, что все это по-настоящему. Дай мне свободу говорить то, что я думаю. Разреши мне продолжать и

потеряться в тебе, я так давно этого хотел. Дай мне место, где я могу быть в безопасности, открытый и беззащитный.

Ее рука замедлилась, большой палец описывал круги по напряженной скользкой головке, и она с широко распахнутыми глазами наблюдала за этим. И я тоже наблюдал. Зрелище, как она держит меня в руке, заставило меня застонать и задержаться.

– Мне нравится, что у тебя так стоит на меня, – прошептала она.

– О да, – ответил я. – Так стоит, что я чуть с ума не схожу все время.

В моем голосе слышалось отчаяние. Черт, я и правда в отчаянии.

Она взглянула на мой рот, и я наклонился поцеловать ее, впиваясь в ее влажные пухлые губы.

Ее соски отвердели, кожа блестела, и я внезапно подумал, что она ведет себя так, будто это все для нее, что мое удовольствие – это дар. Должен признаться, что мне льстило, что меня так хотят, с таким самозабвением. В то же время мне хотелось, чтобы она чувствовала себя со мной такой же свободной, как когда мы разговаривали или молча прогуливались по Пятой авеню.

Ее ладонь скользила вверх, вниз, сжимая меня так, как надо.

– Я могу почувствовать твой вкус на своих пальцах, – пробормотал я ей в рот, двигая бедрами и спускаясь поцелуями к ее груди.

Я еще увеличился в ее ладони, чувствуя, как удовольствие бежит по всему телу. Я отчаянно трахал ее руку и жадно сосал ее грудь до тех пор, пока в ее вздохах мне не послышалось умоляющее: кончай, кончай, кончай, кончай...

С низким стоном я кончил, излившись ей в ладонь, на бедро, пупок и даже частично на грудь, измученную моим ртом. Даже когда волна оргазма отхлынула и в комнате из звуков осталось только наше тяжелое дыхание, она не выпустила меня из руки. Наоборот, она прижала вторую ладонь к тому месту, где я кончил на ее кожу.

Только когда я успокоился, я понял, что мы вели себя как дикари – все эти ласки и поцелуи. Ее грудь покраснела от моей щетины; губы припухли. Кожу покрывал пот. Даже не поцеловав ее между ног, не войдя в нее, я пережил самый безумный сексуальный опыт в моей жизни.

Она закрыла глаза и призналась:

– Я в ужасе от того, что мои чувства к тебе могут оказаться больше, чем просто...

Я заставил ее замолчать поцелуем, втянув в рот ее нижнюю губу и скользнув пальцами между ног.

Я едва мог отвлечься от хаоса собственных мыслей. За все время

своего брака я не испытывал ничего подобного. За всю свою жизнь я не испытывал таких сильных ощущений.

Что-то в этом пугало и казалось неправильным.

Мне надо подумать, перед тем как паника из-за этих всепоглощающих эмоций нахлынет на меня и заставит онеметь.

Глава 11

Руби

Я думала, он спит так же, как работает, – неподвижно и по-взрослому. Но нет. Он спал на животе, засунув руки под подушку и уткнувшись лицом в предплечье. Словно ребенок или перебравший студент, и в довершение всего он время от времени что-то бормотал и вздыхал.

Рука, на которую я опиралась, затекла, и я с тихим стоном перекатилась на спину, стараясь не потревожить его. Мне хотелось и дальше за ним наблюдать. Мне хотелось сохранить это благословенное чувство – еще хоть чуть-чуть. Если бы я знала, что небольшая доля снотворного продлит этот момент, я бы серьезно задумалась, где его взять. Простыни пропитались его запахом, моя кожа еще ощущала прикосновения его пальцев и губ, и – о господи – повсюду была его сперма. Если закрыть глаза, я могу представить прикосновение его пальцев между ног.

Но под аккомпанемент тихого дыхания спящего Найла ко мне вернулись привычные сомнения. Они были достаточно слабыми, чтобы их игнорировать, – словно разговор в соседней комнате, но я задумалась, как долго это будет продолжаться. Родители всегда поощряли нас прислушиваться к тому, что происходит в глубине души и обращать внимание, если что-то беспокоит или пугает. А сейчас я определенно была напугана. И это пугало.

Найл явно воспринимал наши отношения непросто. Я знала, что он сомневается, сможет ли быть хорошим партнером, но в чем же дело?

В комнате было еще темно, и я придвинулась ближе, прижавшись к его боку. Его кожа слабо пахла мылом, и он дышал тихо и ровно. Я закрыла глаза, решив, что еще слишком рано беспокоиться о вещах, которые я не могу контролировать. Можно заняться этим позже.

Снова открыв глаза, я обнаружила, что осталась одна.

Я услышала звуки льющейся воды и слабый стук, как будто кто-то стучал по раковине.

– Найл? – окликнула я, опершись на локоть. Вода перестала течь, и из дверей выглянула темноволосая голова.

– Доброе утро, – сказал он. Одна его щека была покрыта кремом для бритья. – Надеюсь, я тебя не разбудил?

Я нахмурилась, осознав, что он без рубашки – ура! – но в брюках – у-

у-у.

– Куда ты собираешься? – спросила я, зевнув.

Он вернулся в ванную, и я услышала его голос на фоне снова включенной воды.

– Меня разбудила смска от Тони, – сказал он, и мне захотелось закатить глаза – привычная реакция на это имя. – Он назначил встречу ни свет ни заря на другом конце города.

– В... – Я бросила взгляд на часы. – В семь утра?

– К сожалению, да.

Я надеялась, мы вместе позавтракаем. На самом деле я мечтала снова заказать еду в номер и кормить друг друга фруктами, а потом заняться сексом в ванной.

– Ладно, – сказала я. Постель перестала казаться такой пустой, когда я снова вспомнила о своих вчерашних сомнениях и спряталась под одеяло.

Найл вышел из ванной и надел рубашку. Я смотрела, как он застегивает пуговицы.

– Присоединишься ко мне в офисе попозже? – спросил он.

– Конечно. – Я оперлась на две подушки, и вдруг мне в голову пришла мысль. – Прошлая ночь...

Но что мне сказать? Прошлая ночь была восхитительной? Неловкой? Пугающей?

Наверное, все сразу.

– Тебе было хорошо? – спросил он, и я поняла, что он не ждет лживой похвалы своему эго, он просто спрашивает.

– О да. Не думаю, что люди по достоинству ценят удовольствие, которое могут доставить пальцы.

Он рассмеялся, покачав головой, и сосредоточился на галстуке.

– Что ты говоришь.

– Я серьезно. В молодости каждый шаг – это целая вежа. Первый поцелуй, первые ласки... – произнесла я, не обращая внимания на его взгляд. Я подтянула колени к груди и свернулась в клубок. – Если бы я могла вернуться назад и что-нибудь сказать юной Руби... что ж, во-первых, я бы посоветовала ей не забывать о солнцезащитном креме, а во-вторых, не торопиться и наслаждаться всеми этими первыми разами. Наслаждаться предвкушением. Как только ты начинаешь заниматься сексом, все это становится лишь способом достичь конечной цели. Никто не хочет просто делать это.

Найл улыбнулся мне из противоположного конца комнаты.

– Спасибо.

– За что?

– За твое терпение и все остальное. Я знаю, временами... со мной непросто. Но я тебя уверяю... Ты мне нравишься все больше и больше, Руби.

Я закусила губу, чтобы удержать улыбку.

– Ты мне тоже нравишься, Найл Стелла.

Он подошел к кровати и наклонился, целуя меня в лоб.

– Скоро увидимся, дорогая.

Я вернулась к себе, чтобы привести себя в порядок: узкое черное платье, гладкая прическа и моя любимая помада для особых случаев. Быстро перекусила в «Норме», перед тем как отправиться в офис. Сегодня мне требовалась дополнительная порция уверенности в себе, и этот образ мне всегда помогал. На Манхэттене было холодно, и я посильнее закуталась в красное пальто – под цвет помады.

Этим утром я решила прогуляться и выбрала другой маршрут, собираясь пройти мимо достопримечательности, которая интересна моей маме. Я помнила, что у нее на прикроватном столике лежит экземпляр «Истории любви», на обложке которого была скульптура с Пятой авеню.

Найти ее оказалось легко. Вокруг толпились туристы, принимая памятные позы и фотографируясь. Скульптура простая: большие красносиние буквы LOVE. LO сверху, VE снизу. Я вытащила телефон, собираясь сделать фото для мамы.

– О, привет, мисс Миллер, – услышала я слова, произнесенные с очень знакомым акцентом, и у меня мурашки побежали по коже.

– Макс! – воскликнула я. Бог ты мой, все мужчины в этой семье просто великолепны!

То, что Макс и Найл – братья, очевидно, хотя у Макса волосы посветлее и глаза скорее зеленые, чем карие. Одинаковый прямой нос, выдающаяся челюсть и улыбка с ямочками; Макс просто больше кокетничал. И ох, какие они оба высокие.

Я понадеялась, что он припишет мой румянец смущению от того, что поймал меня за селфи на улицах Нью-Йорка, а не тому, что я обалдела от этого кладезя превосходных генов, который представляет собой семейка Стелла. Потом я заметила рядом с ним Уилла, разговаривавшего по телефону. Он приветственно кивнул мне. Господи, в этом костюме он может заставить согрешить и святую!

– Где мой малыш-брат? – поинтересовался Макс.

– Где-то на встрече. Я увижу его в офисе попозже.

Макс подмигнул и стянул перчатку с левой руки. Сверкнуло широкое обручальное кольцо.

– Могу ли я надеяться, что уговорю тебя выпить с нами чашечку кофе? – спросил он.

Уилл закончил разговор и сделал шаг вперед ближе к нам, улыбаясь и кивая. Не знаю, как женщинам вообще удастся им отказывать. Я уже выпила чашку, но что мне оставалось?

– Конечно. Пойдем.

– Отлично. Уильям?

– М-м-м?

– Готов?

– Всегда готов, – ответил он и предложил мне руку.

Я оперлась на его локоть, окончательно офигев, когда Макс взял меня под руку с другой стороны. На что я только что согласилась?

Мы вошли в маленькое кафе неподалеку и сели за столик в глубине. Кругом было полно туристов и бизнесменов, завтракающих перед работой. Напитки принесли нам практически сразу, и мне стало интересно, что сказал бы Найл, если бы узнал, что я пью кофе с его братом.

– Я видела фотографию Аннабель, – сказала я. – Она просто прекрасна. Мои поздравления.

Разматывая шарф, Макс засиял.

– Найл показал тебе мою малышку?

Я кивнула.

– Она очень на тебя похожа.

Уилл нахмурился, разрывая пакетик с сахаром.

– Вот уж нет, только не на этого парня, – сказал он. – Сара – сногшибательная красотка, и эта малышка будет самой красивой женщиной на свете. И ее дядюшка Уилл будет караулить в дверях с ружьем и отстреливать яйца всем, кто косо на нее посмотрит.

– Уилл, я бы и сам лучше не сказал! Ее мать Сара – и правда сногшибательная красотка. Если моя малышка будет хотя бы наполовину так же хороша... Мне чертовски повезет.

– Тебе уже, – сказал Уилл, отпивая свой кофе.

– У тебя есть дети? – спросила я у него.

Макс фыркнул.

– Ум-м-м, нет, – ответил Уилл.

– Не из-за нехватки практики, дружище, – заметил Макс.

– Что да, то да, – воодушевленно ответил Уилл.

Наливая сливки в кофе, Макс улыбнулся мне. Судя по тому, что я видела, Макс улыбается все время, особенно когда кого-то поддразнивает, и при этом он обладает редким свойством внушать желание выболтать все свои тайны, рассказать обо всем... давая понять собеседнику, что умирает от желания выслушать его.

– Ну что, как Найл с тобой обращается? – любопытствовал он.

– Прекрасно, – ответила я, помешивая напиток. Я не сводила глаза с кружки, наблюдая, как пена растворяется в карамельной жидкости, и надеясь, что выгляжу расслабленно. Мне нечего сказать. Нет уж, никаких пикантных подробностей.

Решено, Руби.

– Ну конечно же да? – протянул Макс.

– Прекрати, – сказал Уилл, тыкая в Макса ложкой, которой мешал свой кофе. – Я вижу тебя насквозь. Ты хуже, чем моя мать. Оставь бедняжку в покое.

С видом непонимающей невинности Макс поднял брови.

– Твоя мать – прекрасная женщина. Это же комплимент.

– Не обращай на него внимания, – Уилл обратился ко мне. – Он – липучка и больше всего на свете любит знать, как дела у других людей, чтобы потом дразнить их. Ничего не говори ему. Пусть помучается.

Макс помахал официантке, проходившей мимо нашего столика.

– Поймай, детка. Ты не могла бы принести этому типу миску отрубей? – сказал он, указав на Уилла. – Сегодня утром он не в духе. Думаю, немного клетчатки поправит его настроение.

Официантка неуверенно перевела взгляд на Уилла, потом неловко кивнула и ушла. Уилл лишь хихикнул в свою чашку.

Я начала понимать, что это у них такой стиль общения, и вспомнила слова Найла о том, что его брат – тот еще тип. За ним можно наблюдать весь день.

– Не хотите, чтобы я оставила вас наедине? – поинтересовалась я. – Могу одолжить вам ключи от моего номера в гостинице.

Они уставились на меня, Макс засмеялся.

– Вот тебе достойный соперник, – сказал он Уиллу. – Надо держать ее под боком.

– Ты уверен, что справишься с ней? – ответил Уилл. – У нее есть порох в пороховницах, и Найл...

– Да он в порядке, разве не так? – перебил его Макс, мило бросаясь на защиту брата. – Ему просто надо прочистить трубы. Эта женщина была такой занудой. Найл любит приключения, как и любой другой парень.

Я энергично кивнула.

– Думаю, ты прав, – согласился Уилл. – Что ты говорил о подавленной сексуальной энергии?

– Ее достаточно, чтобы обеспечить электричеством целый город, – сказал Макс. – Вот куда надо направить его градостроительные таланты – пусть он трахается, пока не сотрет...

Уилл заржал прямо в чашку.

– Что ж, у Хлои и Беннетта это сработало. Душка начальник, темпераментный стажер...

– Найл мне не начальник, – запротестовала я излишне агрессивно. Ох как неловко.

К счастью, они оказались достаточно понимающими, чтобы не педалировать эту тему. Они глотнули кофе, начали перекладывать приборы на столе и смотреть на часы. Деликатность – не самая сильная их черта.

– Ладно, – сказала я, вздыхая. Больше не могу выносить их драматическое молчание. – Он мне нравится. Очень.

Макс снова заулыбался. Боже мой, он такой же милый, как его брат!

– Ну вот, раскололась, – объявил Уилл. – Этот англичанишка тоже спекся. Можешь приглашать его переехать к тебе. Планируй свадьбу и придумывай имена вашим детям...

– Только не торопись, – возразил Макс. – Он крепкий орешек.

– Я уж поняла, – ответила я. – Он плохо подкован в области обмена информацией.

Макс засмеялся и поднял чашку, салютуя мне.

– Может, он молчалив, но могу тебя заверить: на одну мысль, высказанную Найлом, приходится как минимум шесть, о которых он не говорит. И так всю жизнь.

– Прекрасно. – Я понурила голову, уставившись на остатки пены в кружке.

Макс, сидевший напротив меня, допил свой кофе.

– Можно я недолго побуду заботливым старшим братом, ладно?

Я подняла глаза, и его лицо смягчилось, когда я пробормотала:

– Да.

Даже Уилл, осознавший, какой серьезный оборот принял наш разговор, придвинулся поближе.

– Мой брат – очень преданный человек. И когда дело касается работы, и когда дело касается женщины. Я не знаю, что тебе известно о его разводе... – В воздухе повис невысказанный вопрос: «Что он тебе рассказал?»

– Мы говорили на эту тему, – ответила я, желая быть честной, но не предать хрупкое доверие Найла. – Немного. Мне показалось, она...

Как же закончить это предложение?

– Ну... трудная, что ли, – договорила я.

– Хорошо сформулировано, – подмигнул Макс. – Думаю, они так долго продержались из-за его преданности. И поэтому, думаю, он чувствует, что потерпел неудачу... что ему надо было что-то сделать иначе. Уйти раньше. Она бы в любом случае была несчастлива, но эту правду тяжело принять. У него был трудный год.

– Я это чувствую.

– Дай ему время. Может, это непросто, но оно того стоит.

Когда я вошла, Найл сидел за столом. Я закрыла дверь. Его ручка замерла на полуслове, и он отложил ее, снял очки и взглянул на меня. Его глаза пробежали от носков моих блестящих туфель до макушки. У меня в животе разлилось тепло.

– Где ты была? – спросил он. Не обвиняюще, не огорченно. Просто интересуясь.

– Пила кофе с Максом и Уиллом. – Когда на его лице изобразилось удивление, я пояснила: – Они застали меня, когда я делала селфи в Мидтауне.

– Ты хорошо провела время? – поинтересовался он.

– Они... милые. – Я убрала прядь волос за ухо и договорила: – Мы разговаривали о тебе. Он такой забавный, твой старший брат.

Рот Найла изогнулся в улыбке, он отодвинул стул и встал из-за стола. Я думала, он спросит, о чем мы разговаривали, но он просто рассматривал меня. Уверена, у меня на лице написано, что мы разговаривали о моих чувствах, о нас с Найлом. Я почувствовала, что краснею.

– А как прошла твоя встреча? – спросила я, задыхаясь от его близости и от того, как он смотрит на меня, словно вспоминая все наши вчерашние ласки. Утром он был так резок, и по настойчивости его взгляда я поняла, что он, судя по всему, паниковал и чувствовал себя так, будто бежит с места преступления.

Но, может быть, я ошибаюсь? Может, он просто хотел вести себя естественно? Или волновался, все ли со мной хорошо.

– Все хорошо, – ответил он. – Мы почти заключили сделку. – Он не сводил глаз с моего рта.

– Хорошо, – согласилась я.

– Весьма.

Я закусила губу, выдавив нервную улыбку и добавив:

– Ты о чем-то задумался?

Найл кивнул и протянул руку, прикасаясь к моей нижней губе.

– Никогда не видел на тебе эту помаду.

– Слишком красная? – спросила я.

Он моргнул и покачал головой.

– Нет. Не слишком.

Может, именно так я смогла достучаться до него? Снова и снова напоминая, что я не Порция, что я его хочу и что это нормально – хотеть меня?

С колотящимся сердцем я заперла замок на двери и повернулась к нему. Покопавшись в сумке, я достала помаду. Я не знала, что собираюсь делать, и понимала только то, что его заворожил цвет моих губ и что мне совершенно не хочется переключать его внимание на что-то еще.

Пока он наблюдал за мной, я сняла крышечку и нанесла на губы еще один слой.

– Ты не можешь быть настоящей, – прошептал он.

Мое сердце так колотилось, что я не могла дышать. Я поставила помаду на стол рядом с ним и потянулась к его галстуку. Развязала узел, расстегнула две верхние пуговицы. Он сохранял полную неподвижность. Я наклонилась и прижалась губами к теплой коже над сердцем.

Я подняла голову и увидела изумление на его лице.

– Еще, – выдохнул он.

Я подалась вперед, целуя его все ниже и продолжая расстегивать рубашку. Мои губы спустились по груди к животу.

Он молчал и только прерывисто дышал, и его живот ходил ходуном под моим ртом.

Я посмотрела на красные отметины, оставшиеся на его теле, и возбудилась от мысли о том, что остаток дня он проходит с моими следами под одеждой. Но этого мне было недостаточно, и ему, кажется, тоже.

– Продолжаю, – сказала я.

Он хочет, чтобы я поцеловала его там. Я вижу это по его глазам.

Мои пальцы поиграли с ремнем на его брюках, взгляд не отрывался от его лица. Если он хоть на секунду почувствует неловкость, я сразу же остановлюсь.

Но я читала только облегчение, согласие и какое-то робкое отчаяние.

С тихим стуком его ремень расстегнулся. Молния разошлась. А потом я подождала, приоткрыв его ширинку. Его напряженный член упирался в мои пальцы. Молчание нарушалось его прерывистыми вздохами.

Я видела, как его взгляд скользнул к двери и вернулся к моему лицу.

Я покачала головой.

– Я могу...

– Нет, – прошипел он.

Кивнув, я поцеловала мягкую дорожку волос на его животе, лизнула.

– О господи, – выдохнул он.

Я скользнула рукой в его плавки, он сглотнул, и его кадык дернулся, он запрокинул голову. Я опять изумилась, какой у него тяжелый, длинный член, и высвободила его, опустившись на колени.

– Кажется, мне нужна еще помада, – прошептала я.

С усилием он кивнул, посмотрел на меня и моргнул.

– Конечно.

Его пальцы слепо ощупали стол, роняя ручки и бумаги на пол, потом он нашел серебристый тюбик.

С щелчком крышечка отскочила, и Найл моргнул, трясущимися руками выкручивая помаду.

Взяв меня ладонью за подбородок, он прижал помаду к моей нижней губе и осторожно провел ею от центра налево, потом направо, потом по верхней губе.

– Руби.

Я улыбнулась, не отводя взгляд и прижимаясь губами к его члену.

Найл хрипло застонал и вцепился в стол.

– Господи.

– Хорошо?

Он кивнул.

Я спустилась губами ниже, оставляя следы помады на его члене. Я изучала его так, как не смогла изучить прошлой ночью, наслаждаясь его ощущением в моих руках.

– Какой ты красивый! Даже не знаю, с чего начать.

Скажи мне, мысленно просила я. Скажи мне.

– О-оближи, – выдохнул он. Он *понял*. – Пожалуйста, милая.

Я улыбнулась и провела языком по всей длине члена. Найл низко застонал.

– Все?

– Нет-нет, пожалуйста.

Я улыбнулась, снова прикасаясь к нему губами.

– Где?

Он на секунду закрыл глаза и сглотнул, потом ответил:

– Головку. – И снова встретился со мной взглядом. – Оближи головку.

Я чуть не растеклась лужицей от возбуждения, и между ног у меня запульсировало. Проведя языком по его широкой головке, я почувствовала пот и соль, вкус мужчины и услышала его тихий облегченный стон.

Длинные пальцы пробежали по моей щеке и волосам, сжавшись в кулак, когда я вобрала в рот всю головку, потом еще пару дюймов, потом двинулась назад и увлеченно занялась минетом, который, как я подозревала, был для него первым за много лет.

И какое несоответствие. Его член был такой большой, длинный, казался таким необузданным в своем нетерпении, а руки, нежно придерживающие меня за волосы, дрожали.

Вверх, вниз, скольжение, влага. Мне было наплевать, какие звуки я издаю в процессе, вбирая его по самое основание, у меня потекли слезы из глаз, и я задыхалась. Он смотрел на меня так, словно я волшебная фея, и от этого мне хотелось доставить ему максимальное удовольствие, какое может испытать мужчина.

Я взялась одной рукой пониже, второй сжала его бедро, безмолвно поощряя его: давай, давай, давай. Я хотела, чтобы он начал двигаться навстречу, и он ответил, сначала осторожно и неглубоко, потом все глубже и глубже, помогая мне, скользя по губам и языку.

Интересно, его также возбуждают эти звуки, как и меня? Мои прерывистые стоны и вздохи, когда он погружается глубже, когда он теряет контроль и дергается, когда он нетерпеливо тянет меня за волосы? Это было так хорошо, и мы оба сходили с ума.

Он отдался наслаждению – то ускорялся, то замедлялся, пока не установил единый ритм. Я наблюдала за его лицом, чувствуя языком, как он становится еще тверже, и видя, как его лицо искажается в гримасе. Его пальцы еще сильнее ухватили меня за волосы.

– О! – выдохнул он, и я вспомнила его слова и прочитала в его глазах, что он тоже вспомнил: «Хочу этого. Хочу, чтобы ты жадно сосала мой член и умоляла меня разрешить тебе проглотить».

Глядя ему в глаза, я попросила.

– О, милая, я... о... О боже!

Да.

Да.

– О! О! Я сейчас... О! Я...

У него закатились глаза, член набух еще сильнее, и с беспомощным стоном он кончил.

Руки Найла ослабели и легли мне на плечи. Я отстранилась, целуя головку и слизывая сперму, потом поцеловала его живот и села на пятки.

Он открыл глаза, сделал глубокий вдох и уставился на меня.

– Руби... Это было...

Я рассматривала его все еще твердый член, торчащий из брюк, живот и грудь, покрытые яркими пятнами помады, и растеряннo-блаженную улыбку. Сказала:

– Чувствую себя преступником, оставившим кучу улик.

Он рассмеялся, окинув взглядом свое тело.

– Я определенно не чувствую себя жертвой преступления. – Его большие ладони опустились вниз, приводя в порядок брюки. – У меня просто нет слов.

– Хорошо. – Я провела пальцем по уголку своего рта, гордо улыбаясь.

Он взял меня за локоть и помог встать.

– Колени?

– В порядке.

Мы молча застегнули его рубашку, а потом я провела руками по его плечам, пока он старательно завязывал галстук. Мне хотелось, чтобы он сжал меня в объятиях, поцеловал, почувствовал свой вкус на моих губах.

– Руби?

Я взглянула в его лицо.

– М-м?

– Спаси...

Я положила пальцы ему на губы, и мое сердце упало.

– Не надо.

– Не благодарить тебя? – спросил он из-под моих пальцев.

– Нет.

Секунду Найл выглядел растерянным, потом осторожно отвел мою руку.

– Но это было потрясающе.

– Мне тоже понравилось.

Он посмотрел мне в глаза.

– Правда?

– Когда ты хочешь кого-то, как я хочу тебя, доставлять удовольствие чуть ли не приятнее, чем самой наслаждаться.

Он молчал, поглаживая большим пальцем мою нижнюю губу, на которой, видимо, не осталось ни следа помады.

– Я, наверное, в беспорядке?

– М-м-м, – промычал он, наклоняясь и целуя меня. – Еще каком. Мне нравится.

Поцеловал меня крепче, приоткрыв губы и скользнув языком в мой

рот. Отстранился и посмотрел на свой указательный палец, поглаживавший мою шею.

– Я все-таки в изумлении от... – начал он и умолк, сжав губы и покачав головой.

– От переживаний? – спросила я.

– Да. Переживания. Но я понятия не имею...

Я подождала, пока он договорит, но он просто кивнул и сказал:

– Ладно.

Внезапно я поняла, что имел в виду Макс, когда говорил, что к Найлу трудно пробиться снаружи. Дело не в том, чтобы соблазнить Найла. Дело в том, чтобы помешать ему замкнуться в себе сразу после.

– Я пойду приведу себя в порядок. – Я потянулась, поцеловала его в щеку и пошла к двери. Осторожно выглянула в коридор – никого. И бросилась в туалет.

Оказавшись внутри, я посмотрела на себя в зеркало: припухший розовый рот, следы помады на лице, потекшая тушь.

На самом деле мне не требовалось, чтобы Найл заканчивал свою мысль. Я и так знала, что он имел в виду, даже если он сам не до конца понимал это. *Я все-таки в изумлении от переживаний... но я понятия не имею, что делать с тобой после этого.*

Если после обеда Найл был так же рассеян, как и я, он не подавал вида. Его внимание было сосредоточено на выступавшей, которая рассказывала о планах. Он тщательно записывал и почти не смотрел в моем направлении. А я все еще чувствовала губами его форму и помнила короткие задыхающиеся вздохи, которые он издавал, перед тем как кончить. Но не могла в это поверить. Мы занимались этим прямо в кабинете. Я стала вести себя совсем неосторожно.

Черт меня побери, если я стану сожалеть о своих сексуальных желаниях, но я не позволю ему сделать меня безответственной.

Но... после сегодняшнего утра, после минета и того, как он снова замкнулся в своих мыслях, я чувствовала себя неуверенно. А я терпеть не могу это ощущение.

Я передвинула ногу под столом и коснулась его ноги. Он изумленно взглянул на меня, и по его глазам я поняла, что он угадал мое беспокойство. *Я хочу знать, что с тобой все в порядке.*

Он прижался ко мне щиколоткой, и это был такой же наш секрет, как и то, что под дорогой рубашкой вся его грудь измазана помадой. Секрет только для двоих.

Я никогда не задумывалась о том, сколько нервных окончаний существует в человеческой ноге, но в течение ближайших двух часов я почувствовала их все. Я ощущала каждое движение его ноги и каждое прикосновение ткани. Я чувствовала жар его тела и при этом не могла ничего сделать. Безумие. Когда пришла его очередь выступать и он встал, я смотрела на те части тела, которые носили следы моей помады. Я сохраняла невозмутимое выражение лица, но внутри вся пылала.

Возвращение в Штаты не означало, что с меня снимаются мои обязанности по отношению к Англии. Когда я не была с Найлом, мне приходилось работать дополнительные часы. Я закончила курсовую работу, но если я рассчитываю осенью попасть в программу профессора Шеффилд, мне нужно еще многое сделать. Именно поэтому я решила отказаться от ужина с коллегами, хотя это означало, что я пожертвую временем, которое могла бы провести с Найлом.

Поскольку Найл был руководителем нашей группы, он не мог не пойти. Бросив на меня извиняющийся взгляд, он сказал, что присоединится ко всем в ресторане через полчаса.

Я направилась к лифту, вздрогнув, когда он догнал меня. Мы могли бы проводить каждую свободную секунду вместе, но сегодня нет. Меня одолел приступ упрямства и нежелания что-то объяснять.

– Все хорошо? – спросил он, когда следом за нами в лифт вошли люди.

– Да. – Я с улыбкой оглянулась на него. – Просто несколько часов мне надо побыть взрослым человеком, и это заставляет меня капризничать.

Он не мог ни поцеловать меня, ни ласково прикоснуться. Все казалось таким шатким. Наши отношения – словно карточный домик, и я начала понимать, почему он не торопится в плане близости: как таковых *нас* еще нет. Нет моментов, когда я могу подумать: о-о, это мой парень.

В глубине души я думала, что осложнила дело рассказом о Поле. Это правда, что я до сих пор время от времени вспоминаю об этом, но большей частью я горжусь тем, что смогла пережить это и не позволила этой ситуации повлиять на меня. Мне надо убедиться, что Найл это тоже понимает.

– Ты будешь работать в отеле? – спросил он.

Я кивнула, и мы вышли из здания.

– Я тебя провожу.

Я улыбнулась и поблагодарила его.

Мимо нас с гудками проносились такси. Холодный мартовский ветер забирался под пальто. Найл обнял меня, оберегая от толпы и наклонившись

к моему уху.

– Если вдруг я забуду тебе об этом сказать, знай, что мне намного легче благодаря твоей честности. И на всякий случай, я не думаю, что ты капризная.

И у меня в животе запорхали бабочки.

Мы поболтали о совещании, о том, что нам предстоит делать на саммите в течение ближайших дней. Он держал меня за руку, и я с гордостью осознала, что привыкла к его размашистым шагам. Нам легко было идти в ногу. Но что-то все равно разделяло нас.

– Ты хотел честности? – прошептала я, когда мы поднимались на лифте в номер, и прижимаясь к нему.

– Да.

Я склонила голову и посмотрела ему в лицо.

– То, что было сегодня, – это слишком быстро?

Он сглотнул, осознав мой вопрос.

– Может быть. Но я не уверен, что хотел бы останавливать тебя или что смог бы это сделать.

Я закрыла глаза, ощутив слабость.

– Или что мне стоило бы это делать, – тихо добавил он, положив пальцы мне на подбородок и поворачивая мое лицо к себе. – Руби, это было потрясающе.

Я кивнула и выдавила улыбку.

– Придешь ко мне потом? После ужина?

Он долго смотрел на меня, глаза в глаза, потом кивнул и нежно поцеловал меня.

– Вот ключ, – сказала я, давая ему запасную карточку. – У меня куча дел, поэтому я, может быть, буду работать всю ночь или... кто знает, вдруг ты обнаружишь меня спящей на столе в лужице слюны.

Он рассмеялся, и в этот момент он нравился мне так, что у меня аж все заныло. Еще раз поцеловав меня в губы, он убрал карточку в карман. Я вышла из лифта и помахала, а он поехал вниз.

Я проснулась от звука открывающейся двери. Лучик света из коридора упал на ковер и сразу же исчез, когда дверь закрылась. Как я сказала, я работала, пока у меня глаза не начали слипаться, а потом вытащила себя из-за стола, переделалась в футболку и упала в кровать.

На фоне окна появился силуэт Найла, он аккуратно снял пиджак и рубашку, перед тем как сесть у меня в ногах. Я почувствовала, как под его тяжестью просел матрас, и ждала, когда он заговорит. Несколько секунд

слышалось только тиканье его наручных часов, а потом он прошептал в темноту:

– Ты не спишь?

В номере было так тихо, что я вся напряглась. Что произошло после того, как мы расстались у лифта? Он провел вечер в раздумьях о том, что между нами происходит? Я не могла пошевелиться и выдавить из себя хоть слово и подумала, что будет, если я промолчу. Он ляжет в постель и обнимет меня? Или встанет, оденется и вернется к себе? Я боялась ответа.

– Руби?

– Который час? – наконец спросила я.

– Около часа ночи.

Я села, подтянув колени под подбородок.

– Ты только что пришел?

– Нет, – ответил он, и хотя я не могла рассмотреть его лицо, я заметила, что он провел ладонью по волосам. – Я два часа сидел внизу.

Мое сердце стукнуло, и я не могла решить, темнота – это благословение или проклятие. Он два часа сидел внизу?

– Почему?

Он издал сухой смешок.

– Думал о том, чем мы занимались.

– О.

– Ты не удивлена?

Я откинула волосы с лица и задумалась, до какой степени честной мне стоит быть.

– Я бы скорее удивилась, если бы ты повел себя иначе.

– Я настолько предсказуем?

– Я бы сказала, последователен. – Между нами повисло молчание, и наконец у меня больше не было сил его выносить. – Хочешь поговорить об этом?

Секунду он молчал, а потом кивнул.

– Думаю, да. Да.

Я улыбнулась в темноту, подумав, что это для него большой шаг вперед.

– Я думал о том, что, наверное, это было для тебя непросто. Да еще я смущаю тебя своими противоречивыми сигналами. – Он умолк, взял меня за руку и провел кончиком пальца по ладони к запястью. – Я говорил тебе, что мне не хочется торопиться, а потом... – Он согнул ногу и положил колено на матрас, повернувшись ко мне лицом. – А потом делал все это... красил тебе губы помадой...

– Я была не против, – ответила я. – Такие вещи не всегда происходят по плану. Иногда в пылу момента ты делаешь что-то такое, из-за чего потом переживаешь. Пока мы честны друг с другом, не думаю, что мы можем сделать что-то не так.

Секунду он обдумывал мои слова, потом просто сказал:

– Спасибо.

– И ты не единственный, кто склонен к умствованиям, – заметила я. – Просто мне лучше удается говорить не думая или бросаться куда-то очертя голову.

– Ты меня утешила.

Снова повисло молчание.

– Раз уж мы честны друг с другом, могу я задать тебе вопрос?

Он сжал мою руку.

– Конечно, милая.

– Та часть тебя, которая хочет не торопить события, она имеет отношение к тому, что я рассказала прошлой ночью?

Несколько секунд он не отвечал, и я почувствовала, как он ерзает на матрасе.

– После того, как он поступил, – сказал он, – я чувствую, что должен...

– Остановись. – Я оказалась права. Дело не в том, что он не уверен в себе. Он не хочет торопить и меня. – Я рассказала тебе о том, что сделал Пол, потому что я тебе доверяю и потому что ты спросил меня. Я хочу, чтобы ты понимал, как я стала такой, какая я есть. Я ведь тоже хочу знать тебя. То, что было, никуда не денется, потому что это часть моего прошлого, но я не хочу, чтобы из-за этого ты обращался со мной как-то по-особенному. Я не неженка, и со мной не надо осторожничать. Только не это. Я скажу, если мне что-то не понравится, и ты мне тоже говори, но мы должны доверять друг другу.

Он подался вперед, проведя ладонями по своему лицу.

– Понимаешь, я просто чувствую себя не в своей тарелке, – сказал он. – То, что мы так открыто обсуждаем эти вещи, – для меня откровение. Я был одинок в браке, и она тоже, я думаю. И я боюсь, что дело не в Найле и Порции, а дело только во мне. Я знаю, что молчалив... что если ты... кто-то устанет вытягивать из меня ответы клещами?

– Найл...

– И что, если после того, как первая радость завоевания схлынет, ты поймешь, что я не такой, каким ты представляла меня? Я... я не знаю, что я буду с этим делать.

– Я знаю, что люди могут восприниматься иначе, – сказала я. – Тебе

кажется, что ты слишком скрытен, а я наоборот. – Он рассмеялся и провел пальцами по моей щеке. – И если уж мы честны друг с другом, мне и правда трудно, когда приходится угадывать твои мысли. Например, сегодня утром. Я не имею в виду, что мне надо знать все, что происходит у тебя в голове... но мне нужен тот, с кем можно разговаривать. Кто может выйти из своей зоны комфорта и сделать шаг мне навстречу. Вот что мне надо.

В комнате повисло настолько тяжелое молчание, что оно ощущалось третьим собеседником.

Моменты, когда мне приходится угадывать его мысли? Вот один из них. Потом мне пришло в голову, что надо было принять во внимание его неуверенность и уточнить, что когда я говорю «кто-то», я имею в виду конкретно его.

Но Найл, кажется, был готов сделать шаг навстречу. Он придвинулся еще ближе, прижавшись лбом к моему лбу.

– Я постараюсь, – сказал он. – Ради тебя я постараюсь.

Глава 12

Найл

Я никогда не встречал женщин вроде Руби. Вместо того чтобы ожидать серьезных шагов, подтверждающих мою заинтересованность, в течение следующей недели она довольствовалась мелочами: прикосновением моей ладони к талии, пока мы ждали поезд в метро; ласковым взглядом, когда мы стояли в очереди за обедом; долгими поцелуями на рассвете. Но в то время как накал наших отношений немного стих, она ни разу не попыталась надавить на меня и ни разу не просила объяснений вроде того, что было ночью в ее номере.

Я и правда хотел попытаться. Она это знала и просто была рядом.

Руби удивляла меня и в других смыслах. Она была умна, намного умнее, чем я изначально думал, и мгновенно усваивала новую информацию. Я и сам всегда все записываю и обычно могу быстро найти любые сведения, но в течение следующей недели Руби несколько раз поражала меня, когда во время совещания возникал вопрос, на который она немедленно находила ответ. Это было нечто.

У нас установился привычный распорядок работы и приемов пищи, а по вечерам мы долго болтали в кровати и целовались, а потом засыпали в обнимку, и ее теплая кожа лънула к моей. Это была сказочная жизнь (думаю, Руби думала так же): мы жили в шикарном отеле, ели в ресторанах и могли проводить весь рабочий день вместе и при этом быть эффективными.

Поэтому во вторник я удивился, обнаружив, что Руби нет поблизости, и вспомнив, что я не видел ее с самого утра, когда она ушла из моего номера. Я провел множество переговоров и совершил кучу звонков, чтобы подвести итоги первого этапа саммита. Все последующие дни до нашего отлета в Лондон будут куда более спокойными, поскольку от меня потребуется просто быть на телефоне. Я одновременно боялся и ждал этого. С одной стороны, я хотел свободнее распоряжаться собой днем и уделять больше времени тому, что между нами происходит. С другой стороны, я волновался, что начну слишком много думать о наших отношениях, о том, как сильно они отличаются от всего, что было прежде, и о том, что я буду с этим делать, когда мы вернемся в Лондон.

Наконец Руби присоединилась ко мне в вестибюле, когда я

разговаривал с одним инженером. Краем глаза я заметил, что она ждет, когда я закончу беседу, и мне показалось, что она аж дрожит от нетерпения. Я попрощался с Кендриком, и она помахала мне рукой, которую до этого прятала за спиной.

В кулаке она сжимала два билета.

– Что это? – спросил я, забирая у нее один.

Bitter Dusk, «Боуэри Боллрум», 29 марта, 18:30.

Концерт сегодня вечером?

– Что это? – опять спросил я. Она широко улыбалась. Она же не ожидает, что я...

Она повернулась в сторону лифта.

– Концерт, о котором я тебе говорила. По невероятному совпадению мы пойдем туда сегодня вечером.

Я поморщился, представив себе зал, полный потных людей, раскачивающихся и трущих рядом со мной, и дикие вопли гитары, режущие уши.

– Руби, я правда не уверен, что мне это понравится.

– О, разумеется нет, и все будет еще хуже, чем ты себе представляешь, – сказала она, постучав меня по лбу. Мы вошли в лифт, и я с удовольствием увидел, как она радуется, что мы остались вдвоем.

– И даже хуже, – продолжила она. – Клуб слишком маленький для такой группы, и там будет полно народу. Везде потные пьяные американцы. Но я хочу, чтобы ты пошел.

– Должен признать, твои навыки продавца немного хромают.

– Я хочу напоить тебя, поскольку завтра тебе не надо работать. – Она потянулась поцеловать мой подбородок. – Готова поспорить на сто долларов, что ты прекрасно проведешь время и захочешь вознаградить меня оргазмами.

– Я уже хочу вознаградить тебя оргазмами, прямо сейчас.

– Считай это побудительным мотивом, чтобы пойти на концерт. – Она бросила меня взгляд, по которому я понял, о чем она думает. *Это именно то, о чем мы говорили.* Сделай это со мной.

Я вздохнул с притворным раздражением, выходя следом за ней из лифта. Хотя моя кожа горела от желания почувствовать, как она скользнет под одеяло и устроится рядом со мной, тем не менее мне нравилась идея сходить с ней куда-нибудь.

– Я знаю хотя бы одну их песню?

– Лучше, если да. – Она игриво глянула на меня через плечо. – А если нет, то узнаешь. Это моя любимая группа.

Она напела несколько строк из композиции, которую я и правда знал, – одной из тех, что крутят в общественных местах. Руби пела тонким голосом и совершенно не попадала в ноты, но ей было наплевать. Господи, есть ли хоть что-то, что мне в ней не нравится?

– Прямо сейчас ты думаешь, что я ужасно пою, – предположила она, толкнув меня в бок.

– Да, – признался я, – но я слышал эту песню. Я выживу сегодня вечером.

Она с притворным восхищением взглянула на меня.

– Как благородно с твоей стороны.

Снаружи «Боуэри Боллрум» напомнил мне старую пожарную станцию: незамысловатый известняк, широкая центральная арка, зеленая неоновая вывеска, освещающая боковой вход. Мы вышли из метро совсем рядом с клубом, и Руби чуть не подпрыгивала от нетерпения и тянула меня ко входу. Внутри здание оказалось намного менее просторным, чем я ожидал. Узкую сцену по бокам отделяли тяжелые бархатные портьеры, и они находилась лишь в метре от зрительного зала. Я понял, почему Руби так волновалась: в таком заведении она окажется намного ближе к своей любимой группе, чем в других местах.

Наверху в задней части зала и по бокам находился балкон. Он уже начал наполняться людьми, держащими в руках коктейли. Зал тоже начал наполняться, и воздух, влажный от большого количества тел, вызвал у меня приступ клаустрофобии. И словно чувствуя мою панику, Руби потянула меня за рукав к бару.

– Два джина с водкой и лаймом! – прокричала она бармену. Он кивнул, взял два стакана и наполнил их льдом. – Побольше лайма, пожалуйста, – добавила она.

Хипстерского вида бармен улыбнулся ей, посмотрел на ее губы, потом на грудь.

Я импульсивно обнял Руби за плечи и прижал к себе. Мой жест удивил ее. Я понял это, когда она положила ладони мне на руки и радостно засмеялась. Потом скользнула ладонями назад и притянула меня ближе.

Она повернула голову, прижалась к моей груди, а я наклонил голову, чтобы лучше ее слышать.

– Я сходила по тебе с ума несколько месяцев, – напомнила она и укусила меня за челюсть. – Видеть, как ты ревнуешь, – это прекрасно.

– Не люблю делиться, – предупредил я.

– Я тоже.

– И флиртовать с другими.

Она помолчала, осознавая глубину моей реакции. Порцию я никогда не ревновал; даже когда она пыталась вызвать во мне это чувство, танцуя на вечеринках, напиваясь и флиртуя с моими друзьями. Но Руби... это был какой-то инстинкт, желание предъявить на нее права, от которого мне сразу стало неловко.

– Я склонна к флирту, да, – призналась она, ища глазами мои глаза. – Но я никогда не сделаю ничего такого, что тебя обидит.

Почему-то я ей поверил. В слабом свете бара, посреди шумной толпы наш разговор казался особенно интимным.

– Я не помню, чтобы мне с кем-то было так же весело, как с тобой, – сказал я. – Я доверяю тебе, пусть даже иногда мне кажется, что я знаю о тебе так много, а иногда – что мы едва знакомы.

Мне пришлось напомнить себе, что Руби всего двадцать три года, что у нее больше сексуального опыта, чем у меня, и что у нее намного больше опыта по части флирта, но при этом у нее никогда не было длительных отношений, которые могли бы научить ее, как беречь нечто хрупкое. Мне хотелось найти золотую середину между ее склонностью бросаться во все очертя голову и моей склонностью прятать голову в песок.

– Мы не «едва знакомы», – возразила она, ущипнув меня за руку. – То, что наши отношения только начались, не означает, что я не знаю о тебе что-то, что неизвестно другим. Как еще, по-твоему, это все может начинаться? Нельзя сразу быть в курсе всего.

Бармен принес наши напитки, я отпустил Руби и расплатился, пока она не успела вытащить кошелек из сумочки. Она сердито взглянула на меня, а потом поцеловала. Я думал, это будет легкое прикосновение губ, но оно превратилось в глубокий поцелуй, ее язык скользнул в мой рот, нахально давая понять, что мы вместе.

На секунду я забыл, что мы не в уединении нашего отеля и не в Лондоне. Я положил ладонь ей на затылок, она прижала руки к моей груди, и остались только Руби и я, двое возлюбленных, с головокружительной скоростью стремящихся навстречу *этому*.

Я отстранился, чтобы перевести дыхание и утихомирить пульс, внезапно понимая, что вокруг нас толпа людей, которые смотрят на нас, а кое-кто даже достал смартфон, чтобы сфотографировать. Бармен положил на стойку сдачу с таким выражением лица, что стало понятно, он тоже наблюдал за нами. Но Руби было наплевать. Она взяла свой стакан, весело посмотрела на меня и сделала глоток.

– Ты классно целуешься, – заметила она.

Я с улыбкой выудил несколько ломтиков лайма из своего стакана и положил на салфетку. Я равнодушен к лайму, но моя Руби, похоже, предпочитала не джинс с лаймом, а лайм сджином.

Моя Руби.

Я сглотнул, глядя на нее и слизывая сок с пальцев. *Моя Руби.* Она заворуженно наблюдала за тем, как я это делаю.

– В этот самый момент, – ухмыльнулся я, – ты представляешь, насколько глубоко я могу засунуть в тебя язык или то, сколько моих пальцев уместится в тебе?

У нее перехватило дыхание, глаза помутнели, а потом она вернула уверенность в себе и заулыбалась в ответ.

– На самом деле я думаю о том, понравится ли тебе наблюдать за тем, как я облизываю пальцы. Мне нравится наблюдать за тобой.

Я опять сглотнул, глядя на ее полуоткрытые губы. Они блестели от влаги и из-за привычки Руби вечно их оближивать, и я сразу же вспомнил, как они обхватили мой член, припухшие и скользкие.

– Я бы предпочел увидеть, как ты сосешь кое-что другое, – признался я, и по моему телу разлилось тепло, кончики пальцев запульсировали от адреналина. – Снова.

Она смотрела на меня, и тут я услышал, как за ее спиной какая-то женщина говорит:

– Вот видишь? Готова поспорить, они трахаются каждый божий день.

Глаза Руби расширились, она заулыбалась и слегка наклонила голову, прислушиваясь.

– Да он небось из нее не вынимает.

Брови Руби взлетели вверх, и я заморгал, с трудом удерживаясь от смеха. Руби все еще улыбалась, когда я осмотрелся по сторонам.

– Они говорят о нас? – почти беззвучно произнесла она.

Я кивнул. Определенно о нас.

Она осмотрела свое тело, потом взглянула на меня и прошептала:

– Ох нет. Сейчас ты не во мне.

Я провел ее рукой по своему животу и ниже, по члену.

– Да, сейчас нет.

Но мне хочется этого больше всего на свете.

Группа, выступающая на разогреве, выбежала на сцену, и часть посетителей переместилась в ту сторону. Руби схватила меня за руку, в несколько глотков опустошила стакан и сделала жест, чтобы я тоже допивал. Под ее взглядом я прикончил свой напиток, поставил стакан на

стойку и вопросительно поднял брови.

Она потянула меня за руку к сцене, но я придержал ее, наслаждаясь ее обществом и не желая так быстро его лишиться.

– Мое условие: ты проводишь этот вечер тут, разговаривая со мной, подальше от сцены.

Она склонила голову, загадочно улыбаясь.

– Забавно, что ты считаешь себя не склонным к флирту, – заметила она, утирая рот ладонью.

Сделав знак бармену, что мы хотим повторить, я спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– «Ты представляешь, насколько глубоко я могу засунуть в тебя язык, – процитировала она с британским акцентом, – или то, сколько моих пальцев уместится в тебе?» – Уткнувшись подбородком мне в грудь и глядя мне в лицо, она произнесла: – Это, дорогой мой, и есть самый настоящий непристойный флирт.

Я не сводил с нее глаз, кладя на стойку еще одну двадцатку и расплачиваясь на напитки.

– Голубка, не стоит критиковать меня за простой вопрос.

Она рассмеялась, игриво стукнув меня в грудь.

– Не надо строить невинность. Мне это нравится. Спокойный сдержанный мужчина на публике и развратник за закрытыми дверями.

Я замер, рассматривая ее. Неужели она это сказала? Я прокрутил в уме события минувшей недели, проведенной в ее обществе, и вынужден был признать, что мое поведение было далеко от привычного. Я сам себя не узнавал. В то же время нет ничего более естественного, чем подыгрывать ей.

– Когда ты позволил себе начать этим наслаждаться? – спросила она, и ее голос стал тише, когда толпа отхлынула послушать группу на разогреве. – Для меня это чересчур. Я не думала, что существуют мужчины вроде тебя. – Она взяла меня за руку. – Скажи мне, о чем ты думаешь прямо сейчас?

Я моргнул, сглотнул, сражаясь с желанием съежиться в ответ на этот вопрос, и напомнил себе, что ей очень важна открытость.

– Я рад, что ты заставила меня прийти сюда.

Она ждала, явно ожидая большего.

– Честность, да?

Она кивнула и подтвердила:

– Конечно.

– Прошлая неделя была очень приятной, пока мы притирались друг к

другу. В глубине души я переживал, что для тебя это просто секс.

– Я хочу секса с тобой, – призналась она, – но это потому, что я хочу именно тебя, вот в чем дело. Не потому что мне нужен секс или потому что я пытаюсь что-то преодолеть. – Она отвела взгляд, уставившись на сцену.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что я испытываю ее терпение и что мои слова ранили ее чувства.

– Я не сомневаюсь, что нравлюсь тебе, – сказал я. – Надеюсь, что ты чувствуешь, что я к тебе тоже неравнодушен.

Она рассмеялась, целуя мой подбородок.

– Ты такой душка, такой правильный, я просто не могу удержаться.

Мы выпили по второму напитку, и я заказал по третьему, чувствуя, как алкоголь разливается в моей крови. Щеки Руби порозовели, и она весело смеялась в ответ на истории о моем детстве в Лидсе: о том, как Макс прибежал домой без штанов, после того как его поймали, когда он трахал дочь председателя муниципального совета посреди парка Падси; о свадьбе моей старшей сестры Лиззи, когда подружка невесты пролила бокал красного вина на ее платье, а дядя Филип так напился, что упал в свадебный торт; о знаменитой вспыльчивости другой моей сестры Карен, которую в студенческие годы неофициально считали лучшим боксером в городе.

Когда группа на разогреве – нелепая компания вопящих мужиков, именующих себя Sheriff Goodnature, – закончила, люди снова переместились в бар, чтобы выпить по напитку до начала главного выступления. Руби качнулась передо мной, поставила недопитый стакан на стойку и извинилась, собираясь выйти в туалет. Я пошел следом за ней в какой-то маленький коридорчик и подождал ее. Она заулыбалась, увидев меня. Я наклонился поцеловать ее.

– Не мог дождаться, когда я вернусь? – спросила она, покраснев от алкоголя.

– Виновен, – пробормотал я ей прямо в рот. – Ты прекрасна.

Она потащила меня обратно в зал, прямо в толпу потных двигающихся тел, нетерпеливо ожидающих появления Bitter Dusk. Наконец вышли члены группы, воткнули в розетки гитары, проверили микрофоны и забежали туда-сюда со сцены за кулисы. Я чувствовал, как Руби возбужденно дрожит, прижимаясь ко мне, и видел, как она не сводит с них глаз. Было слишком шумно, говорить невозможно, но пусть даже переполненный зал – не то место, где мне хотелось бы находиться, и я не люблю шум, но при виде того, как она счастлива, я забыл обо всем. Я мог бы наслаждаться этим зрелищем всю ночь.

Толпа умолкла, когда солист группы подошел к микрофону. Он не сказал ни слова, только взглянул на остальных членов группы и кивнул. Барабанные палочки ударили раз, два, три.

И они заиграли.

Барабаны и гитары сливались воедино, и это было чудесно. Музыка мигом вошла в мою кровь, и у меня мурашки побежали по телу. Мелодия была прекрасна: энергичная и богатая, чистая блюзовая гитара, аккуратные барабаны и поразительный вокал. Я знал, что к концу вечера у меня будут болеть уши от шума и Руби придется орать, чтобы я ее услышал, но это была магия, доселе неизведанная: я чувствовал музыку всем телом, внутри и снаружи.

Руби ничего не рассказала мне заранее, может быть, она думала, что я уже ходил на такие концерты, но правда заключалась в том, что нет. Я слушал симфонии, посещал балет и бесконечные театральные концерты вместе с Порцией в Лондоне, но я никогда не слышал ничего настолько задевающего за живое.

Во время одной песни в голосе солиста угадывались дым и грубые камни мостовой, а во время другой – мед и молоко. Слова пробуждали мое воображение, заставляя думать о самых неожиданных вещах: о сожалениях и чувстве вины, о предвкушении и облегчении. Я испытал странную грусть при мысли о бездарно потраченных на несчастливую жизнь годах и горячую надежду на то, что все может быть иначе – с этой самой секунды. Для меня это было чересчур. На зрителей падали лучи света, Руби, подпевая, подняла руки над головой.

Она танцевала передо мной, покачивая бедрами, и от этого зрелища я обезумел, мне захотелось схватить ее и прижаться к ней напрягающимся членом. Мои пальцы вцепились в ее бедра, я закрыл глаза и чувствовал, как все мое тело пронизывают звуки музыки. Она закинула руки назад, схватила меня за волосы и притянула лицом к своей шее.

Я присосался губами к ее коже, покусывал ее, стонал, а потом забыл о музыке и просто наслаждался этим прекрасным созданием, стоящим передо мной. Мне надо было решить, то ли утащить ее в укромный закуток, то ли оставаться здесь и слушать музыку. Я выпрямился, решив просто отдаться на волю случая.

Группа покинула клуб, толком не попрощавшись со зрителями и не прикоснувшись к пиву, заранее поставленному на колонки. Я никогда такого прежде не видел, и мне показалось, что я проникаю в сердце Руби: лучше понимаю ее энергичность, любовь к авантюрам и спонтанность. Неожиданно купить билеты, узнав, что ее любимая группа в городе. Я

восхищался тем, как она доверяет своим инстинктам, полагаясь на которые, она привела меня сюда. Она знала о том, как я отношусь к музыке, свету и сотням людей, прыгающих перед сценой.

Мой рост – шесть футов и почти семь дюймов, так что я привык наклоняться, когда ко мне обращаются, пригибаться, проходя в двери, стоять сзади, чтобы не заслонять людям вид. Но когда мы возвращались в отель на метро, покачиваясь в такт движению вагона, я чувствовал, что охваченная возбуждением Руби хочет, чтобы я выпрямился во весь рост и она могла прислониться ко мне, ерзая и чуть ли не забираясь на меня с ногами.

Ее живот терся о мой член снова и снова, руки скользнули под пальто и рубашку, и она прижала холодные ладони к моему животу. Кончики пальцев ощупывали волосы вокруг пупка и ниже. Я почувствовал, как ее указательный палец скользит под ремень.

Черт побери, она прекрасно понимала, что со мной делает. Я читал это по ее лукавым глазам. Она то и дело скромно улыбалась и болтала о представлении, о зрителях, о песнях, и я сходил с ума от каждого прикосновения ее пальцев, ее тела. Я выносил эту муку молча, не сводя глаз с ее лица и впитывая каждое ее слово. Всякий раз, когда поезд останавливался, я считал, сколько еще осталось до того момента, когда я смогу ею насладиться.

Мы вышли из метро, и она остановилась подышать свежим воздухом. На достаточно долгое время, чтобы я смог прижать ее к стене здания рядом с нашим отелем, вдохнуть аромат ее кожи и прошептать:

- Ты что творишь?
- М-м? – Она потянулась, как кошка, в моих объятиях.
- Что случилось с моей любовью к порядку? Почему я больше не думаю, что мне надо вести себя с тобой осторожно?
- Тебе и не надо.
- У меня от тебя мысли путаются. Мы так хорошо проводили время, никуда не торопясь.

Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она притянула меня к себе. Мы поцеловались, и у меня в груди что-то перевернулось. Нежное прикосновение рта, серьезность, с которой она подставляла губы, тихий всхлип, когда я провел языком по нижней губе и потом втянул ее в рот, сжав зубами.

– Мы и продолжаем хорошо проводить время. Я не стану заниматься с тобой любовью, пока ты не почувствуешь, что это любовь, – сказала она.

Нет, не сказала – завершила. Она давала понять: она знает, что мои мысли и, вероятно, мое сердце принадлежат ей, и она будет обращаться с ними бережно.

Почему-то слова о том, что она не станет заниматься со мной любовью, пока я не буду уверен, заставили меня потерять остатки рассудка. Я отстранился и потянул ее за собой по улице.

Как только мы оказались в номере, я содрал с нее пальто, швырнул свое через всю комнату и прижал ее спиной к двери. Ее кроссовки упали на пол где-то рядом с кроватью; я грубо стянул с нее джинсы и отбросил их в сторону.

Я еще никогда не испытывал такого голода; моя кожа горела и чуть ли не вибрировала. Руби смотрела на меня широко распахнутыми от волнения глазами, и ее освещал только уличный фонарь. Выражение предвкушения на ее лице и ноющий от возбуждения член одинаково действовали на мои мысли. Где-то в глубине души я знал, что надо взять себя в руки, но сейчас, когда мое сердце так сильно колотилось, что его стук отдавался в ушах, я был не в состоянии медлить.

– Что ты... – начала она, но я стянул свои джинсы до колен и тяжело упал на нее. Нас разделяли мои плавки и ее трусики, и только они мешали мне взять ее прямо на полу.

Мой член вжимался в то самое место, куда я хотел войти, и я чувствовал, какая она скользкая под шелковой тканью. Я стонал и отчаянно двигал бедрами, прижимаясь к ней, сорвал с нее блузку и лифчик и обхватил ее полную грудь.

Я представлял себе, как это могло бы быть – *как это будет*, когда ее ноги обовьются вокруг моей талии и ее бедра будут жадно двигаться подо мной навстречу моим сильным толчкам. Руки Руби сжали мои ягодицы, побуждая меня ускориться, и она застонала.

Я приподнялся над ней, опираясь на локти, но продолжил отчаянно целовать ее; мои зубы скользили по ее коже, рот втягивал в себя язык, губы, впивался в шею. Она не возражала против моей настойчивости, казалось, это возбуждает ее еще больше, и от ее стонов и жадных рук я окончательно сошел с ума.

Я был на грани того, чтобы кончить, слишком близко, но я могу доставить ей удовольствие и попозже. Я хочу облегчить эту жажду, вызванную ее близостью, попробовать Руби на вкус, почувствовать ее подо мной. Меня словно пронзило электрическим током, напряжение в спине все нарастало и нарастало, и с криком я сделал еще один мощный толчок вперед и кончил.

Руби выдохнула, вцепившись руками в мои волосы, когда я отодвинулся, сорвал шелк с ее бедер и прижался ртом к сладостной влаге, засунув язык ей между ног.

О, какое блаженство, как хорошо попробовать ее на вкус.

Она издала придушенный крик и приподняла бедра. Краем сознания я понимал, что надо быть осторожным, но когда я раскрыл ее пальцами и начал сосать и трахать языком, она обезумела.

– Найл... – мое имя превратилось в беспомощный задыхающийся всхлип. Она потянула меня за волосы, отодвигая от себя мой рот. – Положи меня на кровать, – выдавила она. – Я хочу посмотреть на тебя.

Я встал, стащил с себя брюки и рубашку, потом поднял ее и отнес в постель. Помог снять остатки одежды. Ко мне вернулось некоторое самообладание, так что я смог остановиться и просто посмотреть на нее, поцеловать ее шею. Она притянула меня к своему лицу.

– Мне очень нравится, – прошептала она между поцелуями, повторяя слова, которые я говорил ей в нашу первую ночь в ее номере, – нравится чувствовать свой вкус у тебя на языке.

Я закрыл глаза, наслаждаясь сладкими поцелуями. Она взяла мою ладонь и провела ею по своему телу вниз, между ног.

Я прижался губами к ее шее, потом поцеловал грудь и живот, перед тем как устроиться у нее между ног и поцеловать ее бедро.

– Ты вдруг стал таким спокойным, – прошептала она.

Я раздвинул ее складки и с наслаждением провел большим пальцем по скользкому клитору.

– Я сосредотачиваюсь.

Зачем вообще говорить сейчас, когда она так сладко стонет, задышается и сжимает простыню в кулаках?

Я ласкал ее надавливающими ритмичными движениями, и ее бедра приподнялись над матрасом.

– Я... – начала она и с всхлипом умолкла.

– Ш-ш-ш. – Я нагнулся и прижался губами рядом с пальцем, облизывая и лаская ее одновременно. Я давно перестал мечтать об оральном сексе, потому что спустя несколько лет нашего брака Порция стала отказываться от него. Она предпочитала заниматься сексом только в миссионерской позиции и под аккомпанемент музыки, заглушающей наши стоны, с закрытыми глазами и выключенным светом.

Но мне нравился вкус женщины, мне нравилось это занятие. Целовать женщину в этом месте всегда казалось мне пиком чувственности и страсти для мужчины, который хочет попробовать на вкус источник своего

удовольствия. Руби приподнялась на локтях, наблюдая за мной широко раскрытыми глазами. Казалось, ее веки опускаются под тяжестью густых темных ресниц.

Я описывал круги большим пальцем и языком, ее грудь вздымалась и опускалась, она резко вскрикивала, приоткрыв рот и то и дело облизывая нижнюю губу.

– Тебе это нравится? – еле слышно спросила она.

– Мне кажется, это неподходящее слово, – ответил я, целуя ее и поддразнивая. – Не думаю, что в мире есть что-то еще, способное доставить мне такое же удовольствие.

Она задышала медленнее, выгнулась, и я остановился. Она на грани.

– Найл. Пожалуйста.

– Пожалуйста – что, дорогая? – Я куснул ее бедро, нежную кожу рядом с моей ладонью и медленно погладил ее большим пальцем.

– Верни язык на место...

Я с трудом сдержал улыбку.

– Куда?

Ее глаза встретились с моими.

– Ты знаешь куда.

– На твою промежность, дорогая? – прошептал я.

Она заерзала подо мной.

– Я не могу...

– Можешь, – сказал я, наслаждаясь нашей игрой и тем, что я мог трогать ее, пробовать на вкус и позволить ей кончить под моими поцелуями.

Я увидел, как у нее задрожала губа, она закусила ее и умоляюще посмотрела на меня.

Это было так легко – довести ее до грани. Она столько раз мечтала об этом, что ее тело мгновенно отозвалось на мои прикосновения.

– Скажи мне... – прошептал я, наклоняясь пониже и выдыхая на ее клитор.

Она зажмурилась, вцепилась в мое запястье, настойчиво подталкивая меня. Она была такая влажная, напряженная, трепещущая, задыхающаяся.

Я умирал от восторга при виде ее наслаждения, приоткрытых губ, жилки, бьющейся на шее, и от вкуса, который я до сих пор чувствовал ртом.

– Скажи мне, голубка.

Я провел языком по клитору еще раз, потом еще, еще и еще.

Ее бедра дрожали.

– Я на грани.

– Нет, скажи мне, – повторил я, снова отстранившись.

Она с трудом открыла глаза и в замешательстве посмотрела на меня.

– Пожалуйста, я...

– У меня есть незадействованные пальцы, – заметил я и улыбнулся. – По-моему, это ужасно. Скажи мне... ты хочешь, чтобы я ими что-нибудь сделал?

Она застонала, когда я снова нагнулся и лизнул ее, и задрожала всем телом. Я понял, что она вот-вот кончит только от моих слов.

Я просто хотел, чтобы она знала, что я собираюсь с ней сделать, и без колебаний я глубоко ввел в нее пальцы, продолжая сосать ее, и чуть не сошел с ума, когда она закричала, выгнулась дугой на кровати и бурно кончила, сжимая ногами мои плечи и дрожа.

Я отнес ее в ванную. Ее ноги обвились вокруг моей талии, губы уткнулись в мою шею, целуя. Она хрипло шептала, что никогда в жизни не испытывала ничего подобного.

Я тоже.

Руби вздрагивала в моих объятиях, ослабевшая и ошеломленная. Я аккуратно поставил ее на ноги в душевой кабинке, закрывая своим телом от сильных струй и намыливая каждый дюйм кожи. Она обняла меня за талию и молча смотрела. Ее глаза были полны чувства, и я внезапно испугался, что она сейчас произнесет это вслух. Глаза Руби ничего не скрывали: я знал, что она любит меня и что дело не только в том удовольствии, которое я ей только что доставил, и не в том, что моя стоическая сдержанность тает под ее чарами. Дело в любви. Она любит меня.

И если бы все было так просто, я бы занялся с ней любовью прямо сейчас, потому что я понимал, что мои чувства быстро прошли путь от первоначальной заинтересованности к чему-то более глубокому. Может быть, даже к любви. Но я так долго был с Порцией, искренне веря, что это любовь, что теперь не мог доверять себе. Я увлечен ею, да. Предан ей. Но любовь? Я больше ни в чем не уверен.

Внезапно я вспомнил вечер моей свадьбы. Мы танцевали перед гостями, и я чувствовал радостное возбуждение и надежду.

– Поразительно, ты такая красивая в белом. Это будет секрет, – и я поцеловал Порцию в шею. – Наш секрет.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, и если бы я был тогда умнее, я бы по ее интонации и взгляду понял, что надо быть осторожнее.

Но тогда я не был умен.

– Я уже был с тобой, любимая, – сказал я. – И сегодня ночью буду иметь тебя снова и снова.

Порция застыла в моих объятиях, позволяя мне кружить ее по полу. Песня закончилась, и гости зааплодировали.

Я посмотрел ей в лицо, холодное и сдержанное в теплом свете, струящемся из люстр над головой.

– В чем дело?

Она выдавила из себя улыбку, поцеловала меня в щеку и сказала:

– Ты назвал меня шлюхой на нашей свадьбе.

Это было начало. Хотя так было не всегда, только чаще всего. Я сделал предложение Порции, подарив ей кольцо из киоска, и она так хохотала, что у нее слезы потекли, а потом крепко поцеловала меня, и ей было все равно, кто смотрит на нас на Пикадилли.

Наша помолвка была воспоминанием, которое терялось в череде равнодушных дней, которые за ней последовали. Я пытался вспомнить хорошие времена и цеплялся за них с жадностью, странной для мужчины, который не собирался восстанавливать отношения с бывшей женой. Я проигрывал их снова и снова, потому что мне нужно было помнить: когда-то наша свадьба была не просто ожиданием, а прекрасной мыслью.

То, что я чувствовал к Руби, стало для меня шоком – вожделение, восхищение, жажда и незащитность. Я никогда не чувствовал ничего подобного по отношению к женщине, на которой был женат.

На меня нахлынул приступ вины – вины за то, что я напрасно потратил время, что я должен был дать Порции больше, чем дал. Вины за то, что я думаю обо всем этом, когда принимаю душ с женщиной, которой я увлечен.

Руби одновременно воодушевляла и пугала меня. Меня пугала скорость, с которой разворачивались события, и то, что это было не мимолетное увлечение.

Я провел ладонями по ее груди, бедрам, спине и ногам, намыливая ее всю. Я снова почувствовал возбуждение, неутолимое, и больше всего я боялся, что слишком привык к тому, как она на меня смотрит, что я буду зависеть от ее внимания и привязанности, как никогда не зависел от Порции. И я знал, сколько мы бы ни прожили с Порцией, я бы не испытал ничего подобного.

Я повернул Руби, подставляя ее под струи воды, и никак не мог оторвать руки от ее изгибов. Потом потянул ее ладонь к своему болезненно напряженному члену и наклонился, безмолвно умоляя ее поцеловать меня.

Она потянулась ко мне губами, и мы целовались под водой, пока ее рука двигалась по моему члену вверх-вниз.

Она зажмурилась, у нее вырывались слабые всхлипы, которые я ловил губами. Я не мог понять, это вода из душа или ее слез, но понял, что я ее люблю, осознав, с какой отчаянной радостью я наблюдаю за проявлением ее чувств. А потом у меня сжалось сердце, когда я подумал: если Руби когда-нибудь охладет ко мне, как я буду жить?..

Глава 13

Руби

Моя любовь к Найлу Стелле не была секретом. Он это знал, я это знала. То, что слова еще не были произнесены, – простая формальность. Я видела по его лицу, что он все понимает. Он смотрел на меня с восхищением и беспокойством – как на хрустальную вазу, которую он может разбить.

Все эти чувства ощущались просто физически, и сложно было не раздражаться. Мое безумное обожание, его постоянная обеспокоенность – не знаю, что хуже. По моему лицу можно было читать, как по раскрытой книге, и все же он ничего не говорил.

И я тоже молчала.

Найл вытер нас полотенцем, и мы почти сразу же упали в кровать. В его? Мою? Я точно не помнила. Какая разница? После оргазма у меня все кости расплавились, но я никак не могла уснуть.

– Если бы ты мог оказаться в любом месте на земле, куда бы ты хотел попасть прямо сейчас?

Какое-то время мы провели в молчании и темноте, нарушаемых лишь шумом дорожного движения и голосами в коридоре. Он лежал на животе, обняв подушку, и смотрел на меня. Мне нравилось то, что теперь я знаю, как он спит. Это такая интимная вещь, и где-то в глубине души я была счастлива при мысли о том, что отношусь к тем очень немногим людям, которые посвящены в эту тайну.

– И ты не можешь ответить «здесь», – добавила я, проводя пальцем по его руке. После душа его кожа была теплая и гладкая. Я нажала сильнее, массируя мышцу, и он застонал от удовольствия. – Любое другое место.

Высоко в небе светила луна, и лента бледного света пересекала кровать, падая на его тело. Я наблюдала, как он в замешательстве нахмурился, обдумывая мой вопрос.

Не знаю, зачем я спросила. После душа я чувствовала себя уязвимой, и мне хотелось спрятаться. Может, все дело в том, что я видела, как он отдается музыке и движениям толпы. Или в том, что я никак не могу проникнуть в его ужасно запутанные мысли. Не знаю.

– Гм-м, любое другое место?

Я кивнула, лежа рядом с ним. Простыни холодили мое обнаженное

тело, но я чувствовала его жар рядом с собой.

– Почему я не могу сказать «здесь»? – спросил он и погладил меня по кончику носа.

Я пожала плечами, и он закинул на меня ногу, притягивая чуть ближе к себе. В ответ я заулыбалась в подушку.

– Когда мы были детьми, у папы был друг, работающий на «Элланд Роуд» – футбольном стадионе в западном Йоркшире. Макс был достаточно взрослым, чтобы водить машину, и иногда он брал с собой меня – противного младшего брата. «Лидс Юнайтед» – это клуб, игры которого я все детство смотрел по телеку. Я бывал на стадионе, подбадривал их и стоял на той самой траве, на которой играли парни, которым я поклонялся. Хотел бы я когда-нибудь туда вернуться с моим братом. Узнать, почувствую ли я то же самое.

– Хотела бы я на это посмотреть, – улыбнулась я. – Ты и Макс – подростки, бегающие по полю. Наверняка вы носились без рубашек, да?

Найл пронзил меня взглядом, и в ответ я захихикала.

– А как насчет вас, мисс Руби?

– Я скучаю по Сан-Диего.

– Тебе не нравится Лондон?

– Я обожаю Лондон, я всегда мечтала там жить, но там дорого, вечно идет дождь и я тоскую по всем.

– По всем?

– По девочкам, с которыми мы жили в одной комнате, – Лоле и Лондон. И особенно по брату.

– Должно быть, тебе непросто вдали от них.

– Хуже всего разница во времени, – застонала я. – Есть только четыре часа в сутки, когда и я, и они не спят, и это либо рано утром, либо поздно вечером.

Найл кивнул, поглаживая мои волосы. У меня начали слипаться глаза.

– Но ты останешься в Лондоне? – спросил он, и я подумала, в его голосе действительно слышалась обеспокоенность, или мне показалось.

– Как минимум, пока не закончу учебу.

– Несколько лет, значит.

Слова жгли мне язык. Наконец я ответила:

– Надеюсь.

– Расскажи мне о Сан-Диего. О том, как ты росла.

– Ты когда-нибудь бывал в Калифорнии? – спросила я.

– В Лос-Анджелесе, – ответил он. – Прекрасная погода, пальмы. Много блондинов.

– Лос-Анджелес – это не Сан-Диего. – Я покачала головой, и при мысли о доме у меня в груди потеплело. – Лос-Анджелес – это асфальт, машины и люди. Сан-Диего – зелень, синее небо и океан. Когда я была маленькой, мы с Крейгом часто ездили в гости к другу, чей дом находился в нескольких кварталах от пляжа. Мы нагружали корзины велосипедов всем необходимым и проводили у него весь день.

– Чем вы занимались? – спросил он.

– Ничем, – радостно ответила я. – Мы целыми днями валялись на песке, играли в волейбол, читали и болтали, слушали музыку. Когда становилось жарко, мы прыгали в воду, катались на досках, а проголодавшись, ели ланч, который привозили с собой. Мама видела нас только ранним утром и после заката.

– Звучит прекрасно. Мне нравится образ Руби-подростка, – заметил он, дернув меня за прядь волос, накрученную на палец. – Выгоревшие волосы, веснушки на носу. Загар и крошечное бикини. – Секунду он размышлял, потом откашлялся и добавил: – Представим посреди этого пейзажа мальчика Найла.

Я рассмеялась, заворачиваясь в простыню.

– Карлсбад тоже был прекрасным местом для ребенка. Перед тем как уехать из Штатов, я жила в огромной квартире с двумя моими лучшими подругами. Мы видели океан из окна столовой, – сказала я, внезапно заскучав по ним до боли. – У нас было напряженное рабочее расписание, и мы мало пересекались, но когда нам наконец удавалось оказаться дома в одно и то же время, мы варили капучино, чтобы не спать допоздна, и болтали. Иногда наблюдали восход солнца над океаном. Может, поэтому уехать было так легко... Мы были так заняты, что почти не виделись.

– Может. А может, ты знала, что тебя ждет что-то другое. Более важное.

Я долго смотрела на него, задумавшись, говорит ли он об учебе и работе или о чем-то другом.

– Тебе надо когда-нибудь туда съездить. Полежать на пляже, побывать в Диснейленде и покататься на «Космических горках».

Найл с отвращением сморщил нос, а я придвинулась к нему и поцеловала.

– Диснейленд?

– Ты думал, тебе и концерт не понравится. Помнишь? Иногда дурачиться – это весело.

Секунду он молчал, потом кивнул и нагнулся ко мне, целуя.

– Думаю, ты права, – сказал он губы в губы. – А что ты думаешь о

Нью-Йорке? Тебе нравится?

– Он большой и шумный, и... оживленный, – ответила я, уставившись на одеяло.

– Может, ты еще вернешься сюда.

Я пожала плечами.

– Может. Но без компании это будет иначе.

– Без того, кто будет покупать тебе хот-доги и дразнить из-за твоего пристрастия к горчице?

– Или лапать меня в метро?

– Именно. Значит, ты закончишь учиться, а потом? Вернешься в Сан-Диего?

Сегодня мы были так честны друг с другом, и я хотела сохранить эту откровенность.

– Не знаю, – ответила я. – Это от многого зависит.

– Например?

Учеба, работа, квартира. Ты. Я.

– От учебы, – ответила я. – И работы с достаточной зарплатой, чтобы снимать квартиру.

– Уверен, что ни то, ни то не станет проблемой.

– Я еще не попала в программу Мэгги, видишь ли.

– Попадешь. Маргарет Шеффилд будет дурой, если упустит тебя. Ты очень умна, Руби.

– Я отвлеклась, – возразила я.

Он провел ладонью по моей спине и ягодицам, задержав руку на бедре.

– Да, но мы скоро вернемся, не так ли?

– Думаю, мы оба знаем, что Нью-Йорк – это не просто отвлечение, – честно сказала я.

– Думаю, это касается нас обоих, – ответил он.

– Что будет, когда мы вернемся домой? – спросила я, озвучив вопрос, которого мы оба избегали. Через два дня нам уезжать. Билеты уже куплены. Через двадцать четыре часа мне придет имейл с напоминанием, что надо зарегистрироваться на рейс. Все произошло так быстро, но будет ли продолжение? Мы не доводили физическую сторону наших отношений до логического конца, пока он не будет уверен, что любит меня. Но как насчет всего остального? Мы пара? Мы скажем кому-нибудь об этом?

Он моргнул, глядя мне в лицо, и я поняла, что он не ожидал этого вопроса. Не ожидал, что я задам его прямо в лицо.

– Будем жить дальше, – сказал он. – На работе, конечно, кое-что

изменится, но за ее пределами все может быть, как сейчас.

Его лицо напряглось, и я была уверена, что мое выглядит точно так же. Не знаю, что в его словах огорчило меня больше всего. «Будем жить дальше» звучало так, словно мы еле-еле справляемся. «На работе кое-что изменится». Ну еще бы, кто бы сомневался. «Все может быть, как сейчас». Мне этого мало. Я не хочу, чтобы все оставалось как сейчас, я хочу большего. Я хочу получить его целиком.

Три дня спустя мы вышли из Хитроу с нашими чемоданами. Серое небо, холодный воздух, запах влажного камня – но я почувствовала, что вернулась домой. Весь полет Найл держал меня за руку, теперь он прикасался ко мне все более и более уверенно, и даже сейчас он стоял вплотную ко мне.

Он предложил поехать к нему, но мы оба устали и было понятно, что если мы будем вместе, нам не выспаться. Мы отсутствовали несколько недель, нам надо пообщаться с разными людьми, разобраться почту, и после девятичасового полета я хотела только принять душ и лечь в кровать. Особенно с учетом того, что завтра Тони ждет меня в офисе с отчетом о командировке – ведь он «целый месяц не видел мое милое личико».

Нам с Найлом явно нужно обсудить наши дела или хотя выработать план поведения в офисе, но вместо этого мы прислонились друг к другу, наслаждаясь последними минутами. Он всю дорогу держал мою ладонь обеими руками, за окном трасса М4 сменилась городскими улицами. И когда такси остановилось у моего дома, все, на что я была способна, – это поцеловать его на прощание. С чрезмерным энтузиазмом, памятуя, что мы на заднем сиденье такси. И я побрела с сумками ко входу.

Шел сильный дождь, заливая стекла квартиры. Почему-то казалось, что это очень правильно – дождь в день нашего возвращения, словно привет из нормальной жизни.

Я лежала в постели, приняв душ и надев любимую пижаму, когда зажужжал телефон на прикроватном столике.

«Скучаю по твоему лицу на соседней подушке», – пришла смс, и у меня защипало в груди. Он это делал, он пытался – все, как обещал.

«Скучаю по твоим милым вздохам, которые ты издаешь во сне», – ответила я, улыбаясь и уже зная его ответ.

«Я слишком мужественный, чтобы меня называли милым, мисс Миллер». Я расхохоталась, и мое сердце забилось сильнее.

«Может быть, в самом ближайшем времени мне снова потребуется увидеть тебя совсем голым. Просто чтобы убедиться».

Целую минуту ничего не было, а потом на экране я увидела, что он печатает ответ.

«Не могу дождаться. Моя кровать слишком велика для одного».

Мои пальцы дрожали над клавиатурой, и щеки болели от улыбки. Он и правда это делает. Мы это делаем.

«Тоже не могу дождаться».

«До завтра. Сладких снов, дорогая».

Если бы сердце могло разорваться от счастья, я бы точно умерла прямо сейчас.

Наконец под шум дождя я уснула с телефоном под подушкой и улыбкой на губах. Голос в моей голове умолк.

Глава 14

Найл

Поразительно, как быстро человек приобретает новые привычки. Хотя мы уже вернулись в Лондон и Руби никогда не ночевала в моей квартире, пробуждение без нее было странным.

Я вытащил телефон из сумки с ноутбуком и набрал смс:

«Как спалось?»

Ее ответ: «Так себе. Мне нужен кто-то, кто будет шевелить моими руками и ртом на работе».

«Увидимся в офисе, моя прекрасная куколка».

Я закончил завтра, почитал газету, оделся и вышел на улицу. Совершенно обычный день... но нет. Моя жизнь стала совсем другой.

Когда я приехал, Руби уже сидела в своем закутке. Обычно я появлялся еще до восьми утра, но сомневаюсь, что я хотя бы раз был тут раньше нее. Но этим утром я попытался. Мне хотелось провести с ней хотя бы несколько минут, перед тем как нас обрушит реальность. Но нет. В кабинетах было уже полно людей, и я мог только улыбнуться ей, подмигнуть и бросить взгляд на ее пухлый влажный розовый рот.

– Привет, – произнесла она одними губами.

Я смотрел на нее еще секунду, больше всего на свете желая подойти к ней и поцеловать, но вместо этого я просто кивнул и пошел к себе в кабинет.

Послышался знакомый резкий двойной стук, предвещавший появление Энтони, и как обычно, он вошел, не дожидаясь ответа.

– Ну? – спросил он вместо приветствия, усаживаясь в кресло напротив моего стола.

Я откинулся на спинку и изобразил расслабленную улыбку.

– Хорошо.

Он положил ногу на ногу и ухмыльнулся.

– Надеюсь, поездка была приятной.

Никогда в жизни у меня не было такого ощущения, будто я играю в шахматы.

– Да.

Энтони внимательно рассматривал меня, сцепив пальцы под подбородком. Я перевел взгляд на монитор, делая вид, что читаю почту. Я

еще не решил, что скажу своему подозрительному коллеге. С одной стороны, я не хотел скрывать то, что произошло между мной и Руби, и если я хорошо узнал ее за это время – а как мне кажется, мне это удалось, – она вряд ли сама сможет хорошо таиться. С другой стороны, я хотел, чтобы личное осталось личным, а Тони стремился все превратить в шутку.

– Что-то не так, – пробормотал он, тыкая в меня пальцем. – У тебя глаза улыбаются. Блеск какой-то. Лицо светится.

– Неужели?

– Приятно провел время в нью-йоркском стриптизе?

Его грубость меня покорила.

– Перестань, Тони.

Он хмыкнул.

– Трахнул кого-нибудь из The Rockettes?

– Иди к черту.

Он помолчал, еще раз окинул меня взглядом, потом улыбнулся.

– Наконец прибрал к рукам Руби, да?

Он застал меня врасплох. Я сглотнул и притворился, что очень занят тем, что лежит у меня на столе.

– А, нет. То есть... хочу сказать, ничего такого.

Это правда, буквально говоря. Я же не занимался с ней сексом.

Тони хлопнул ладонями по столу.

– Дружище!

У меня кровь от лица отхлынула. Именно этой реакции я надеялся избежать.

– Нет, Тони, это не то, что ты думаешь...

– Ты оттрахал ее по самое не балуйся, да? Ты поймел мою Руби!

Я отодвинулся от стола, начиная злиться.

– Твою Руби?

– Значит, я прав, – сказал он, хлопнув в ладони, и этот звук неприятным эхом отдался в комнате.

Я бросил взгляд на дверь и прошипел:

– Потихе, придурок.

Он сделал вид, что утирает случайную слезу. Тони обожал подтрунивать над другими людьми, но сейчас в его голосе звучало что-то еще.

– О, зрелище того, как ты отвлекаешься от работы, поможет мне пережить томительное ожидание следующего сезона «Игры престолов».

– Иди к черту.

Его темные глаза расширились.

– Только посмотрите на Найла Стеллу! Она и правда тебя расслабила. Кажется, я должен пойти и поблагодарить ее.

Я сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

– Тони, прекрати.

– Ой, да ладно, а ну рассказывай, – сказал он, устраиваясь в кресле поудобнее и понижая тон. – Что произошло?

Я взглянул на него, постепенно успокаиваясь.

– Все-все, я больше не буду, – сказал он с извиняющейся улыбкой. – Прости, никогда в жизни не подумал бы, что...

– Это не то, что ты думаешь, – перебил его я, подавшись вперед и поставив локти на стол. Мне нужно вернуть хотя бы видимость контроля над ситуацией. Надо признать, это полезно, если Тони будет знать, что происходит между мной и Руби, но слишком много информации давать не следует. – Оказывается, она и раньше была ко мне равнодушна и... ну... – Я не мог подобрать слова, чтобы описать наши отношения, и в итоге остановился на этом: – Мне нравится ее общество.

Тони явно понял значение моих слов.

– Ясно.

– Буду признателен, если ты не станешь об этом распространяться.

Он кивнул, перекрестил сердце и заговорщицки подмигнул.

Руби сидела в столовой вместе с Пиппой, когда я пришел достать ланч из холодильника. Ее глаза встретились с моими, и она моргнула, отведя взгляд и покраснев до шеи.

– Руби, Пиппа, – поздоровался я.

– Привет, мистер Стелла, – жизнерадостно ответила Пиппа. Слишком жизнерадостно. Интересно, Руби подвергли такому же допросу, что и меня?

– Мистер Стелла, – произнесла Руби, тихо улыбаясь. Она высунула язычок и прикусила его зубами, и я резко втянул воздух, вспомнив, как она вчера поцеловала меня на прощание. Ее рот был на вкус как лимонный леденец, который она сосала всю дорогу из аэропорта. Я прочистил горло и потянулся к дверце холодильника.

– Перестроилась на другой часовой пояс? – спросил я, оглядываясь на нее.

Она широко улыбнулась и пожала плечами.

– Пытаюсь.

Пиппа уставилась на свою тарелку, в то время как Руби не сводила с меня глаз.

Воздух исчез у меня из легких, и я не мог нормально дышать. После

возвращения в повседневность мысль о нас – о том, что мы вместе, – вызывала боль во всем теле от желания. Весь день она так близко от меня, как же мне сосредоточиться на работе? Сосредоточиться хоть на чем-нибудь?

Если бы я рассматривал черты ее лица по отдельности, может быть, меня бы так не накрывало. У нее слишком настойчивые глаза, они говорят мне, что она так же сильно хочет быть наедине со мной, как и я. Ее язычок выскользнул наружу, облизал губы. Длинная гладкая шея – я представил, как веду ее домой и целую эту шею сверху вниз, расстегивая маленькие пуговицы-жемчужины на ее...

– Ум-м-м... мистер Стелла? – произнесла она, взглядом указывая на мою руку. Я все еще сжимал ручку открытого холодильника. Помещение наполнилось холодным воздухом, но грудь моя пылала.

– А, – сказал я, доставая свой салат. Взял вилку из ящика и торопливо ушел к себе в кабинет.

Как я и подозревал, сосредоточиться я не мог. Мне нужно найти способ успокоить мысли, мечущиеся у меня в голове. Такая неуверенность не свойственна мне; она выбивает меня из колеи. Мне надо знать, что мы будем делать. Она останется на ночь? Нам надо не торопиться с сексом... или уже слишком поздно? Все, чем мы занимались, казалось более интимным, чем любой секс, но я понимал, что этот шаг в отношениях с Руби будет значить очень много.

Хотел ли я этого? И если я займусь с ней сексом, смогу ли я закрыть от нее свое сердце, в случае если я не тот, кто ей нужен?

Я думал, что Порция – любовь всей моей жизни, но стоило Руби поцеловать меня, как я понял, что ошибался.

Телефон на столе зажужжал, прервав мои навязчивые размышления.

«Поужинаем у тебя или у меня? Перед тем как ответить, имей в виду, что у меня есть соседка и моя кровать маленькая, и еще я самый ужасный повар в мире. Р. S. Прекрати думать».

Я рассмеялся и ответил: «В таком случае тебе придется приехать ко мне. Я живу один, у меня большая кровать, и я получше тебя в кухонных делах, но лишь чуть-чуть. Наверное, я закажу доставку».

Из коридора я услышал мульташный вопль: «Найспопс!», а потом гогот. Сразу после этого в мою дверь постучали.

– Войдите, – сказал я.

Появилась Руби, улыбаясь и глядя в телефон.

– Ладно.

При виде ее мое сердце трепыхнулось.

– Ладно?

Она закрыла за собой дверь.

– Ладно, я приду к тебе, раз уж ты так настаиваешь.

Только тогда я понял, что звук, который донесся до меня из коридора, – это ее смс.

– Ты... – Улыбаясь, я откинулся в кресле. – У тебя на смсках стоит «Найспопс»?

Она пожала плечами, перестав краснеть после того, как мы остались наедине.

– На самом деле это на твоих смсках стоит «Найспопс». Это миньоны. «Гадкий я», помнишь? – Покачивая головой, она шагнула вперед. – В любом случае, это подходит. У тебя самый классный зад по эту сторону Атлантики.

– По эту сторону Атлантики? Значит, в Нью-Йорке ты видела зад получше?

Она поджала губы, делая вид, что погружена в размышления.

– У меня не было возможности провести качественные полевые исследования, но друг Макса Уилл неплохо выглядит и...

Я подался вперед и прорычал:

– Договаривай, Руби Миллер, и да поможет тебе Господь, потому что я перекину тебя через колено и отшлепаю твой зад!

Она откинула голову и расхохоталась. Я так люблю этот смех.

– Мне нравится твоя мысль о том, что порка – это...

В дверь дважды стукнули, и ворвался улыбающийся Тони. При виде Руби, небрежно прислонившейся к моему столу, его улыбка скисла. Она резко выпрямилась и сделала вид, будто заметила пятнышко на юбке.

– Привет, Энтони, – тихо произнесла она.

– Руби, – сказал Тони, сдвинув брови. Бросил взгляд на меня, потом снова на нее. – Как поживают расчеты для «Барклай Индастриал»?

Она снова покраснела и уставилась на ковер.

– Они готовы, мне просто надо составить письмо. Извини, я просто пришла обменяться парой слов с Найлом... – Она осеклась. – С мистером Стеллой по итогам поездки.

– Руби, я уверен, это прекрасно, что он теперь знает о твоих чувствах, – холодно сказал Тони, – но Найл – вице-президент этой компании, и я уверен, что у него полно дел после командировки.

Руби уставилась на меня, распахнув глаза, а я сердито стиснул челюсти.

Что, черт возьми, он несет?

Но Тони, не обращая ни на что внимания, продолжал:

– Может, тебе имеет смысл оставлять дверь в его кабинет открытой, когда тыходишь, и «обмениваться парой слов» в нерабочие часы?

Скованно кивнув и пробормотав извинение, она выскользнула в коридор.

– Тони, – прорычал я, раздраженно глядя на него. Кровь горячо пульсировала в венах, сердце колотилось в груди. – Это было необходимо? У нее обед. А ее «чувства»? Она пришла не для того, чтобы домогаться меня. Это наше дело, и здесь нет ничего неподобающего. Она передо мной не отчитывается.

– Нет, – согласился он, – но она отчитывается передо мной. – Стиснув зубы, Тони посмотрел в ту сторону, куда ушла Руби, и закрыл дверь в кабинет. – Я не думал, что ей будет так сложно сохранять профессиональную дистанцию.

Наконец до меня дошло: Тони ревнует.

– Пожалуйста, скажи, что ты шутишь, – попросил я, стараясь звучать небрежно. В ответ на его слова в моей груди что-то запылало. Тони мне не начальник, вовсе нет. На самом деле в перспективе я стану его боссом. – Ты, человек, предложивший мне «прибрать ее к рукам», говоривший, что у Руби, цитирую, «классные сиськи и ноги», и нанимающий в оксфордскую программу только самых красивых девушек-стажеров. Ты говоришь о профессиональной дистанции?

Он моргнул, потом взглянул на меня.

– Я просто говорю, что надеюсь, она сюда больше не придет. – Он кивнул и ушел.

Потребовалось минут десять, чтобы мой пульс вернулся в норму. Я был в ярости: ходил по кабинету взад-вперед, раздумывал, не поговорить ли мне на эту тему с Ричардом, убедиться, чтобы все понимали: не происходит ничего непристойного, и дать Ричарду знать, что Тони разговаривал с Руби совершенно неприемлемым образом.

Но я был слишком зол. Как правило, я предпочитаю не вести разговоры, когда я в таком состоянии: мысль о том, что мною будет руководить возмущение, а не профессионализм, для меня неприемлема. Проблема заключается в поведении Тони, и моя позиция будет уязвимой, если я буду вести себя эмоционально.

Поэтому я подождал еще пятнадцать минут, перед тем как отправить смс Руби. Я не хотел, чтобы она думала, что мнение Тони настолько важно, что может вывести меня из себя.

«Тони не в себе», – написал я.

«Я знаю, – ответила она. – Но все равно было ужасно».

«Прости, дорогая».

Она ответила только через несколько минут, и когда пришла смска, у меня в ушах словно прозвучал спокойный голос Руби:

«Все хорошо. Давай приятно проведем время в твоей квартире, на твоей большой кровати и с едой навынос, которую ты собрался заказать».

Я улыбнулся в телефон и написал:

«Жду с нетерпением».

И это правда. Я едва мог дождаться момента, когда обниму ее и напомним, что происходящее между нами выходит далеко за границы офиса.

Руби отправилась домой, чтобы взять все, что ей потребуется для завтрашнего рабочего дня, а я тем временем заказал ужин в моей любимой индийской забегаловке на углу.

Приехав, она осмотрелась с порога, а потом прошла мимо меня в гостиную.

Моя квартира предсказуемо оказалась опрятной и простой. Гладкий черный кожаный диван, широкие кресла, низкий мраморный кофейный столик и большой толстый ковер.

– Если бы меня попросили нарисовать твою квартиру, я бы изобразила что-то в этом роде.

Рассмеявшись, я шагнул к ней.

– Очень рад, что не удивил тебя.

Она повернулась, и мы обнялись.

– То, что ты никогда меня не удивляешь, – одна из причин, почему я тебя люблю.

Мы оба застыли.

– Я что, сказала это вслух? – спросила она, с ужасом замуриваясь. – Пожалуйста, скажи, что мне это показалось.

Я нагнулся, целуя ее в лоб.

– Ты просто прелесть.

У меня сильно заныло в груди от того, что я не мог подобрать слова получше.

Я тебя люблю.

Ты просто прелесть.

Не то чтобы ее слова меня удивили, так почему же я не подумал заранее и не подготовил нормальный ответ? Все ясно: я величайший идиот в мире.

Руби напряглась и попыталась отстраниться, но я привлек ее ближе, целуя в шею и лихорадочно пытаюсь придумать, что еще сказать.

– Руби.

– Все хорошо, – выдохнула она, обнимая и прижимаясь лицом к моей шее. Но судя по ее голосу, не все было хорошо. Я хотел заглянуть ей в глаза, но не мог пошевелиться. Она сделала вдох и через секунду расслабилась. – Я знаю, что в плане чувств зашла дальше тебя. Извини, что поставила тебя в неловкое положение.

– Пожалуйста, дело не в этом... – Я не мог закончить предложение, не мог сказать, что чувствую, если не любовь.

Люблю ли я ее?

Понятия не имею, что такое романтическая любовь; для меня это все равно что иностранный язык. Я проклял Порцию за ее холодность, за то, что она заставила меня сомневаться в каждом жесте, за то, что с ней я забыл, что в моем детстве проявления любви были изобильными – бурные размолвки с братьями и сестрами и постоянная привязанность со стороны матери. Я проклял себя за свою эмоциональную тупость.

Не знаю, как назвать мои чувства, но это что-то растущее, глубокое и пугающее – в конце концов расставание с Порцией принесло мне освобождение, но мысль об утрате Руби казалась такой ужасной, что у меня внутри все переворачивалось.

И чего ей это стоило – так открыто выразить свои чувства, а потом остановиться на полуслове и ждать, пока я найду слова... Я хотел отдать ей все, что у меня есть, хотел, чтобы она знала – я без ума от нее.

Я провел губами от ее подбородка по шее, посасывая и покусывая. *Почувствуй, думал я. Дай мне показать тебе то, что я не могу выразить словами.*

Я стащил с нее пальто, отбросил в сторону и начал расстегивать блузку, молча умоляя ее посмотреть мне в глаза. Она неуверенно взглянула на меня, а потом что-то увидела в моем лице – муку, мольбу, жажду, – и, кажется, выдохнула все накопившееся напряжение, приближая свое лицо к моему.

– Ты предлагаешь отложить ужин? – спросила она губы в губы.

Я кивнул, обнимая ее за талию и подводя к широкому креслу без подлокотников.

Мои руки были нетерпеливы: торопливо расстегнули юбку, стянули трусики, жадно ощупывая каждый дюйм ее тела. Гладкие изгибы, бледная кожа – она была безупречна, и я нагнулся, впиваясь губами в ее плечо и сжимая грудь.

Куда более осторожно она расстегнула мою рубашку, наблюдая за моей реакцией.

– Мы не должны... – начала она, но я заставил ее замолчать поцелуем.
Давай.

Она стянула рубашку с моих плеч, расстегнула ремень, потом медленно стащила брюки. Я отбросил их ногой в сторону.

Взяв мой член в руку, она начала опускаться на колени.

Я покачал головой, одним движением поднимая ее и прижимаясь ко рту, раздвигая ее губы, пробуя ее на вкус. Ее маленький сладкий язычок скользнул мне в рот с неожиданным отчаянием. Маленькие крепкие ладони уперлись в грудь, подталкивая меня к креслу, потом она села на меня верхом и вцепилась в мои волосы, целуя – жадно, покусывая, со стонами и вздохами. Я скользил руками по ее телу – по бокам, между ног, чувствуя нежнейшую кожу.

– Двинемся дальше? – произнесла она влажными губами. Ее глаза помутнели.

Что она имеет в виду? Дальше... В нее?

– Я... да? – Я выгнулся под ней, пытаюсь прижаться еще теснее.

Она снова поцеловала меня, потом прошептала:

– Имею в виду – пойдём в постель?

Я закрыл глаза, сражаясь со своими мыслями, которые хотели заняться обдумыванием этого вопроса. Если мы встанем и пойдём в спальню, мы потеряем это состояние вожделения и облегчения, от которого так чертовски хорошо. Я не хотел двигаться ни на дюйм. Я буду слишком много думать о том, что это означает, что я чувствую, что я еще никогда не занимался сексом в этой кровати, и что я познакомился с Руби меньше месяца назад.

Мой мозг хотел знать все наверняка.

Прекрати.

Нет.

Нет.

– Нет. – Я поцеловал ее в шею, прижимая к себе, теплую и скользкую, к своему члену. – Не хочу никуда идти.

Она приподнялась, и я понял, что могу войти в нее одним движением.

– Господи, – простонал я. Я забыл, а может, и не знал никогда, каким бывает желание – властным, безумным и диким. Я был сам не свой. Я был мужчиной, жаждущим удовольствия, хотевшим трахаться, и первый раз в жизни я мог это сделать.

– Черт. Предохранение, – выдавил я.

– Все в порядке, я позаботилась об этом, – выдохнула она.

Ее глаза встретились с моими, в них угадывался вопрос.

– Давай сверху, дорогая, – прошептал я.

Я выгнулся и застонал, когда она опустилась на меня с возгласом, в котором слышались боль и удовольствие, и это окончательно свело меня с ума.

– Подожди, – прошептала она, и ее голос был таким сдавленным и прерывистым, что я отодвинулся и заглянул ей в лицо. Она уставилась на мой рот, приоткрыв влажные губы, и выглядела просто прекрасно.

– Дай мне... просто... привыкнуть к... – Ее глаза закатились и закрылись. Она хрипло вскрикивала, насаживаясь дюйм за дюймом.

Я пытался оставаться неподвижным, ощущая ее шелковистость... напряженную плоть, сомкнувшуюся вокруг моей... задышающиеся вздохи... то, как она прижимала мою голову к груди.

Когда я оказался целиком внутри нее, она начала двигаться короткими, сводящими с ума кругами. Вонзила ногти мне в шею, прижала грудь к моему лицу и шептала мне прямо в ухо:

– Найл... О боже... я не... ох как...

Она использовала мое тело для собственного удовольствия, с каждым разом поднимаясь все выше и насаживаясь все сильнее. Ее пальцы скользнули вверх, запутавшись в моих волосах, горячий рот впился в мою шею. Ее вкус и запах, тепло бедер и груди, прикосновение кожи, ощущение, как она сжимается вдоль всей длины члена, – это все равно что уйти под воду с головой и не испытывать потребности в воздухе.

И ее стоны и вздохи, о! Я никогда не слышал такого искреннего выражения удовольствия. Эти звуки и ощущения, это блаженство, в которое она погрузилась, совершенно изменили мое представление о сексе, затмив мой скудный опыт. Все это было не только для моего удовольствия, но и для ее, и понимание, каким должен быть секс – интимное занятие, которым надо наслаждаться, а не терпеть его, – прокатилось огнем по моему телу.

Я никогда не был таким твердым, таким жадным, никогда не стремился схватить, сжимать, пробовать на вкус. И когда я думал, что лучше уже быть не может, она наклонялась или откидывалась, и я улетал еще сильнее. Я втянул сосок в рот, посасывая его и накрыв вторую грудь ладонью, желая, чтобы она никогда не останавливалась, желая наслаждаться своим удовольствием и эйфорией, написанной у нее на лице, – пока я не потерялся окончательно.

Потому что я знал, с Руби будет именно так.

Я почувствовал напряжение в бедрах, жажду двигаться и трахать, брать ее. Из меня рвался дикий зверь, жаждавший такого секса, которого у меня не было никогда, но в котором я всегда нуждался: необузданного, потного и жесткого.

Движения Руби стали беспорядочными, она прижалась губами к моему рту, впиваясь в меня, и я впитывал ее стоны, вздохи и всхлипы, пока она меня трахала. Ее бедра судорожно дернулись, ладони стиснули меня, и я почувствовал, как она сжимается внутри, перед тем как выгнуться и с криком кончить. Ее тепло, скользкость, неровные движения и, в конце концов, – о да, наконец-то, – то, как она трахала меня, когда ее подхватила волна оргазма, лишили меня остатков самоконтроля. Удовольствие стало почти невыносимым, и я впился зубами в упругий изгиб ее груди и застонал.

Она упала мне на грудь, я поднял ее и уложил на ковер, приподнял бедра и вонзился одним длинным грубым толчком.

У Руби перехватило дыхание. Она была такая тугая, сжимала меня словно в кулаке. И наблюдала, как я утрачиваю рассудок, теряю самого себя. В этот момент я себя не помнил: кто этот мужчина, который стоит на коленях между ее ног и поддерживает ее руками под ягодицы, чтобы она не билась о пол. Я не узнавал мужчину, который говорил ей: «Смотри. Смотри, как я тебя трахаю. Ты такая мокрая, такая нежная. О, как хорошо тебя трахать, какая ты теплая и влажная, как хорошо».

Удовольствие волной прокатилась по позвоночнику и вырвалось наружу. Она протянула руку, прикасаясь к основанию члена и взглядом умоляя меня показать ей, как мне хорошо.

Я не мог закрыть глаза. Ни за что на свете я не мог закрыть глаза в первый раз, когда она видит, как я кончаю – над ней, в ней. Мои толчки стали грубыми, я резко выдыхал воздух и хрипло вскрикивал. А потом меня понесло, я потерял ритм и зарычал.

Никогда в жизни я не испытывал такого наслаждения.

Я замер, весь покрытый потом. Грудь ходила ходуном. Посмотрел на нее. Ее грудь покраснела и блестела от влаги, щеки покрылись румянцем, губы приоткрылись в попытке успокоить дыхание.

– Найл... – произнесла она, проведя трясущейся рукой по моей груди.

Меня словно что-то толкнуло – паническое чувство, что я должен что-то сделать. Я отодвинулся, встал на трясущихся ногах и побежал в ванную за полотенцем. Намочил теплой водой. Вернулся к ней и прижал полотенце между ног, промакивая, вытирая мою...

– Найл, – повторила она, взяв меня за запястье.

Я сел на пятки и взглянул ей в лицо.

– Тебе больно?

Она недоуменно сдвинула брови.

– Нет?

Она забрала полотенце и притянула меня на себя.

– Не надо меня вытирать. Я хотела насладиться еще несколькими поцелуями после секса. Мне нравится быть растрепанной из-за тебя.

Я растерянно моргнул и наклонился поцеловать ее в щеку.

– Хорошо. Извини.

– Перестань. Все прекрасно, сэр. – Она закинула ногу мне на бедро, а я оперся на локоть и смотрел на нее сверху вниз. – Миссионерская поза – явно твоя сильная сторона. Буду знать.

Я улыбнулся.

– Немудрено. Я занимался этим одиннадцать лет. Честно говоря, то, что ты была сверху... – Я умолк и почувствовал, как мой желудок падает в бездну, когда я понял, что сказал.

Руби подо мной замерла.

– Черт возьми, Руби... Извини, я говорю ужасные вещи в самый неподходящий момент. Я идиот.

Она провела пальцами по моей шее, приподнявшись, чтобы поцеловать меня, – возможно, чтобы заткнуть мне рот.

– Все хорошо.

– Нет, – возразил я сквозь поцелуй.

– Да, – настойчиво и с несвойственной ей жесткостью сказала она. – Уверена, ты чувствуешь странно, впервые занявшись сексом с кем-то другим, после того как была только она.

– Дело не в этом... – начал я и снова умолк, не договорив. Мне надо подумать. Плохо, что я онемел, когда она призналась мне в любви; я не могу опозориться еще раз. – Руби, наверное, я ужасно неправильно выбрал время, но мне нужно сказать тебе, насколько все это для меня по-другому.

Она кивнула и немного расслабилась. Подбирая слова, я старался сохранить ясность, которую я чувствовал несколько минут назад, когда мы были единым целым. Она дала мне нечто настолько редкое – понимание, что значит заниматься любовью, и я тут же все испортил.

– В самом начале наших отношений Порция прочитала статью, в которой говорилось, что мужчинам нужен секс как минимум раз в неделю, иначе они начинают изменять. Чушь собачья, но эта идея глубоко внедрилась в ее сознание. Секс раз в неделю. Не больше и не меньше. Видишь ли, она была очень организована, – сказал я, надеясь добавить в

свой рассказ каплю легкости. – Встречи с коллегами по понедельникам. Секс с мужем по вторникам. Мусор вывозят по четвергам.

Ее глаза наполнились сочувствием.

– О!

– Все было не так уж плохо, – продолжил я, склонив голову и задумавшись над собственными словами. – Но и очень хорошо тоже не было. – Я посмотрел ей в глаза и сглотнул, когда наконец смог сформулировать свою мысль. – Видишь ли... Пожалуйста, пойми, мне трудно было сказать даже это, тем более в теперешней ситуации. – Я окинул преувеличенно долгим взглядом наши тела, давая понимать, что я имею в виду, и она улыбнулась. – Как правило, я не обсуждаю свою личную жизнь. Но теперь моя личная жизнь – это ты. Я хочу, чтобы ты все обо мне знала и о том, что с тобой я совсем другой. К несчастью, это также означает, что ты кое-что узнаешь о моих отношениях с Порцией. Каким-то образом ее подход превратил секс одновременно в особенное событие и трудное дело.

Руби провела пальцем по моей нижней губе, потом по верхней.

– Ты когда-нибудь разговаривал с ней об этом? Когда все закончилось? Я нахмурился.

– На самом деле такой возможности не было. Хотя, точнее, мы слишком устали к этому моменту и было проще просто разойтись.

Вопрос Руби пробудил мысль, которая зародилась во мне уже давно. Почему мы никогда не разговаривали о таких вещах? Наверняка если я был несчастлив, Порция тоже. Могу только представить, как хорошо знающая себя Руби с родителями-психотерапевтами и потребностью все время выражать свои чувства восприняла бы то, как я отреагировал на развод. Попыток примирения не было, попыток объяснить тоже, никаких подведений итогов. В решении покончить с нашим браком было ровно столько же страсти, сколько и в самом браке.

Угадывая мои мысли, Руби повернула меня за подбородок к себе.

– Эй, я же не говорю, что ты должен был. Люди ведут себя по-разному. Я видела твое лицо перед разводом и после него. Я знаю, что со мной ты счастлив. Я спрашиваю об этом, не потому что ревную. Мне претит мысль, что ты был лишен любви, которой заслуживал, но, как бы ужасно это не звучало, меня возбуждает мысль о том, как много я могу тебе дать. – Ее рука погладила меня по животу и сомкнулась на той части тела, которая снова оживала. – Сейчас ты был совсем другой. Знаешь, – она закрыла глаза, лаская меня, – такой властный и грубый.

Я было открыл рот, чтобы извиниться, но она взглядом заставила меня

замолчать и добавила:

– Мне это понравилось.

Не говоря ни слова, я прижался к ней грудью, и мы начали целоваться.

Она направила мой член в себя, и мы снова начали двигаться, шумно, яростно. Я пытался сдерживаться, пытался быть нежным, но ее слова превратили меня в требовательного, властного мужчину, отчаянно стремившегося заслужить ее.

Глава 15

Руби

Я открыла глаза и непонимающе моргнула, увидев незнакомые стены, потолок и темное постельное белье. Все чужое. Секунду я не могла понять, где нахожусь. Это не номер в нью-йоркском отеле и не моя квартира.

Ой.

Я же с Найлом в его постели, голая, и он обнимает меня.

Взгляд на часы дал мне понять, что сейчас одна минута восьмого, и пока я пыталась осмыслить эту цифру, я вспомнила, что прошлой ночью Найл затрахал меня до беспамятства.

Я едва сдержала крик. Закрыла глаза, вспоминая каждую секунду: Найл подо мной, его твердый толстый член во мне, он поднимает бедра, стремясь глубже войти в меня. А потом я кончаю и он кладет меня на ковер. Найл, грубый и обезумевший, держит меня за бедра и входит, входит, входит...

Я широко открыла глаза, когда меня пронзило воспоминание обо всем остальном – о том, что произошло до прекрасного, головокружительного секса. То есть о том, что я умудрилась ляпнуть о своей любви к нему, и о том, как целую вечность он моргал, хлопая длинными ресницами и пытаясь сформулировать тысячу отговорок, перед тем как поцеловать меня в лоб и заявить: «Ты просто прелесть».

Ты просто прелесть.

Наверное, это был самый жуткий момент в моей жизни. С учетом того, что он вспомнил о Порции через несколько секунд после секса.

Сколько раз я говорила Найлу Стелле о том, что я его люблю, и он занимался со мной сексом, чтобы отвлечь меня от того, что он не ответил: один.

Сколько раз Найл Стелла портил состояние блаженства рассказами о сексе с бывшей женой: тоже один.

Что ж, фактически мы занимались сексом два раза.

Я осторожно выскользнула из-под его тяжелой руки. Все тело ныло, ноги и руки затекли, грудь была чувствительна к любому прикосновению. С каждым шагом в сторону ванной боль в мышцах и между ног напоминала мне, какими прекрасными оказались сдерживаемое желание и неудовлетворенность, когда он наконец дал им волю.

Но после? Вовсе не так хорошо. На самом деле, стоило ему заговорить о ней, моим первым порывом было пнуть его по яйцам. Брак Найла сформировал у него ужасное представление об отношениях, и он начал понимать это только сейчас. Что подходит одной паре, не всегда годится для другой, и к счастью, он проявлял готовность меняться.

Мое тело... тело все еще ныло и гудело от того, что было самым крышесносным, самым потрясающим сексом в моей жизни. Мое тело чувствовало, что хорошо было нам обоим.

Но сердце мое сомневалось. Мне было плохо при мысли о том, что если бы я не сказала о своих чувствах, мы бы целовались, обнимались, гладили друг друга, а потом просто уснули. Найл так осторожен и так внимателен, и я знаю, что его уважительное отношение к сексу затмевалось только его новым стремлением показать мне, что он может быть человеком, который мне нужен.

Я быстренько воспользовалась туалетом и сполоснула лицо и руки. Мыло, полотенца – вся ванная пахла Найлом. Уверена, моя кожа тоже им пахнет.

На цыпочках я вышла в гостиную, где повсюду были разбросаны наши вещи. Посреди стояло пустое кресло – напоминание о том, что он не отвел меня в свою постель, а трахнул прямо здесь. Дважды. Я пыталась не искать в этом никакого подтекста. Может, он просто был сильно возбужден. Или секс в его постели был для него новым пугающим рубежом.

Лифчик висел на подлокотнике, юбка валялась в нескольких футах дальше на ковре, Я собрала одежду, вспоминая произошедшее.

Как он смотрел, стаскивая с меня юбку.

Как он сосал мою грудь.

Его рот, когда я расстегнула ремень на брюках.

Как это было, когда он наконец, наконец вошел в меня.

Испуг на его лице, когда я сказала, что люблю.

Одеваясь, я услышала, как Найл заворочался, и пожалела, что не ушла, пока он спит. Я была в растерянности. Но я знала, что он первый никогда не заговорит о том, что прошлой ночью мы занимались сексом, и это придется сделать мне.

Но даже я, любительница обсуждать все на свете, не хотела говорить о том, о чем мы должны были поговорить.

Ну, насчет прошлой ночи... я случайно заставила тебя заняться со мной сексом? Или ты настолько не доверяешь своим инстинктам, что решил поддаться моим желаниям?

– Руби? – хрипло позвал он.

Я отправилась обратно, и мои босые ноги неслышно ступали по деревянному полу. Когда я вошла, он сел. Простыня упала до пояса, обнажив его грудь, и он вобрал взглядом то, что ему явилось: одетая я с туфлями в руках.

– Привет, – сказал он, и в его голосе послышался вопрос. Выражение его лица было еще сонным, но в глазах уже появилось замешательство. Во мне боролись чувство вины и раздражение, и я прижала одну руку к животу, пытаясь успокоиться.

– Я кое-что забыла, – соврала я и по его лицу сразу поняла, что он это знает. – Мне надо сбежать домой перед работой.

– Сейчас? – Он спустил длиннющие голые ноги с кровати. Его волосы были в восхитительном беспорядке. Ооо. – Я тебя отвезу.

– Не надо, все нормально. Я...

– Руби, прекрати, – решительно сказал он. – Сейчас я оденусь.

Он встал, совершенно обнаженный, и, ведомая непонятным приступом вежливости, я отвела глаза в сторону. Это было очень заметно.

Естественно, он заметил. Я веду себя как дура.

– Все хорошо? – спросил он, надевая спортивные штаны. – Непохоже на тебя – отводить взгляд, увидев меня голышом. На самом деле обычно бывает наоборот.

Он меня дразнит. *Пытается.*

Я пожала плечами, оглядываясь на него и с трудом фокусируя взгляд на его лице.

– Просто слегка паникую.

Просто я поняла, что призналась тебе в любви после нескольких недель знакомства, и что самое ужасное – это правда.

Просто я поняла, что вчера ты занимался со мной сексом из жалости.

Просто я поняла, что психую, видимо, безо всяких причин, и мне просто надо сейчас уйти, выпить кофе и перекусить, пока я не наделала глупостей.

– Хочешь сесть со мной рядышком и рассказать, почему ты «слегка паникуешь», после того как мы трахались как безумные ночь напролет? Я думал, что усталость помешает твоим мыслительным процессам. По крайней мере, они не восстановятся до половины восьмого утра. Мне до сих пор так кажется.

Я посмотрела на него, оценила шутливый тон и вяло улыбнулась.

– Может, сегодня за ужином?

Он кивнул и сузил глаза, рассматривая меня. Я словно нажала на

переключатель в его голове. Переключатель, который заставил его задуматься, что же, черт возьми, произошло прошлой ночью.

– Ладно.

Черт.

Я обулась в балетки и провела пальцами по волосам, пытаюсь пригладить их, когда на столике рядом с кроватью зазвонил телефон.

Он нагнулся, взглянул на экран, потом на часы. Поколебавшись, сказал:

– Надо ответить. Подождешь меня?

И он ушел в ванную, закрыв за собой дверь.

Как неловко. Если бы это был звонок с работы, он мог поговорить при мне.

Послышался его нежный голос, говорящий:

– Порция? Сейчас семь утра. Что случилось, дорогая?

Я схватила сумку и вылетела из квартиры.

Удивительное свойство Лондона – вам не надо водить машину, чтобы попасть в нужное место. Хотите кофе? На улице по соседству дюжина кофеен. Хотите зайти в «Селфридж» перекусить? Метро «Оксфорд-стрит» через дорогу. Знаменитые красные автобусы останавливаются на каждом углу, и есть даже специальный маршрут, по которому можно доехать до Темзы. Хотите избежать неловкой поездки в такси с человеком, который затащил вас в постель? К счастью, короткая поездка на метро до остановки «Саутворк» – и я в нескольких шагах от офиса.

Когда я вышла из метро, шел дождь. Я быстро приняла душ, забежав домой, но не стоило утруждать себя. Мои балетки тут же промокли в луже и захлюпали. Автомобили разбрызгивали воду на узкий тротуар, и даже зонтик не спасал меня от ливня. К счастью, если прижаться поближе к витринам магазинов, навесы дают дополнительную защиту.

К тому моменту, как я вошла в «Ричардсон-Корбетт», я промокла до нитки. Я отжала юбку и жакет, утешая себя, что волосы и так высохнут. Кроме того, душ и прогулка до офиса дали мне время немного прийти в себя.

Все эти слова – «Я люблю тебя», «Ты просто прелесть» – это чепуха. Мы сделали то, что сделали. Я нырнула с головой в эти отношения, а он слегка замочил ногу и отошел подумать, не слишком ли холодная вода. И нечего тут обсуждать.

Мне также надо успокоиться после того, как он легко заговорил о Порции, а потом ушел в ванную ответить на ее звонок. Честно говоря, я

заиклилась на этом и пыталась придумать хоть какое-то объяснение. У него была только одна женщина, и он был женат на ней больше десяти лет. Конечно, было бы странно не ответить, верно?

В коридоре я столкнулась с Пиппой, которая окинула меня внимательным взглядом и сказала:

– Вот, возьми, – и протянула мне свою чашку кофе.

– Так плохо? – спросила я.

– Ты себя видела?

– Что ж, все ясно, – сказала я, подходя к нашему общему столу. – Спасибо.

Пиппа кивнула и села напротив меня.

– Все в порядке?

Я кивнула, сделав глоток кофе.

– Да, все хорошо. – Я бросила взгляд на экран телефона, где мигал значок аудиосообщения. Я нажала кнопку и сказала Пиппе: – Еще нет девяти утра, а уже столько всего было. У меня только что случилась такая драма, словно я героиня плохого ситкома... – Я помолчала, слушая голосовую почту, выключила телефон и выругалась: – Вот дерьмо. Энтони хочет видеть меня как можно скорее. Почему так рано?

– Все не так плохо. Я видела имейл с поздравлениями в адрес нью-йоркской команды. И эскиз реконструкции моста, над которым ты работала, был принят без единого замечания. Наверное, он только что осознал, что идет дождь, а он еще не видел тебя в этой блузке. – Она ухмыльнулась, закатив глаза. – Рассчитывает на шоу мокрых маек, если ты понимаешь, о чем я.

– Прекрасно, – ответила я, падая в кресло. Покопалась в ящике в поисках косметички и запасного кардигана. – Ладно, приведу себя в порядок, а потом схожу к нему.

– Давай, детка, – ответила она.

– Вы хотели меня видеть? – произнесла я, заглядывая в кабинет Энтони.

Он отвернулся от книжной полки со словами:

– Да, мисс Миллер. Входите.

Мисс Миллер?

Я вошла, и он добавил:

– Пожалуйста, закройте дверь.

У меня сердце упало в пятки.

Я послушалась, потом пересекла кабинет и остановилась перед столом

рядом с креслом для посетителей.

– Да, сэр? – произнесла я, и у меня по позвоночнику пробежали мурашки.

– Мне надо поговорить с вами на очень серьезную тему. – Он вернул на место пухлый том в кожаном переплете и подошел к столу. – На самом деле у вас нет выбора.

Мне уже доводилось видеть Энтони таким: серьезным и одновременно хитрым, пытающимся заставить меня добиваться от него ответа.

Я стояла напротив него и улыбалась.

– В чем дело, Энтони?

Он сузил глаза.

– Лучше обращаться ко мне «мистер Смит».

Я проглотила слова, которые мне очень хотелось сказать в ответ: «В первый день на работе ты уставился на мои сиськи и велел называть тебя по имени», но вместо этого я произнесла:

– Простите. М-м-м, мистер Смит.

Энтони расстегнул пиджак и сел за стол, придвигая к себе стопку бумаг – договоров с красными и желтыми стикерами в тех местах, где ему надо поставить подпись.

– С учетом вашего довольно непрофессионального поведения в Нью-Йорке и после... – начал он, и у меня сжалось сердце. – Вернее, с учетом вашего давнего увлечения вице-президентом фирмы и домогательств...

– Домогательств?

Он пролистал несколько контрактов, даже не утруждаясь поднять на меня взгляд.

– Мне велели попросить вас сохранять отношения с мистером Стеллой чисто профессиональными или прекратить стажировку в «Ричардсон-Корбетт».

– Что? – выдохнула я и, задрожав, села в кресло напротив него. – Почему?

– Нам, нескольким топ-менеджерам, стало очевидно, что вы ведете себя непрофессионально, – сказал он, беря ручку. – Вы отвлекаетесь и работаете в лучшем случае посредственно. Не думаю, что мне имеет смысл уточнять.

– Но это не...

Несправедливо, хотела сказать я, но умолкла. Не буду добавлять в мой список проступков еще один: «ведет себя как подросток».

Я попыталась еще раз:

– Не могли бы вы объяснить, почему эта тема обсуждается кем-то

помимо мистера Стеллы и меня? Мы не нарушали никаких правил!

– Мисс Миллер, пожалуйста, не думайте, будто вы можете подвергать сомнению мои решения, касающиеся этой компании и ее сотрудников. – Он поставил подпись, и от скрипа ручки по бумаге я занервничала еще больше. – Вы стажер, то есть временный работник в Соединенном Королевстве, следовательно, я ничего не должен объяснять вам. Но принимая во внимание вашу молодость... – это прозвучало так оскорбительно, что мне показалось, будто меня ударили. – Надеюсь, это будет стимулом для вашего роста. Ваше недавнее поведение, при том что его нельзя охарактеризовать как непристойное, является неподобающим. Я обратил внимание на ваше... увлечение вице-президентом фирмы...

– Я не сделала ничего неподобающего, – повторила я. – Может, я вела себя не слишком умно, готова это признать. Но не нарушила правила. Я не подчиняюсь Найлу.

– Найлу, – повторил он, с улыбкой глядя на документы. – Да. Что ж, такие ситуации порой выходят из-под контроля и мы в руководстве компании считаем, что вам нужно либо прекратить отношения, либо закончить стажировку.

Мое лицо горело от злости, и я была на грани слез. Плачут только дети; я не хочу, чтобы он думал, что он прав, оскорбляя меня. Я несколько раз моргнула. Что бы ни происходило, я не покажу ему, как он задел меня.

– Могу я поговорить с мистером Корбеттом? – спросила я, стараясь сохранять спокойствие. – Думаю, мне надо с кем-нибудь объясниться.

– Ричард предоставил мне право принимать любые решения, касающиеся моего департамента.

Я вся пылала и не могла больше сдерживаться.

– О'кей, проясним ситуацию. Вы предложили Найлу прибрать меня к рукам, а теперь вы увольняете меня, потому что думаете, он так и сделал.

Энтони вскинул голову и вспыхнул.

– Вы не осмелитесь это повторить.

– Конечно, – я продолжала кипеть, – я предпочту закончить стажировку. Это один из самых невероятных разговоров в моей жизни.

– В таком случае, – с отсутствующим видом произнес он, подписывая очередной документ, – я оформлю приказ о вашем увольнении и позабочусь, чтобы вы получили копию перед уходом.

Дождь закончился, и я отправилась на прогулку, чтобы привести мысли в порядок. Ушла достаточно далеко, чтобы слышать звон Биг-Бена. Я инстинктивно потянулась за телефоном и обнаружила, что забыла его на

столе. Оставила, перед тем как пойти к Энтони. Думала, что отойду ненадолго, а потом убежала из офиса. Интересно, Найл уже приехал? Искал меня, звонил?

И тут я осознала, как далеко зашла вся эта история и что в словах Энтони было зерно правды. Моя первая мысль была не о работе и не о том, что я в пяти тысячах миль от дома. Не о том, где я буду жить. Не о том, на что я буду покупать еду и как я смогу оплачивать счета. Не о месте в оксфордской программе. Не о том, как много я работала и скольким пожертвовала, чтобы получить это место.

Только о Найле Стелле.

Когда я вернулась в офис, предмет моих мыслей ходил взад-вперед по кабинету. Заметив меня, он выскочил в коридор и затащил к себе.

– Где ты была? – спросил он, закрывая за нами дверь.

Должно быть, я выглядела еще хуже, чем предполагала, потому что он внимательно посмотрел на мои мокрые волосы и бледную кожу, влажную одежду и расстроенное лицо.

– Зависит от того, что ты имеешь в виду, – ответила я. – Сначала я убежала из твоей квартиры, потому что считала, что я манипуляциями заставила тебя заняться со мной любовью.

Он с удивленным видом начал было что-то говорить.

Но я подняла руку, заставив его замолчать.

– Потом я была в кабинете Энтони, где он бранил меня. А после этого я пошла прогуляться.

– О манипуляциях мы поговорим позже. Ну правда, Руби. – Он выдохнул и шагнул ко мне. – Что там насчет Энтони? За что он тебя бранил?

– Не хочу это обсуждать. Я хочу вернуться домой, выпить, подремать и поужинать с моим бойфрендом.

Он вздрогнул.

– Насчет этого... – Найл провел ладонью по лицу и взглянул на меня. – Может, я буду занят.

Я упала в мягкое кресло у окна. Не хочу обсуждать с ним свой уход и его причины. И совершенно точно я не хочу быть одна после всего произошедшего.

– Правда? И ты не можешь поменять планы? Мне надо попсиховать, и я нуждаюсь в помощи твоего рационального разума.

Он сел напротив меня с таким видом... да, по правде говоря, он выглядел испуганным.

– В чем дело? – спросила я.

Он сглотнул и взглянул на меня.

– Ты ушла в тот момент, когда позвонила Порция.

– Да, – поморщилась я. – Это одна из причин того, что я психую.

– Совершенно понятно, дорогая, – начал он, подавшись на мне. – Просто... может, оно и хорошо, что ты ушла. Мы разговаривали довольно долго.

– Все в порядке?

Он ответил не сразу, и мое сердце болезненно сжалось. Я с самого начала расстроилась, потому что он не предложил ей перезвонить попозже. Должно быть, он услышал, как хлопнула входная дверь, и не потрудился пойти за мной. Но только здесь, в его кабинете, я вдруг подумала, что пока мы были в Нью-Йорке, могло случиться что-то плохое. Порция не заболела?

Он облизал губы, потом тихо сказал:

– Она позвонила, потому что хочет примирения. – У него вытянулось лицо, словно он ждал моих соболезнований из-за этого неловкого события...

Но вместо этого мой мир остановился, раскололся пополам, а потом рассыпался на мелкие кусочки.

Я несколько раз моргнула.

– Она что?

Она хочет примирения, – повторил он и тяжело вздохнул. – Я удивлен не меньше тебя, поверь мне. Она сказала, что хочет со мной поговорить откровенно.

– И... – начала я, чувствуя, как у меня перехватило горло. – Ты согласился?

– Не примириться, – уклончиво ответил он. – Но одиннадцать лет совместной жизни – это долго. Мы были вместе еще с подросткового возраста. После нашего с тобой разговора прошлой ночью и твоего вопроса, обсуждали ли мы наши проблемы, я чувствую себя обязанным по крайней мере выслушать ее.

Он помолчал в ожидании моего ответа, но я не знала, что сказать. Совсем.

– С учетом тебя и меня, наших отношений, я считаю, что должен сказать тебе, что собираюсь поужинать с ней сегодня вечером, – осторожно продолжил он, – и сообщить, что Порция хочет поговорить со мной о том, что она, по ее мнению, заслуживает второго шанса.

– И какие шансы у нее есть? Фифти-фифти?

Он неловко рассмеялся в ответ на мои резкие слова. Но мне не было жаль.

– О господи, нет, Руби.

– Но ты согласился, – с упреком в голосе напомнила я. – Мы говорим о том, что у твоей жены нет шансов на примирение, да?

Его лицо изменилось, как будто до сих пор ему в голову не приходило взглянуть на это с такой стороны. Судя по всему, для него это лишь жест вежливости. Но если это и правда лишь вежливость и он не захочет снова жить с ней, почему он просто не сказал ей, что его девушка только что выбежала из квартиры в истерическом состоянии и не могла бы она сказать ему это все позже и по телефону?

– Ну, я не могу представить, чтобы мы снова начали жить вместе...

– Значит, ты идешь просто из учтивости?

Он закрыл глаза и выдохнул.

– Звучит ужасно.

– Значит, ты идешь не просто из вежливости?

– Я не...

– Просто скажи мне! – воскликнула я. – Потому что сейчас это выглядит так, что вчера ты спал со мной, а сегодня возвращаешься к бывшей жене! – У меня выступили слезы на глазах, но я слишком измучилась, чтобы утереть их.

– Руби, я ужинаю с ней сегодня не для того, чтобы вернуться к ней.

– Но это возможно.

Он зажмурился.

– Я не могу себе это представить. Но, Руби, ты еще молода и ты н...

– Прекрати, – сказала я, и мой голос звучал пугающе даже для меня самой. Я машинально сжала ладони в кулаки; чаша моего терпения была на грани того, чтобы переполниться. – Не надо. Дело не в моем возрасте. Я никогда не была наивной. Я просто проявляла понимание, пока ты разбирался со своим... багажом.

Он прокашлялся и кивнул, сокрушаясь.

– Ты права, извини. Я просто имею в виду, что это жестоко – даже не поговорить, что нам следовало сделать много лет назад. Ты, человек, который так прекрасно выражает свои чувства, ты должна понять меня. Может быть, этот разговор принесет нам облегчение.

Мое сердце так болело, что я с трудом могла дышать.

Он наклонился и взял меня за руку, но я выдернула ладонь. Мука в его глазах была почти невыносимой. *Что он творит?* Нам было так хорошо. *Я отпугнула его?*

– Дорогая, – спокойно произнес он, и что-то в моем мозгу напряглось, пытаюсь уловить снисходительность в его тоне. – Я хочу облегчить твоё беспокойство, но я должен объяснить тебе, что для меня значит встреча с бывшей женой. Я понимаю, насколько это было бы нечестно, если бы я сказал тебе, что наша встреча ничего не значит, а потом отправился бы выслушивать ее с открытой душой.

– А у тебя открытая душа?

Его ответ разбил мое сердце.

– Во всяком случае, я пытаюсь. Уж это я ей должен, по крайней мере.

Я молча кивнула. Я видела, как он страдает, и мне было больно за него, но еще больнее мне было за себя. Он хочет поговорить с ней, чтобы испытать облегчение, чтобы прийти к завершению. Но я знаю, что в глубине души он не захотел обсудить с ней все по телефону, потому что хотел знать, вдруг она изменилась. Может ли им быть комфортно вдвоем – лучше, чем раньше.

– Тогда до завтра? – сказал он. – Может, пообедаем?

Я чуть не рассмеялась на абсурдность этого «пообедаем». Все равно что с клиентом. Я только что пожертвовала работой, чтобы остаться с ним, а он собирается на ужин с бывшей женой, чтобы обсудить примирение.

Неужели это происходит на самом деле?

Я кивнула, стиснув челюсти и будучи не в состоянии поднять на него глаза.

– Конечно.

Склонив голову, он спросил:

– Ты скажешь мне, что произошло с Тони? Мы обменялись парой слов. Он заставил Ричарда написать мне довольно суровое письмо. Надеюсь, основной удар за то, что произошло между нами в Нью-Йорке, достался мне?

Между нами. В Нью-Йорке.

Не прошлой ночью. Не той ночью, когда я так сильно надала на тебя, что вынудила задуматься о возвращении к женщине, которая сделала тебя несчастным, но при этом позволяла тебе оставаться в твоей раковине.

– О да, – с отсутствующим видом сказала я. Все во мне онемело. Я встала и пошла к двери. – Он тоже написал мне письмо.

Глава 16

Найл

Несмотря на предложение встретиться на нейтральной территории, Порция настояла на том, чтобы я пришел к ней домой, в нашу старую квартиру, на ужин. После разговора с Руби у меня остался камень на душе, какие-то смутные сожаления. Уходя из офиса, я написал ей смс, что позвоню позже или заеду, если она хочет, но она не ответила. Я знал, что она обиделась на то, что я решил поговорить с Порцией, и по правде говоря, не мог ее винить. Но я надеялся, что она поняла мои намерения. В конце концов, я не собирался воссоединяться с Порцией; теперь я с Руби. Мы – это мы.

Но Руби сказала дельную вещь: зачем же я тогда иду на ужин к бывшей жене? Могу ли я честно сказать, что единственная причина нашей встречи – дать Порции возможность высказаться и тем самым расставить все точки над i? Может быть, в глубине души я надеюсь, пусть едва-едва, что если бы мы начали общаться, нам было бы хорошо вдвоем? В конце концов, мы знаем друг друга как свои пять пальцев. К этому так легко вернуться.

Но при мысли об этом мне стало неприятно и меня охватило чувство вины. Я уже расставил все точки над i. Я не испытываю ни сожалений, ни надежд по поводу нашего брака. В нем было холодно и одиноко. Я даже не чувствовал, что женат на лучшей подруге; это было все равно что жить вместе с коллегой.

Что она может сказать такого, что изменит мою точку зрения? Иду ли я к ней только потому, что сейчас, со своим новообретенным счастьем, я просто чувствую неловкость по отношению к бывшей жене?

Я хотел позвонить Руби перед ужином, сказать, что у Порции действительно нет шансов и что, может быть, я был неправ, дав бывшей жене повод думать иначе, но какая-то темная сторона меня просто испытывала любопытство: за все время наших отношений Порция никогда не была такой открытой и настойчивой, как в этом телефонном разговоре.

Я пришел в такое волнение, что на несколько минут забыл, что Руби ждет, пока я отвезу ее домой. Когда я вышел из ванной с телефоном в руке, она уже ушла.

Еще на лестнице я почувствовал запах моей любимой пасты – с

колбасками, перцем и тмином. Играла музыка – моя любимая запись Брамса в исполнении Венского филармонического оркестра. Дверь в квартиру была незаперта, и надо было лишь привычным движением плеча открыть ее.

Я нагнулся погладить Дейви, когда он подбежал ко мне, вскочил на задние лапы и оперся передними о мои колени.

– Привет, дружок, – сказал я, почесав его за ухом.

Услышав стук тарелок, я поднял взгляд. Босая Порция стояла на кухне, одетая в хлопковые штаны, футболку и передник. Я моргнул, и у меня отвисла челюсть. Редко мне доводилось видеть ее без жемчугов.

Обернувшись ко мне, она ослепительно улыбнулась. Я напрягся.

– Привет, – сказала она, наливая бокал красного вина и подходя ко мне. Вручила мне бокал и подставила щеку для поцелуя. – Добро пожаловать домой.

В этот момент мне захотелось развернуться и уйти. Быть здесь – неправильно. У меня возникло чувство невыносимого дискомфорта, кожу защипало. Это все неправильно, понял я. Руби была права.

– В твой дом, – подчеркнул я, аккуратно поставив бокал на буфет. – Я живу на расстоянии в несколько станций метро отсюда.

Она отмахнулась, повернувшись к кухонному столу и раскладывая пасту по тарелкам.

– Я до сих пор не видела твою квартиру.

– Там не на что смотреть, – ответил я, пожав плечами.

Порция кивнула в сторону столовой, и я напрягся. Я тут всего лишь две минуты, и она уже ведет меня к столу с таким видом, будто я просто вернулся с работы. Никаких объяснений, никакой светской беседы. Никакого добродушного подшучивания друг над другом.

Я пошел следом за ней. Странное зрелище – видеть стол, уставленный цветами и свечами, сервированный салфетками, которые подарила нам семья Уинн на свадьбу. Канделябр, который ее родители подарили нам на пятую годовщину. Когда мы жили тут вместе, время от времени Порция готовила, но каждый раз это выглядело так, будто она делает мне одолжение для сохранения нашего брака.

Я нащупал телефон в кармане, отчаянно сожалея о том, что не позвонил Руби перед тем, как прийти сюда.

Мы сели за стол. Порция передала мне перец, потом положила салфетку себе на колени. Дейви свернулся клубком на полу, положив голову мне на ступни. Снаружи, шурша влажными шинами, проезжали машины. Внутри, как обычно, за обеденным столом царило молчание.

– Как прошел день? – наконец спросила она, уставившись на свою тарелку пасты.

День? Как насчет того, как прошел мой месяц, точнее, последние одиннадцать лет моей жизни?

– Все... – начал было я и умолк. И внезапно на меня нахлынуло ужасающее осознание: нет здесь никакой тайны. Нет никакого секрета в грустном одиночестве, в котором мы существовали. Так было и так всегда будет, вот и все.

Порции одиноко, и она с трудом осваивается в новой жизни. В некотором роде со мной происходит то же самое. Я сосредоточился на повседневной рутине и тратил все свободное время на спорт. Я даже не замечал, что Руби много месяцев смотрит на меня влюбленными глазами.

А теперь Порция смотрит на меня и ждет, когда я договорю.

– Все странно.

Странный ответ; идеальный повод для нее задать еще больше вопросов. Но ко мне вернулось спокойствие, и я попытался сосредоточиться на еде. Звук, с которым она пережевывала пищу, был таким же знакомым, как и запах дерева в столовой, и прохлады каменного пола.

– А как твои дела? – спросил я в ответ, пытаясь войти в русло нормального разговора. Не сработало. Паста ложилась свинцовым грузом в желудке, а в голове была только Руби. – Порция, я не могу... – начал было я, но она перебила меня.

Ее слова оказались совершенно неожиданными.

– Нам было плохо вместе, правда?

Я грустно засмеялся.

– Ужасно.

– Я думала, мы можем... – Она замолчала, и в первый раз после прихода я увидел ее усталость и уязвимость. Она провела ладонью по лицу. – Честно говоря, не знаю, о чем я думала, Найл, когда приглашала тебя на ужин. Я хотела тебя увидеть. Я скучала по тебе, видишь ли. Не уверена, что раньше я ценила тебя по достоинству.

Я поднес бокал с вином к губам и ничего не ответил. Попытался взглядом дать ей знать, что понимаю ее, что какая-то часть меня радуется нашей встрече.

Конечно, я никогда не был хорош по части притворства. Я закрыл глаза и вспомнил прошлую ночь. И в этой столовой, которая когда-то была моей, с этой женщиной, которая когда-то была моей женой... Я знал, почему мне так плохо. Потому что я люблю Руби.

Я люблю ее.

– Дело в том, – продолжила Порция, ковыряясь в тарелке, – что теперь, когда ты здесь, я не знаю, что сказать. С чего начать. Так много всего... – Она подняла на меня взгляд. – Слишком много привычки. Мы ведь совсем не разговаривали, верно?

Меня кольнуло, словно иглой. Руби говорила о своих чувствах, страхах, мечтах и стремлениях. Хотела, чтобы я тоже говорил с ней. Она делала все, чтобы у нас это вошло в привычку, и я был ей благодарен за это. Ценил ее честность.

Ценил, пусть даже она меня пугала. Она сказала мне, что она должна кое-что обсудить со мной, что я ей нужен. Но я долго не мог разобраться с собственными мыслями.

– Мне даже не надо спрашивать, я вижу, что мысленно ты не здесь, – тихо сказала Порция, оторвав меня от размышлений. – Ты пришел только из вежливости.

Я ничего не сказал, но мое молчание было ответом.

– Но я это ценю, правда. Я не всегда была тебе хорошей женой, Найл, и теперь я это знаю. И я ошибалась, считая, что мы можем вернуть все назад. Мне хотелось думать, что мы можем найти что-то, чего раньше между нами не было, но вот ты здесь, такой настороженный... Я это вижу. Между нами все кончено.

– Прости, Порция, – сказал я, откладывая вилку. – Я хотел выслушать тебя, потому что чувствовал, будто должен это сделать. И я должен был это самому себе – понять, что ты думала все это время, пока мы были женаты. Но это правда: сегодня я думаю совершенно о другом.

– Должна заметить, – произнесла она, – очень неожиданно видеть тебя таким... расстроенным.

Я снова извинился.

– Нечестно с моей стороны...

– Знаешь, – перебила она, – когда ты съезжал, ты производил впечатление человека, которого все устраивает. Помнишь, что ты сказал мне перед уходом? «Всего хорошего». Я протянула тебе папку с твоим паспортом и прочими документами, а ты ласково улыбнулся и сказал: «Всего хорошего». Разве это не удивительно?

Я оперся подбородком на ладонь.

– Уходя, я не испытывал радости, Порция, но я чувствовал *что-то*. Я просто не знал, как это назвать и как выразить. Ощущение неудачи. Или сожаления. – Я взглянул на нее и признался: – И облегчение.

– О, – выдохнула она. – Я тоже все это чувствовала. А потом вину за

это облегчение. И я столько думала все эти месяцы. Как я могла провести такую большую часть своей жизни с человеком, который радовался нашему расставанию? Могла ли я что-то улучшить?

Я улыбнулся и согласно кивнул.

– Что ж, – продолжила она, сворачивая салфетку и кладя ее на стол. – Больше всего на свете я...

– Порция, я люблю другую женщину. – Эти слова вырвались у меня так неожиданно, что я тут же захотел взять их обратно. Я наклонил голову и поморщился.

Лишь спустя несколько долгих секунд она ответила:

– Дорогой?

Не глядя на нее, я услышал, как она сглотнула, потом перевела дыхание.

– Скажи мне, что она не делает тебе больно.

– Наоборот. Думаю, это я делаю ей больно.

– О, Найл.

Я поднял голову и уставился в потолок.

– Извини. Я не хотел, чтобы это прозвучало так.

– Мне легче от того, что твоя жизнь продолжается, пусть даже слышать такие вещи некомфортно. – Она помолчала, сделала глубокий вдох. – Я угадываю это по твоему голосу, по твоим глазам. Это напряжение и нетерпение. Я никогда не могла вызвать у тебя такую реакцию. Временами я вела себя ужасно, я знаю. Но ты переносил это с таким стоическим терпением. Знаешь, каково это – понимать, что ты не можешь вызвать у тебя хоть какую-то эмоциональную реакцию?

Я взглянул на женщину, с которой я плохо обращался и которая плохо обращалась со мной.

– Прости, Порция.

Она слабо улыбнулась.

– Не стоит. Это не твоя вина.

– У тебя все хорошо? – спросил я.

– В общем и целом да, – сказала она. – Так или иначе. Первые несколько месяцев после развода я была сама не своя. Транжирила деньги, встречалась с кем попало.

Ничего. Я *ничего* не почувствовал при этих словах.

– Недавно я начала серьезные отношения кое с кем. – Она поиграла с кольцом для салфетки. – Думаю, именно поэтому последнее время я в панике. Трудно быть с кем-то другим, страшно повторить прошлые ошибки. Мы были вместе так долго, Найл, что встречаться с кем-то еще

казалось неправильным, словно я тебе изменяю.

Я взглянул на нее. Лично я никогда не чувствовал ничего подобного, но я понимал, что она имеет в виду. Она боится. Ей трудно узнавать потребности другого человека. Она постоянно беспокоится, что у нее не получится.

– Это кое-кто, с кем я и раньше была знакома. – Она заколебалась. – С работы.

У меня в мозгу что-то щелкнуло.

– Стивен? – предположил я.

Я помнил, как он на нее смотрел. Только сейчас до меня дошло, каким я был равнодушным во время деловых обедов и заезжая к ней в офис, чтобы привезти какую-нибудь вещь, которую она забыла. Стивен постоянно бросал на Порцию пылкие взгляды, по крайней мере, когда я был поблизости.

Если бы кто-то смотрел на Руби такими же глазами, как Стивен на Порцию, я бы его убил.

И тут меня словно кипятком обдало: так смотрит на нее Тони.

– Тогда ничего не было, – сказала она. – Честное слово, Найл.

– Я верю тебе. И я не удивлен, Порш. Я видел, как он на тебя смотрит.

Она рассмеялась.

– Да. Так же, как та девочка с твоей работы, которую я видела, когда привезла документы на подпись. У нее глаза светились при виде тебя.

У меня внутри что-то сжалось. Господи. Даже Порция это заметила.

– Руби? – спросил я, и от звука ее имени у меня перехватило горло.

– Высокая, красивая. Американка?

Мне надо выпить. Кивнув, я поднес бокал к губам и подтвердил:

– Да, она.

Глаза Порции понимающе расширились.

– Вы встречаетесь? – Она помолчала. – Ты ее любишь?

Я кивнул, не сомневаясь ни секунды.

– Она так долго о тебе мечтала, и теперь вы вместе? – Интонации Порции напоминали голос школьницы. Вот оно, свидетельство того, что теперь мы далеки друг от друга. Она пригласила меня, чтобы обсудить воссоединение, и так легко отбросила эту идею. – Найл, это так романтично.

– Как у тебя со Стивеном?

– Ну, не уверена, но может быть. – Она подалась вперед, склонила голову вбок и спросила: – Расскажешь мне, как это произошло?

Сердце мое колотилось в груди, и я исповедовался Порции.

Рассказал ей о Нью-Йорке, о том, что Тони не смог поехать и отправил вместо себя Руби. О том, что Руби была влюблена в меня много месяцев, а я ничего не подозревал, о том, какая она красивая, веселая, как мне легко с ней. Я рассказал о своих страхах, желаниях и колебаниях. И хотя я не обязан был об этом говорить, я сказал, что знаю, Руби нужно от меня больше – больше общения, больше близости, и что я искренне пытаюсь дать ей это.

– А потом я пошел к тебе на ужин, – добавил я. – Я не мог сказать ей, что это ничего не значит, потому что это я бы солгал, я ведь действительно хотел выслушать тебя, Порция, но я не хотел, чтобы она думала, будто я собираюсь к тебе вернуться. Она выглядела совершенно разбитой. – Я застонал, вспоминая отсутствующее выражение ее лица и то, как она вышла из кабинета и ушла из офиса. – Я сделал все не так.

– Найл, – мягко произнесла она. – Ты знаешь, ты должен будешь все исправить.

Я кивнул, мне было плохо. Не уверен, легко ли это сделать. Я все испортил.

Она помолчала.

– Я люблю тебя, ты ведь знаешь это.

В ее словах прозвучала необычная резкость. За все время нашей совместной жизни она говорила это лишь несколько раз, а сейчас эти слова вырвались у нее куда более охотно.

Я улыбнулся и ответил:

– Я тоже тебя люблю, Порш.

А потом прозвучал знакомый приказ:

– Тогда иди и все исправь.

Я сбежал по ступенькам на улицу, набирая номер Руби.

Звонок, еще звонок.

До сих пор я ни разу не слышал, чтобы включалась голосовая почта, и при звуке ее голоса, записанного на автоответчик, мое сердце сжалось и я занервничал еще сильнее.

– Привет, это Руби! Оставьте мне сообщение, и скорее всего, я напишу вам смс в ответ, потому что я ненавижу звонить, но если вы звоните по этому номеру, наверняка вы уже это знаете, и я прощена. – *Би-ип*.

– Руби, – начал я, – это я, Найл... – Я помолчал, запустив руку в волосы. – Я только что вышел от Порции. Руби, я не знаю, зачем я пошел к ней. Не стоило мне это делать. Пожалуйста, позвони мне. Хочу увидеть тебя сегодня вечером. Это было так глупо. Мне *нужно* тебя увидеть.

Но шли часы, она не позвонила и не прислала смс.

Следующим утром я приехал на работу довольно рано и был удивлен, не увидев Руби за столом. Ее подруга Пиппа была уже на месте, и когда я подошел, точно зная, что она в курсе наших отношений с Руби, она моргнула и поморщилась.

– Пиппа?

Она оценивающе взглянула на меня.

– Да?

– Ты что-нибудь слышала от Руби? Не знаешь, когда она появится?

Раздражение на ее лице сменилось замешательством.

– Появится?

– На работе, – уточнил я, хотя мне казалось, это очевидно.

– Ты что, сумасшедший?

Я попытался подобрать разумный ответ и остановился на следующем:

– Не думаю.

Несколько секунд она рассматривала меня.

– Ты и правда не в курсе? – спросила она, вставая. – Руби уволили, идиот.

Я моргнул.

– Что? Уволили?

– Уволили.

– Ее уволили?

Пиппа безрадостно засмеялась и покачала головой.

– Ее заставили выбирать между стажировкой и отношениями с тобой.

Вчера днем она хотела сказать тебе об этом, но у тебя, судя по всему, были другие планы?

Ох.

Ох.

Черт... побери... все это...

Моя паника дошла до предела, сердце сжалось, а потом понеслось вскачь.

– Она... – выдохнул я, оглядываясь, словно в надежде, что она откуда-нибудь появится. Как будто это игра.

Тони заставил ее выбирать между работой и мной.

Она выбрала меня.

И пришла к выводу, что я выбрал Порцию.

– Черт бы меня побрал, – прошептал я.

Пиппа фыркнула.

– Именно.

В ярости я влетел в кабинет Тони.

– Ты, наверное, пошутил.

Он с удивленным видом встал.

– Найл.

Девушка-стажер, которую я не сразу заметил, поднялась из кресла, разглаживая юбку, и тихо произнесла:

– Прошу прощения.

Мы оба наблюдали, как она уходит; ее молодость и красота словно нажали во мне на спусковой крючок. Я едва дождался, чтобы она закрыла за собой дверь, перед тем как повернуться к Тони и яростно прорычать:

– Скажи мне, почему я не должен прямо сейчас ударить тебя головой об стол!

Тони поднял руки.

– Это политика моего отдела, Найл. Правила, которые я объявил Руби, когда она начала работать в моей группе. Я не могу допустить слишком близкие отношения.

– С каких это пор? – я кивнул на дверь. – Ты установил это правило до или после того, как нанял вот эту? – Я сделал шаг вперед. – До или после того, как ты предложил мне прибраться к рукам Руби? До или после того, как ты начал восхищаться ее грудью и ногами?

Он моргнул и нервно сглотнул.

– Не понимаю, какой разговор ты имеешь в виду, но если ты найдешь что-то в письменном виде, я буду рад обсудить это с тобой.

Я сухо рассмеялся.

– Значит, ты был в отделе кадров.

Тони закрыл глаза, повторяя:

– Правила, которые я объявил Руби, когда она начала работать в моей группе. Я не могу допустить слишком близкие отношения.

Я весь кипел.

– Ты придурок. Надеюсь, Руби подаст на тебя в суд и оставит без штанов.

Если бы месяц назад кто-то сказал мне, что я встречу женщину у себя на работе, полюблю ее и потеряю еще до того, как в Лондоне начнется настоящая весна, я бы посчитал это предположение нелепым.

Этим утром Руби не вернулась в офис, даже чтобы забрать свои вещи. Ее отсутствие резало глаз. Ни веселого смеха, ни взгляда игривых зеленых

глаз. Стажеры, казалось, аж пригибались, когда я проходил мимо. В полдесятого утра после стычки с Тони мое давление никак не хотело прийти в норму, и я с трудом фокусировался на работе.

Ты не позвонишь мне? – написал я смс. – *Я вел себя так глупо. Я так хочу поговорить с тобой.*

После того как я нажал «отправить», моя продуктивность упала до нуля. Я смотрел на мобильный каждые десять секунд, поставил громкость на максимум. Обычно, уходя на совещания, я оставлял телефон в ящике стола, но сегодня я взял его с собой и положил рядом. Если не считать варианта появиться у ее дверей без приглашения, это был единственный способ связи.

После обеда я услышал звук смс и подскочил как безумный, опрокинув стаканчик с ручками. Надежда была настолько сильной, что я не мог дышать. Там было только два слова, и мое сердце упало. Простое сообщение: «Ищу работу».

Я яростно стучал по клавиатуре, набирая ответ: «Дорогая, позвони, пожалуйста. Почему ты не сказала мне о Тони?»

Прошел час. Второй, третий, пятый. Она не отвечала.

Я понял, что она не хочет меня видеть, и отключил телефон, чтобы избежать соблазна завалить ее умоляющими смсками. Не в состоянии работать, я слонялся по коридору, как лунатик, не обращая внимания на виноватые взгляды Тони и пристальные задумчивые взгляды Ричарда в моем направлении.

Вернувшись домой, я вошел в кабинет и набрал ее номер. Звонок – сердце стучало у меня в горле, – еще звонок, и наконец она ответила.

– Привет, – тихо сказала она.

Чуть не подавившись, я вымолвил:

– Руби, голубка.

Я почти видел, как она поморщилась в ответ.

– Пожалуйста, не называй меня так.

Я со свистом втянул воздух, в груди болело.

– Прости, прости.

Она ничего не ответила.

– Жаль, что ты не рассказала мне о разговоре с Тони, – сказал я, с отсутствующим видом комкая клочок бумаги. – Дорогая, мне даже в голову не пришло, что такое может случиться.

– Я хотела тебе сказать потом, когда мы будем не на работе. Я не хотела плакать прямо там. – Она хлюпнула носом, прокашлялась и снова умолкла. Совсем не характерная для нее молчаливость, из-за которой мне

казалось, будто от меня что-то отрезали. Я слышал только звук ее дыхания и думал, плачет ли она.

– Ты в порядке, Руби? – спросил я.

– Да, – пробормотала она, – просто заполняю анкеты.

– А-а. – У меня был выбор между разговором с ней, в то время как она думает о другом, или утратой единственной связи, которая оставалась у меня с любимой женщиной.

Я рассказал ей о бестолковом ужине с Порцией, о том, что в конце нам не о чем было говорить. Я понял, что так будет, стоило мне войти в старую квартиру.

– Наверное, для тебя это было ужасно. – Я прижал ладонь ко лбу и добавил: – Я не могу обсуждать это по телефону. Мне так много нужно сказать тебе. – «Я люблю тебя. Я идиот». – Руби, пожалуйста, приходи ко мне.

– Не могу, – просто ответила она.

Чтобы она не вешала трубку, я продолжал говорить, пока у меня не закончились темы, чувствуя себя покинутым и тоскуя по времени, которое мы провели вместе. Я рассказывал, как провел день, как возвращался домой. О сегодняшнем разговоре с Максом, о том, что Сара снова беременна. Я говорил, пока у меня не иссякли привычные темы, потом болтал ни о чем: о бирже, о новом строительстве на Истон Роуд, о том, что дождь стихает и я этому рад.

Я хотел, чтобы она попрекала меня, возмущалась. Я хотел, чтобы она сказала мне обо всем, что я делал не так. Ее молчание было ужасным, потому что это так непохоже на нее. Я предпочел бы любой скандал этой сдержанности.

Прошел лишь месяц, но ее мнение стало для меня очень важным. Простая истина заключалась в том, что с ней я чувствовал себя значимым, а без нее – потерянным. Она особенная, не такая, как все.

Но некоторое время спустя, под тяжестью ее молчания я сдался и попросил перезвонить, когда она будет готова.

Прошло два дня, от нее не было ни слова, и я не мог заставить себя выйти из дома, не хотел есть, и самым большим счастьем для меня было спать и спать. Никогда не думал, что я способен на такую печаль.

Руби – единственная женщина, которую я когда-либо хотел, и мысль о том, что наши отношения ограничатся только минувшими четырьмя неделями, вводила меня в депрессию.

На следующих выходных, спустя неделю после того как я вынудил

Руби закончить наши отношения, я выбрался в офис за кое-какими докладами и чертежами. Я хотел хотя бы сделать вид, что работаю дома. Я давно не брился, носил одни и те же старые джинсы и футболку и даже не посмотрел на себя в зеркало, перед тем как выйти из квартиры.

Было еще темно, совсем рано, и улицы пустовали, даруя мне спокойствие, о котором я так отчаянно мечтал. Машины стояли у тротуаров, магазины откроются лишь через несколько часов. В вестибюле офиса было тихо, как в склепе.

Я достал ключи из кармана и с любопытством глянул в ту сторону, где горела одна-единственная лампочка на весь офис.

В дальнем правом углу. Рядом с бывшим кабинетом Руби.

Я машинально толкнул дверь. Доносился шелест бумаг и стук чего-то твердого, вроде рамок с фотографиями или книг, складываемых в коробку.

– Эй, кто здесь? – окликнул я, поворачивая за угол. Увидев ее в кабинете стажеров, я замер. Она взглянула мне в глаза.

Ей в голову пришла та же самая мысль: прийти рано утром в выходной, избегая любопытных глаз. Но не для того, чтобы поработать в тишине и спокойствии, а чтобы собрать вещи.

У меня заныл живот и перехватило горло.

– Руби? Ты?

Она закрыла глаза и отвернулась к своим вещам.

– Я почти закончила.

– Не убегай. Я... я хочу поговорить с тобой. По-настоящему поговорить, а не по телефону.

Она кивнула, но ничего не сказала. Я стоял перед ней, испытывая неловкость, глядя на нее и совершенно не понимая, что делать.

Розовые щеки, прикушенная влажная нижняя губа.

– Руби, – начал я.

– Пожалуйста, – хрипло перебила меня она, подняв руку, – не надо?

Она произнесла эти слова с вопросительной интонацией, как будто сомневалась, что и дальше хранить это ужасное молчание – хорошая идея. Я еще никогда не был человеком с разбитым сердцем – трудная ситуация для человека, которую всю взрослую жизнь провел в одних отношениях, и это чувство давило на меня чужунной плитой.

Я хотел пойти к ней, притянуть к себе и поцеловать. Просто поцеловать и сказать, что она единственная женщина в моей жизни и мне не нужен никто другой. Я хотел умолять ее. Я нашел слова для тех чувств, которые испытываю.

Сильная привязанность и чувство вины. Обожание, отчаяние, любовь.

Более всего – любовь.

Однако инстинкт подсказывал мне, что надо оставить ее в покое.

Я отвернулся и пошел в свой кабинет. Судя по звукам, она продолжила собирать вещи в ускоренном режиме. Как жаль, что все так сложно. Может, я неправ? Может, мои инстинкты ведут меня по ложному пути? Я сжал голову руками, мучаясь и не зная, что делать.

Я на автомате взял какую-то папку со стола и достал еще несколько из ящика. Я не мог сосредоточиться, зная, что Руби в нескольких футах от меня.

Выйдя из кабинета, я с облегчением выдохнул, обнаружив, что она еще не ушла. Заклеивает скотчем коробку с личными вещами. Ее волосы растрепались сильнее обычного, как будто она не позаботилась причесаться. Одета она была кое-как: бежевая юбка, свитер непонятного грязного оттенка.

Я скучал по ней. Я так скучал по ней, что у меня сердце ныло и болело. Я не мог дышать, не мог нормально существовать, делать привычные вещи. Я никогда не имел склонности к мелодраме, но сейчас страдал от жалости к себе. У меня такого еще никогда не было: чтобы я влюбил в себя кого-то и потом совершенно не понимал, что с этим делать.

– Я знаю, ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, – начал я, пытаюсь выбросить из головы зрелище, как она вздрогнула при звуке моего голоса, – и понимаю, что сделал тебе больно, непростительно больно. Но, милая, мне так жаль. Если это хоть что-то значит...

– Думаю, я лишусь места в Оксфорде, – очень тихо сказала она.

Я оцепенел.

– Почему?

– Меня уволили, и Тони написал плохую рекомендацию в мое личное дело. Он отправил мне скан, хотя, ознакомившись с ним, я не поняла, с чего он взял, что я хотела бы это прочитать. Если вкратце, там говорится, что я посредственный работник, потому что мои мысли были заняты тобой, и по его мнению, это сказалось на качестве моей работы.

Я сделал шаг вперед. Кровь стучала в жилах так, что у меня заболела грудь.

– Во-первых, это совершеннейший абсурд. Я не раз слышал, как он хвалил тебя. И во-вторых, он не знал о твоих чувствах до поездки!

– Я знаю. Спасибо, что объяснил, – сухо сказала она, кладя скотч на свой опустевший стол.

– Руби, прекрати, пожалуйста. – Меня затошнило. Я ничего не мог с этим поделать, но ее слова отдавались во мне горечью.

– ...а прямо на следующий день ты пошел к Порции поговорить насчет примирения, полагая, будто я так отчаянно жажду твоего внимания, что буду ждать тебя, если ты передумаешь. – Она взглянула на меня, и у нее потекли слезы. – Думаю, ты сделал такой вывод, потому что я всегда хотела говорить с тобой обо всем. Ты думал, я пойму, как тебе важно выслушать ее, и что все это окажется сильнее моей потребности быть тебе нужной.

Я открыл рот и снова закрыл.

– Думаю, ты решил, что это прекрасная идея, потому что – ура! – оказывается, Порция не робот, у нее есть чувства и она наконец готова ими поделиться. – Она вытерла щеки. – Но нет. Я хотела, чтобы ты вот что ей сказал: у нее было одиннадцать лет в качестве твоей жены, чтобы говорить на эти темы, а теперь у тебя есть девушка, с которой ты в первую очередь говоришь о том, что у тебя на уме и на сердце.

Она набрала полные легкие воздуха, перед тем как продолжить:

– Господи, я так сильно хотела знать о тебе все, что была готова слушать о твоей сексуальной жизни с Порцией сразу после того, как мы занялись сексом в первый раз. Черт бы все это побрал. – Она резко засмеялась, но в этом смехе не было веселья. Я никогда не видел, чтобы она была так откровенна. Руби не выбирала слова, чтобы не ранить меня; она просто говорила все как есть.

– Ты мог бы сказать ей, что вы можете перекусить днем вместе, если ей хочется излить душу, или она может написать чертов имейл. Но пойти к ней домой на следующий день после нашей первой ночи? Проявить нежелание дать ей понять, что ты теперь со мной? – Она покачала головой, утирая слезы, катившиеся градом. – Пусть даже наши отношения странные, неловкие, непонятные. Между нами было что-то хорошее, что-то настоящее, и ты это знал.

– Это правда, – сказал я. – Мы оба это знаем.

Я сделал шаг навстречу и положил руки ей на талию. К моему огромному облегчению, она не отстранилась, и я прижался губами к ее шее.

– Руби, прости меня.

Она кивнула, не отзываясь на мою ласку.

– Ты сделал мне больно.

– Я был идиотом.

Она отстранилась, закрыла глаза, собираясь с силами. А потом, к моему крайнему ужасу, взяла коробку и ушла от меня, не успев я подобрать нужные слова, чтобы ее остановить.

Я принес домой папки, но толку от этого было немного. Остаток уикенда я был так же бесполезен, как и неделю до этого.

Спал. Ел. Пил до потери рассудка. Смотрел в потолок.

Мой телефон подозрительно молчал. Я радовался тому, что мне не звонят Тони, семья, Порция. Но я приходил в отчаяние каждый раз, когда смотрел на экран и видел, что нет ничего от Руби.

Так что когда он зазвонил из того места, куда я зашвырнул его пару часов назад, потребовалось несколько секунд, чтобы я вышел из транса и ответил.

Спотыкаясь и матерясь, я добрался до телефона.

– Макс?

– Я уже говорил с Ребеккой, – сказал он вместо приветствия.

– М-м?

– Мама в шоке. Ребекка сказала, что, по ее мнению, Руби – та самая.

Моя сестра.

– Она же никогда не видела Руби.

– Видимо, это не имеет значения.

Я уткнулся в стакан с джином.

– По крайней мере, вы никогда не бросались ни в какое дело очертя голову.

– Такое ощущение, будто ты недоволен.

Уставившись в стакан, я ответил:

– Типа того. И несчастен.

– Ой, да ладно. Что случилось?

– Руби меня бросила.

Несколько секунд Макс молчал.

– Не может быть.

– Может. Наш роман в Нью-Йорке стоил ей работы, а я отделался легким укором. Теперь она переживает, что не попадет в программу Мэгги.

Он громко выдохнул.

– Черт побери.

– А еще я пошел на ужин к Порции на следующий день, после того как мы с Руби наконец занялись сексом, и я даже понятия не имел, что Тони выдвинул Руби ультиматум: или я, или работа.

– И она выбрала тебя, – угадал мой брат.

Я засмеялся.

– Да уж.

– Ты придурок.

– Именно. – Я опустошил стакан и уронил его на пол. – В общем, не

стоит с говорить, что она порвала отношения со мной довольно решительно.

– Поэтому ты собираешься упиваться жалостью к себе и напиться вусмерть?

– Ты знаешь, какова была моя жизнь с Порцией, – начал я. – А с Руби... Никогда раньше я не думал о детях или о том, что ты нашел с Сарой, но с ней... – Я уставился в окно на небо и молодые листья, подрагивающие на ветру. – После этого никогда уже мне не будет хорошо. Она меня изменила, и я... Я не хочу становиться прежним. – Секунду на том конце линии царил тишина, и я снова потянулся за стаканом, наполняя его. – Так что напиться до беспамятства и забыться – вот мой путь.

– Или, – предложил он со смешком, подразумевающим: «Ты придурок», – ты можешь поднять свою тупую задницу и поговорить с Мэгги. Черт возьми, Найл, ты ведешь себя так, будто у тебя нет никаких ресурсов. Выясни, чем ты можешь помочь и что исправить. Вот твой путь, дружище.

После того как я наконец протрезвел, у меня появилось некоторое время на размышления. Я ехал на поезде из Лондона в Оксфорд. Маргарет Шеффилд была для меня важным человеком, она присутствовала на моей защите диплома и оказывала мне больше помощи, чем мой наставник-алкоголик. Хотя Мэгги специализировалась на гражданской инженерии, она приложила руку и к дизайну многих важнейших коммерческих зданий в Лондоне, и я восхищался тем, как ее карьера развивалась от инженерии к архитектуре и городскому планированию. Один из самых важных моментов в моей профессиональной жизни, которым я особенно горжусь, был день, когда на важной конференции коллега отрекомендовал меня словами: «Маргарет Шеффилд нашего поколения».

Но я никогда не говорил с ней по личным делам. На самом деле, до того дня на прошлой неделе, когда я влетел в кабинет Тони, я никогда не относился ни к одному своему коллеге иначе, как с профессиональной точки зрения. Поэтому несмотря на холодный ветер, когда я шел по Паркс-Роуз к Том-билдинг, мне было жарко от волнения.

Мэгги проработала здесь достаточно долго, чтобы заслужить почетный офис в одном из самых крупных зданий, но предпочитала оставаться в гуще событий, как она говорила. Она располагалась в странном шестиугольном доме, откуда открывался прекрасный вид на университетский парк на востоке. Приехать сюда снова, оказаться поблизости от инженерного факультета и кафедры материаловедения –

меня охватила ностальгия. Я был так молод, когда жил здесь. Молод и женат и поэтому всегда отличался от однокашников, которые много работали днем и бурно развлекались по вечерам.

Я постучал в приоткрытую дверь и испытал облегчение, когда она подняла голову и улыбнулась мне.

– Найл! – Она встала, обошла стол и крепко обняла меня. Мэгги никогда не любила обмениваться рукопожатиями, и, руководствуясь многолетней привычкой, я позволил ей проявлять внимание.

Когда она отодвинулась, я сказал:

– Надеюсь, у вас есть немного времени?

– Разумеется. – Она улыбнулась. – Твое письмо заинтриговало меня полнейшим отсутствием подробностей.

– И... – продолжил я. – Если это не доставит вам неудобств, может быть, вы выпьете со мной чашку кофе?

Ее брови выгнулись, в глазах блеснул интерес.

– Звучит так, будто речь пойдет не совсем о профессиональном деле.

– Нет. Но... и да. – Я вздохнул и объяснил: – Просто мне хочется подойти к этому гибко.

Она рассмеялась и потянулась за свитером.

– Боже мой, это же событие всей моей жизни! Личный разговор с Найлом Стеллой. Уж на это я точно найду время.

Мы отправились в маленькое кафе на Пемброук-стрит, воспользовавшись прогулкой, чтобы обменяться информацией о том, что произошло за минувшие два года. На меня камнем давила мысль о будущем Руби, и, несмотря на все усилия Маргарет вести светскую беседу, мои ответы были краткими и скованными. Я почувствовал облегчение, когда мы добрались до кафе и заказали чай с круассанами, перед тем как сесть за маленький столик в углу.

– Итак, – она перешла к делу, улыбаясь мне. От чашки шел пар. – Думаю, довольно светских бесед. С какой целью ты приехал?

– По поводу студентки, которая подала заявку на поступление в вашу программу. Стажер, работавший в «Ричардсон-Корбетт».

Она кивнула.

– Руби Миллер.

– Да. – Я удивился тому, что она сразу догадалась, о ком я, но потом понял. Я сказал, что это стажер, работавший в «Ричардсон-Корбетт». Наверняка Мэгги прочитала письмо Тони. – Я не работал с ней напрямую. Наверное, вы знаете, что она была в отделе Тони.

– Я получила это письмо, – нахмурившись, подтвердила она. – Он о

ней плохого мнения.

У меня по жилам побежал огонь, и я придвинулся ближе. Она странно посмотрела на меня, и я почувствовал, что у меня руки сжались в кулаки. – Да, в этом все дело. Мне кажется, наоборот, он о ней слишком хорошего мнения.

– Чертов Тони. – На лице Мэгги отразилось понимание. – А ты – отвлечение, о котором писал Тони.

– Пожалуйста, поймите, – настойчиво сказал я. – Я бы никогда не заговорил с вами на эту тему, если бы не думал, что это письмо может повлиять на ваши профессиональные решения. Тони поступил ужасно. Я, думаю, тоже. Но я беспокоюсь, что вы упустите прекрасную студентку, если прислушаетесь к словам Тони. Руби умна и энергична.

Мэгги внимательно рассматривала меня, попивая чай.

– Могу я задать тебе личный вопрос?

Сглотнув, я кивнул.

– Я дал вам это право тем, что приехал сюда. Разумеется, спрашивайте меня, о чем хотите.

– Ты приехал, потому что Руби заслуживает места в моей программе или потому что ты в нее влюблен?

Я снова сглотнул и с трудом сдержался, чтобы не отвести взгляд.

– То и другое.

– Значит, увлечение было не односторонним.

– Сначала да, потом нет. Я не знал, что она равнодушна ко мне, и она призналась, только когда у нас уже начались отношения.

Она кивнула, взглянув на студентов, проходящих мимо кафе.

– Никогда бы не подумала, что ты захочешь вступить за свою девушку. Не знаю, удивляет меня это или впечатляет.

– Она не моя девушка, – выдавил я. Мэгги в замешательстве повернула ко мне лицо. – Она больше не моя девушка, – уточнил я. – Потеря работы, потеря места в вашей программе, моя неспособность справляться с эмоциями – все это... Думаю, что по этим причинам она в конце концов изменила приоритеты.

– Изменила приоритеты? Потеря места в моей программе?

– Тони посчитал разумным отправить Руби копию письма, которое он написал вам. С учетом того, что Тони – ваш бывший студент и завершенная стажировка в инженерной компании – это требование для поступления в программу, она решила, что потеряла место.

– Найл, – заговорила Мэгги, поставив чашку. – Прости за прямоту, но не оскорбляй меня предположениями, что я откажусь от хорошего студента,

потому что кто-то имел глупость влюбиться на работе.

– Мэгги, вовсе нет, я...

– Или если кто-то по молодости не смог разделить личное от профессионального. Я ценю твой приезд, но я больше радуюсь тому, что ты искренне полюбил женщину, а не тому, что ты решил помочь Руби. Заявка Руби великолепна. У нее отличные баллы, замечательные результаты тестов, одни из лучших в моей группе. Прекрасные рекомендации, если не считать Тони. Ее эссе – одно из лучших, какие мне доводилось читать. – Мэгги подалась вперед и покачала головой. – Видишь ли, письмо Тони не могло поставить под сомнение ее место. Ты думаешь, я не знаю Тони? Я знаю его пятнадцать лет. Он блестящий инженер, но полный говнюк.

Я закрыл глаза и рассмеялся.

– Туше.

– Могу я на секунду отклониться от профессиональных тем?

– Разумеется, – сказал я, испытывая странную тягу к ее житейской мудрости. – Пожалуйста.

– Ты знаешь меня как преподавателя, а потом наставницу, а теперь я твоя хорошая коллега. Но в первую очередь я женщина. Найл, я вышла замуж в двадцать лет, пять лет прожила в браке и развелась. Второй раз я вышла замуж, когда мне было уже под сорок. С высоты своего житейского опыта могу сказать тебе мягко, что повод твоего визита совершенно нелеп. Руби не требуется, чтобы ты вступался за нее. Вдобавок ко всем похвалам в ее адрес могу добавить, что она уже приезжала ко мне. – В глазах Мэгги засияла улыбка. – Она удивительная, и правда.

Я поднял брови.

– Воистину.

– Руби не нужен рыцарь в сияющих доспехах. Думаю, ей нужен партнер. Ей нужно знать, что о ней думают, что ее любят. А иногда ей нужно понимать, как ее любят. Она инженер. Покажи ей, как у тебя все устроено. Покажи ей чертеж своих мыслей, провода и шурупы, как только у тебя будет такая возможность.

После разговора с Мэгги я не поехал домой. Часовая поездка в поезде оказалась сущей пыткой. Я мечтал научиться летать или телепортироваться. Мэгги сказала простую очевидную вещь: я должен сказать Руби о своих чувствах.

Я поднялся по ступенькам к ее квартире, долго колебался у входа, потом затаил дыхание и постучал.

Она открыла дверь, одетая в нарядную юбку и обтягивающий свитер,

обнажавший изгиб груди. Не знаю, что выразилось у меня на лице, но, взглянув в ее глаза, я увидел там нежность, удивившую и взволновавшую меня.

– Руби.

– Ты в порядке? – спросила она, окинув меня взглядом.

Я попытался сделать вдох и успокоиться, но не мог.

– Нет.

– Ужасно выглядишь.

Я кивнул, издав короткий сухой смешок.

– Уверен, что так.

Она нервно заглянула мне за спину.

– Зачем ты пришел?

– Мне нужно было тебя увидеть.

Она перевела взгляд на меня, внимательно рассматривая лицо.

– Часть меня хочет обнять тебя и целовать без конца. Мне этого не хватает, не буду делать вид, что больше ничего не чувствую.

– Тогда не отталкивай меня, – взмолился я, делая шаг навстречу. – Руби, когда мы занимались любовью, я должен был сказать, что я чувствую. Я и правда это чувствовал, просто не знал, как назвать, или не мог сам себе поверить.

Она покачала головой, и ее глаза наполнились слезами. Я понял, она не хочет, чтобы я это говорил, но я должен был.

– Я люблю тебя, – прошептал я едва слышно. – Я отчаянно тебя люблю.

– Найл...

– Я знал это, когда пошел к Порции. Мне было плохо там. Я не знал, зачем я туда пошел, но как бы то ни было, у меня, по крайней мере, прояснилось в голове.

Руби безрадостно засмеялась.

– У меня тоже после этого прояснилось в голове.

Я застонал.

– Пожалуйста, Руби, прости меня.

– Я хочу. Очень хочу. Но я не знаю, как забыть это чувство унижения и эту мучительную боль. Все это: как я пыталась понять, что тебе нужно, пыталась делать для тебя все. Как я сказала, что люблю тебя, а в ответ услышала: «Ты прелесть», как потеряла работу, а после этого, что самое ужасное, узнала, что ты собираешься на ужин к Порции, чтобы поговорить о вашей семейной жизни... Мне до сих пор так плохо.

– Понимаешь, мне казалось, что я должен закрыть эту дверь, –

попробовал объяснить я. – А может быть, я просто никогда не слышал, чтобы Порция говорила так эмоционально, и где-то в самом темном уголке своей души я испытывал болезненное любопытство. Но я и правда не подумал о твоих чувствах, и это мой ужасный проступок. Как только я пришел к ней, я понял, что нам не о чем говорить, нет никаких скелетов в шкафу, которые нам нужно обсудить. Я чувствовал, что предаю тебя, находясь там...

– Так и было.

Я закрыл глаза. Ужасно было видеть ее в таком состоянии.

– Мне так жаль.

– Я знаю, – кивнула она. – Мне кажется, я понимаю тебя. Но ничего не могу поделать. Я так зла.

Я провел рукой по небритому подбородку и прошептал:

– Пожалуйста,пусти меня.

Глядя на меня, она очень тихо произнесла:

– Разве это не странно, что мне хочется сказать нет? Как будто я хочу убедиться, что могу это сделать? Я дала тебе время переосмыслить все твои сомнения. Я пыталась быть понимающей и терпеливой, но ты не оплатил мне тем же. Я совершенно забыла о себе в последние полгода. Я просила тебя сказать, где мое место в твоей жизни. И вот оно. Ты пренебрег мной. – Она посмотрела мне в глаза и тихо добавила: – Я подумала, что ты больше не хочешь таких отношений.

Ее слова были словно нож острый мне в сердце, и я отпрянул, как будто меня ударили. И хотя ее губы и руки дрожали, хотя я читал по ее лицу те же чувства, которые она испытывала неделю назад, было очевидно, что она не возьмет назад свои слова – ни взглядом, ни жестом.

Я мог бы надавить на нее. Я это видел, и другой мужчина, более агрессивный, мог бы сделать еще шаг и воспользоваться ее болью. Если бы я сейчас ее поцеловал, она бы ответила. Я читал это в ее глазах.

Руби любит меня так же, как я люблю ее.

Я мог бы заставить ее пригласить меня домой, прикоснуться к ней, сорвать одежду и доставить ей удовольствие, почувствовать ее на вкус. Губами, руками и словами я мог бы убедить ее в своей любви.

Но из-за меня она совсем забыла о тебе и сейчас борется с этим. Я не могу манипулировать ею в такой ситуации.

Я провел рукой по волосам, разрываясь на части.

– Скажи мне, что делать. Если я уйду, ты подумаешь, что я к тебе равнодушен. Если останусь, значит, я не прислушиваюсь к твоим желаниям.

– Найл, – прошептала она, – мне так трудно находиться рядом с тобой и не хотеть отдать тебе все, что у меня есть. Теперь твоя очередь быть терпеливым.

Я с трудом сглотнул, сделал шаг назад, потом еще один.

– Приходи ко мне, – взмолился я. – Когда будешь готова. Я буду ждать. Ждать и думать о тебе, если ты хочешь именно этого. Мои чувства не угаснут.

Она кивнула, и ее глаза наполнились слезами.

– Пообещай, что придешь ко мне, когда будешь готова. Пусть даже только для того, чтобы сказать, что между нами все и правда кончено.

Руби снова кивнула.

– Я обещаю.

Глава 17

Руби

Апрель был ужасным месяцем, а май еще худшим. По крайней мере, в апреле я снова и снова могла вспоминать, как выглядел Найл, когда он пришел ко мне домой, у меня в ушах звучал его обеспокоенный голос. Вспоминать его голос – низкий, хриплый и отчаянный, когда он сказал, что любит меня.

Но прошел месяц с тех пор, как я видела его в последний раз, и почти невозможно было сохранять уверенность в его чувствах.

Количество дней, которые мне нужно провести без Нилла Стеллы: неизвестно.

Отчаявшаяся обезумевшая девчонка, ждущая, когда он поужинает с бывшей и потом решит, кто лучше, – я или она. Никогда в жизни я не ждала звонка с таким отчаянием, как тем вечером, но когда он позвонил... я не взяла трубку. И не отвечала, пока он сам не понял то, что я знала с самого начала: Порция ему не подходит, а я – лучшее, что могло с ним случиться. Ох, я совершенно сошла с ума.

Я изумляла его своим легким отношением к неприятностям. Это мое свойство всю жизнь удивляло людей. Но эта легкость не означает, что мне не бывает больно, я не сержусь и не чувствую себя обманутой.

Пусть с трудом, но я сумела собрать свою жизнь по кусочкам. Я была решительно настроена на то, чтобы все-таки попасть в программу Маргарет Шеффилд. Так что в начале апреля, после того как я несколько дней только спала, не раздеваясь, молчала, питалась сэндвичами из черствого хлеба и подсохшего сыра, я взяла себя в руки и села на поезд в Оксфорд.

Профессор Шеффилд заверила меня, что письмо Энтони ничего не значит, что мои оценки и рекомендации из Сан-Диего впечатляют. Но хотя она ни словом не намекнула, что «отвлеченность», о которой говорил мой бывший босс, может привести к моему исключению из программы, она и не подтвердила, что я в нее попаду.

В ожидании окончательного ответа я оставалась в Лондоне. Мне повезло устроиться на работу в фирму в Саут-Бэнкс, куда требовался инженер на время декрета сотрудницы. Простой выход и хорошо оплачиваемый, но в первый же день, когда я решила прогуляться домой

пешком, а не ехать на метро, я обнаружила, что окажусь в двух кварталах от дома Найла.

Вот черт.

Конечно, после этого ездить на метро было невозможно. Каждый день я чувствовала, как ноги сами ведут меня в ту сторону, как будто меня тянет сильный магнит. И я заставляла себя идти, не сворачивая, и все мое тело ныло.

Его сдержанность и отстраненность были совершенно невыносимы; все у него подчинялось логике: Порция готова говорить, значит, он выслушает ее. Я всегда поощряла его общаться со мной. Неудивительно, что он так же отнесся и к Порции.

Я чувствовал себя обязанным хотя бы выслушать ее.

Я пытаюсь быть открытым. Как минимум, это я ей должен.

В последний день, такое впечатление, Найл вообще не испытывал никаких эмоций, пока не стало слишком поздно. И я не могла забыть эту боль.

Даже когда он наткнулся на меня в кабинете, где я собирала вещи, и умолял простить его. Даже когда он пришел ко мне домой и признался в любви.

Какая я дура, зачем я его прогнала. Я знала, что это глупо. Но кроме того, я знала, что если впущу его, то мои гордость и самоуважение будут растоптаны навеки.

Молчание тянулось нескончаемо.

Количество дней, которые я прожила, не разговаривая с Найлом Стеллой:

~~Один.~~

~~Семь.~~

~~Пятнадцать.~~

~~Тридцать два.~~

Пятьдесят девять.

В июне я узнала, что меня приняли в программу Мэгги.

Я вернулась с работы, и дома меня ждал безобидный конверт. В некоторые дни мне было особенно трудно сопротивляться желанию прийти к Найлу. Временами я делала вид, что поглощена музыкой или чтением новостей, но мысль о том, что я могу прийти на его крыльцо и дождаться, когда он придет домой, то и дело вызывала ноющую боль в ребрах. Однако сегодня эта мысль была совершенно невыносима. Перестала ли я сердиться на него? Если да, допустим, я приду к нему, а он откроет дверь и уставится на меня непонимающим взглядом, потом неловко извинится и скажет, что я

была права, порвав с ним? Что он поддался импульсу, связавшись со мной? Что он предпочитает упорядоченную жизнь, а не отношения с порывистой эмоциональной девушкой?

Проблема в том, что я с одинаковой яркостью представляла себе оба варианта – и когда он отвергает меня, и когда он обнимает меня. Я знала расписание Найла, его образ жизни, его предпочтения в еде, кофе и одежде. Но я совсем не знала его душу.

С колотящимся сердцем я открыла конверт и три раза перечитала письмо, сжимая лист бумаги трясущимися руками. Несколько минут я не могла ни моргнуть, ни выдохнуть. Это случилось! Я поеду в Оксфорд. Я буду учиться у Мэгги. Этот ублюдок Энтони не погубил мой шанс.

Я перечитала письмо в поисках дат и взяла себе на заметку, что семестр начинается в сентябре. Значит, остаток июня, июль и начало августа я могу продолжать работать, а потом заняться поисками квартиры в Оксфорде.

Первой моей мыслью было сказать Найлу.

Но вместо этого я позвонила Лондон.

– Руби!

– Ты в жизни не догадаешься, что произошло! – сказала я, улыбаясь, по-моему, первый раз за последние пятьдесят девять дней.

– Твой новый сосед по комнате – Гарри Стайл, и ты купила билет, чтобы я прилетела к тебе в гости?

– Очень забавно, сделай еще одну попытку.

Она задумалась.

– Что ж, в твоем голосе больше счастья, чем я слышала за последние несколько месяцев, так что я предполагаю, что ты позвонила Найлу Стелле, он принял тебя с распростертыми объятиями, а теперь вы лежите и наслаждаетесь блаженным релаксом после секса. Под релаксом я...

У меня заболела грудь, и я перебила ее, не в состоянии подыгрывать:

– Нет.

Она посерьезнела.

– Но попытка была хорошая, правда?

Правда. Но встреча с Найлом не лучше того, что со мной произошло.

Так ведь, правда?

Но стоило мне об этом подумать, как я поняла, что быть с Найлом – так же прекрасно, как и работать с Мэгги. В первый раз со времени увольнения я не почувствовала, что предаю себя этой мыслью. Если я вернусь к Найлу, в какие-то дни он станет для меня всем миром. В какие-то дни всем миром будет университет. А иногда то и другое будет одинаково

важным. И это понимание, мысль о том, что я могу найти баланс, что мне надо наконец разделить голову и сердце, ослабили напряжение, которое я испытывала уже много недель.

– Меня приняли в группу Мэгги, – сказала я. – Я только что получила письмо.

Лондон завопила, и с того конца линии донесся стук, по которому я предположила, что она подпрыгнула, уронила телефон, подняла его. Потом она снова завопила:

– Ты едешь в Оксфорд!

– Да!

– Ты будешь учиться у женщины своей мечты?

– Да!

Она шумно выдохнула и сказала:

– Руби, я должна задать тебе вопрос, на который необязательно отвечать. Хотя, если честно, я месяцами выслушивала твое нытье, поэтому считаю, что заслуживаю ответа.

Я застонала, понимая, куда она клонит.

– Может, мы продолжим разговаривать об Оксфорде?

Она проигнорировала мои слова.

– Я первый человек, которому тебе захотелось позвонить, когда ты получила письмо?

Я не ответила и сосредоточилась на торчащей из свитера нитке.

– Почему ты просто не поговоришь с ним? – тихо спросила она. – Он будет рад за тебя.

– Может, он меня и не вспомнит.

Она недоверчиво засмеялась, а потом застонала.

– Ты меня убиваешь.

Я подошла к дивану и села.

– Я просто нервничаю. Что я скажу? О, привет, я до сих пор схожу по тебе с ума.

– Можно начать с «Привет, меня приняли в программу Мэгги. Что-нибудь посоветуешь?».

Закрыв глаза, я ответила:

– Несмотря на то, что я о нем знаю, я понятия не имею, как онотреагирует, если я ему позвоню...

– Не звони, детка. Приди к его дому, ты ведь каждый раз этого хочешь, когда возвращаешься с работы домой. Сядь на крыльцо и жди его. Он тебя увидит, у него тут же встанет член. Ты скажешь, что тебя приняли к Мэгги, а еще, ой, что ты его любишь и хочешь нарожать ему детишек.

– Что, если я приду, а там Порция?

– Нет.

– Или, я не знаю, он все обдумал и пришел к логическому выводу, что я была права. Надо контролировать свои эмоции.

– Ты меня слушаешь? – спросила она. В ее голосе прозвучали расстроенные нотки, и я поняла, что она вот-вот взорвется. Она девушка терпеливая, но если ее довести до ручки, взрыв сметет все живое.

– Да, но...

Лондон начала нажимать кнопки на телефоне, заглушая мои возражения громким «биип!». Потом спросила:

– Ты все?

– Да.

– Тогда послушай. Это настоящая жизнь, Руби. Это не кино, где встречаются два одиночества, у них плохой опыт предыдущих отношений, смешных и нелепых, но благодаря этому опыту оба участника стали крепче и лучше. В жизни бывают бывшие мужья и жены, приемные дети и домашние питомцы, которых ненавидит вторая половина. Иногда людям больно, и у них нет родителей-психотерапевтов, которые им помогут. Бывшая жена, особенно такая, из-за которой он чувствовал себя неудачником, – не то, что можно легко забыть.

Сглотнув, я сказала:

– Знаю, боже мой, я знаю.

– Тогда прости его за то, что он повел себя глупо и не был достаточно открыт с тобой. Ты знаешь, я всегда на твоей стороне, но сейчас я думаю, что пришло время увидеть его и определиться, можете ли вы быть вместе или тебе надо двигаться дальше. Ты его любишь. И это ты его бросила.

– Знаю, знаю.

– Он тоже признался тебе в любви, – напомнила она. Я ведь рассказывала ей об этом всего лишь раз семьсот. – Я никогда не видела Найла Стеллу, но я не думаю, что он из тех парней, которые могут сказать эти слова и забыть о них два месяца спустя.

Мне нечего было сказать, и я пялилась на стену, понимая, что она права.

Прийти к его крыльцу оказалось не так просто. При мысли о том, чтобы снова его увидеть, кружилась голова и меня тошнило.

К счастью или к несчастью, в понедельник и вторник работа решила все за меня. К нам приехал архитектор, и мне надо было все время находиться под рукой – готовить кофе, заказывать еду и удовлетворять

другие просьбы, с которыми, видимо, может справиться только временный сотрудник.

Напряжение внутри меня нарастало, и я не ответила на звонки Лондон ни в понедельник поздно вечером, ни во вторник. В среду она накричала на меня в смс:

«ТЫ К НЕМУ СХОДИЛА? ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, РУБИ, НАПИШИ ТОЛЬКО – ДА ИЛИ НЕТ».

Я всхлипнула и ответила:

«Пойду сегодня после работы. Раньше не было возможности».

Она: «Что ты наденешь?»

Со смехом я написала: «Не думала об этом».

«Хахаха. Ну серьезно».

Я взглянула на свой сегодняшний наряд, и у меня что-то дрогнуло в груди, пока я делала селфи. Короткая темно-синяя юбка, моя любимая синяя блузка в красный горошек. Я сфотографировала себя под неправильным углом и выглядела толстой, но все равно отправила. Лондон знает мой гардероб не хуже своего собственного.

«Черт, куколка. Ты обула красные каблуки?»

«Да».

«Бог мой. У него будет такой стояк, как никогда в жизни».

Улыбаясь в экран, я напечатала: «Будем надеяться» – и убрала телефон в сумку. Я была вне себя от волнения при мысли о сегодняшнем вечере. Я буду счастлива просто улыбке, поцелую в щеку, словам, что он не против попробовать еще раз. Надо притвориться, что я не умираю от желания заполучить его.

Ох уж этот рабочий день. Вы знаете, как это бывает. Секунды тянулись бесконечно, минуты казались часами. Такое ощущение, что прошла неделя. Под конец дня я столько раз обдумывала вечер, что мне начало казаться, будто никакого Нилла Стеллы не существует, это плод моего воображения.

Наконец стукнуло полшестого, и сотрудники начали покидать офис. Я зашла в туалет поправить макияж и одежду и с ужасом уставилась на себя в зеркало.

Шелковая блузка сильно помялась. О чем я думала сегодня утром? Юбка слишком короткая. Как у шлюхи. Сколько ты берешь за час, детка? Я застонала и придвинулась к зеркалу. Тушь размазалась... по всему лицу. Румяна стерлись.

Я сделала, что могла, но проблема заключалась в том, что я настолько перенервничала, что меня подташнивало. Посидеть еще в туалете, на случай если меня вырвет? Взять с собой пакет? Зачем я так долго ждала,

чтобы увидеть его? Что, если я не смогу произнести ни слова?

Потом случилось нечто очень странное: я засмеялась. Я ужасно боюсь идти к Найлу Стелле. Я проверяю макияж, переживаю по поводу тошноты и беспокоюсь, что утрачу дар речи.

Это нормально.

Больше не глядя в зеркало, я взяла сумку и вышла.

Коридор, лифт, улица. Семнадцать кварталов, один мост, и вот я на месте. Стою на углу и думаю.

В этот миг мне показалось, что сердце мое вот-вот разорвется на части и кровь закипит.

Он не знает, что я иду к нему. Я не видела его и не говорила с ним два месяца. Я попросила дать мне время, и он дал... Я одновременно была благодарна за это и злилась. Что, если для него все изменилось? От этого мне станет еще больнее, чем от неизвестности. Я могу пойти к себе домой. Поужинать хлопьями и пересматривать «Сообщество», пока не наступит время ложиться спать, и завтра сделать то же самое. Я могу продолжать работать в этом скучном месте, пока не настанет время переезжать, и тогда я исчезну из города, и мне не придется переживать все это. В один прекрасный день я забуду Найла Стеллу.

Или я могу повернуть направо, пройти два квартала до его дома, сесть на крыльцо и дожждаться его. Сказать, что я хочу сделать еще одну попытку, и услышать его «да» или «нет». Если он скажет «нет», я пойду домой, насыплю хлопьев в тарелку, посмотрю сериал, и со временем боль утихнет. Но если он скажет да...

На самом деле выбора не было.

Я шла, уставившись на скучный серый тротуар и на свои красные туфли. Идти легче, если сосредоточиться на чем-то конкретном. Я сосчитала количество трещин в асфальте между судьбоносным перекрестком и квартирой Найла (двадцать четыре) и количество раз, когда мне хотелось развернуться и пойти домой (около восьмидесяти), и снова и снова обдумывала, что я скажу.

Привет. Я знаю, я поступила глупо, придя сюда и не позвонив перед этим, но я хотела тебя увидеть. Я соскучилась. Я тебя люблю.

Надо говорить проще, подумала я. Сказать как есть, и пусть он решает.

Я была уверена, что его нет дома, но на всякий случай позвонила. Никто не ответил, и я посмотрела на крыльцо, перевела дух и села на ступеньки, собираясь ждать и снова и снова повторяя то, что я ему скажу.

Привет. Я знаю, я поступила глупо, придя сюда и не позвонив перед этим, но я хотела тебя увидеть. Я соскучилась. Я тебя люблю.

Солнце медленно и неохотно катилось по небу. Мимо проезжали машины, соседи входили и выходили, бросая на меня короткие любопытные взгляды. Вечерняя суматоха на дорогах внезапно закончилась, и в домах загорелся свет. До меня начали доноситься запахи готовящегося ужина. Найла все еще не было.

Каждый раз, когда я думала, что мне лучше вернуться домой (вдруг он в баре с друзьями?), я волновалась – вдруг он появится ровно через минуту после моего ухода?

Я думала, он придет примерно через полчаса, но пошел час, другой, третий. Я сидела на ступеньках уже четыре часа, а его все не было, и мне в голову пришла ужасная мысль: что, если он на свидании?

Эта мысль была такой горькой, что я застонала. Уткнувшись лбом в колени, я сосредоточилась на дыхании. Вдох, выдох.

Не знаю, сколько еще времени я так провела – тридцать минут или три часа. Но потом меня будто что-то кольнуло. Все звуки утихли, кроме одного – слабого постукивания мужских туфель по асфальту. Звука размеренных широких шагов Найла Стеллы.

Сколько раз я прислушивалась к шагам Найла Стеллы: неисчислимое количество.

Я повернула голову и увидела его. То, что со мной произошло в эти секунды, нужно описать в медицинском справочнике под названием «любовная болезнь». Сердце сначала куда-то исчезло, потом снова появилось, увеличившись в размерах, и начало дико колотиться в груди. Его удары пульсировали у меня в ушах, отдавались в руках и ногах, и по телу побежали мурашки. У меня закружилась голова, и я прищурилась, потому что он начал расплываться, словно в тумане. Я подумала, что сейчас упаду в обморок.

Он был одет в темно-синий костюм – в свете уличных фонарей я разглядела оттенок – и выглядел потрясающе. Сильный, уверенный, с расправленными плечами и гордо поднятой головой.

На расстоянии двадцати футов он заметил меня.

И остановился, дернувшись и поднеся руку к затылку.

Я поднялась на трясущихся ногах, вытирая ладони о юбку. Моя одежда немного помялась на работе, но это было ничто по сравнению с теперешним ее состоянием. Не представляю, как я выглядела после нескольких часов сидения на его крыльце влажным июньским вечером.

Он неуверенно сделал шаг вперед, и я тоже двинулась навстречу. От любви у меня заныло в груди. Люблю его четко вылепленные черты лица и темно-карие глаза, и эти зовущие к поцелуям губы. Его большие ладони,

длинные руки. Мне нравилось, что в десять часов вечера его костюм выглядит как с иголочки, мне нравился ровный четкий стук его шагов.

Мне хотелось броситься к нему в объятия и сказать, что я больше не хочу ждать, что он мне нужен.

Привет. Я знаю, я поступила глупо, придя сюда и не позвонив перед этим, но я хотела тебя увидеть. Я соскучилась. Я тебя люблю.

Он сделал еще один медленный шаг, я тоже, а потом мы оказались на расстоянии нескольких футов друг от друга. Мое сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

– Руби?

– Привет.

– Привет. – Он сглотнул, и только сейчас, когда мы были так близко, я заметила, что он похудел и выглядит уставшим. Запавшие скулы, темные круги под глазами. Видит ли он в моих глазах, как я скучала по нему эти два месяца? Как мне было физически плохо без него?

Привет. Я знаю, я поступила глупо, придя сюда и не позвонив перед этим, но я хотела тебя увидеть. Я соскучилась. Я тебя люблю.

Но не успела я произнести заранее подготовленную речь, как он спросил:

– Что ты здесь делаешь? – и я не могла понять по его голосу, рад он или нет. Он прекрасно владел собой.

Я нервно сглотнула, перед тем как ответить.

– Я знаю, я поступила глупо, придя сюда.

Что там дальше?

Он бросил взгляд за мою спину и спросил:

– Ты давно здесь?

– Прости, что не позвонила, – выпалила я.

Не обращая внимания на мои слова, он шагнул ко мне и снова спросил, на этот раз тише:

– Ты давно здесь сидишь, Руби?

Я пожала плечами.

– Какое-то время.

– С тех пор как ушла из «Андерсон»?

Он знает, где я работаю. И до скольких.

Я моргнула и заглянула ему в лицо, и это была ошибка. Самый красивый человек на свете, и я помнила его до малейшей черточки. Его лицо я видела, закрывая глаза, когда я чувствовала волнение или желание, когда хотела успокоиться.

– Да, с тех пор как ушла с работы, – созналась я.

– Это же... несколько часов, – начал было он, потом покачал головой. – Я не знал... То есть в последнее время я редко прихожу домой рано. Нет...

Пока он не попросил меня уйти и не сказал, что это была плохая мысль – прийти сюда, я перебила его:

– Послушай, я... – Я отвела взгляд, совершенно забыв, что хотела сказать. Что я хотела его увидеть? – Послушай, дело в том... – Я снова взглянула на него и выпалила: – Я просто очень, очень тебя люблю.

Только что он был в двух футах от меня, а через секунду рядом. Подхватил меня, отрывая от земли, прижал к себе. У меня сбилось дыхание. Найл заглянул мне в глаза с мрачной сосредоточенностью, от которой у меня опять заболела грудь.

– Скажи это еще раз.

– Я люблю тебя, – прошептала я, с трудом выталкивая слова. – Я скучала по тебе.

Он снова заглянул мне в глаза, потом наклонился и прижался лицом к моей шее. Его рот... о господи, самый прекрасный рот во Вселенной с низким стоном прильнул к моему горлу, потом поднялся к подбородку, и я перестала дышать.

– Найл...

Он проговорил мне прямо в шею.

– Дорогая, повтори еще раз. Я не вполне уверен, что мне это не снится. Я всхлипнула и сказала:

– Я тебя люблю.

Внезапно меня охватила паника, и я засомневалась, происходит ли все это на самом деле или я уснула на его крыльце и вижу сладкий сон. Но потом его губы снова шевельнулись, скользнули по моей щеке и прижались к моему рту поцелуем одновременно нежным и страстным, и я чуть не подавилась собственным стоном, когда его язык скользнул внутрь, и он тоже застонал.

Он бормотал, как сильно скучал по мне, какой ужасной была его жизнь, как он боялся, что никогда больше меня не увидит. Он сжал мое лицо ладонями и снова целовал, то ласково, то агрессивно, то едва касался, то впивался губами, проводя большими пальцами по моим щекам, и я знала, что выгляжу ужасно, но мне было наплевать.

– Пойдем домой, – прорычал он, проводя губами по щеке к уху. – Ты останешься у меня на ночь.

– Да.

– Сегодня. И все остальные дни тоже.

Я кивнула, улыбаясь и прижимаясь лицом к его шее.

– Да. Пока мне не надо будет переезжать в Оксфорд.

Он отодвинулся и взглянул мне в лицо.

– Да? Ты получила письмо от Мэгги?

– На прошлой неделе. Хотела тебе позвонить.

Он заулыбался.

– Надо было это сделать.

– Я подумала, что больше всего на свете хочу тебя увидеть, так что я пришла.

Он кивнул и бросил взгляд вниз, переплетая свои пальцы с моими.

– Уже поздно. Ты тут давно сидишь. Ты голодна?

– Не очень, – сказала я. – Я просто хочу...

– Оказаться в моей постели? – нежно договорил он.

Я прошептала:

– Да. Если только тебе не надо поесть.

– Нет. Я не прервусь ради еды.

Вот так просто, без капли сомнений. Мне нужно было прикоснуться к нему. Мне нужны были его объятия.

Он повел меня к себе. Наклонился, чтобы поцеловать, и прошептал:

– Поговорим позже, ладно?

– Ладно.

Его зубы царапнули мою шею.

– Хорошо, потому что я знаю, нам надо поговорить. Но прямо сейчас я хочу петь «Боже, храни королеву».

Я засмеялась. О, какое облегчение. И чуть снова не заплакала.

– Тебя лишат гражданства.

– Оно того стоит. Целовать тебя между ног – все равно что в губы, только нежнее.

Я завибрировала с головы до пят. Как легко оказалось перейти к делу.

– Бонус: от этого я сразу кончаю.

Найл отодвинулся и взглянул на меня с притворным ужасом.

– Хочешь сказать, ты не кончаешь, когда я целую тебя в губы?

– Прошло время. Надо попробовать?

Он хищно улыбнулся, мой сексуальный мужчина. И таким его видела только я. Весь мир знает его спокойным и сдержанным. Я засунула руку в его карман, доставая ключи, а он нагнулся снова поцеловать меня. Мы стукнулись зубами, когда он пытался открыть дверь, и мы засмеялись.

Замок щелкнул, и Найл застонал с облегчением, покусывая мою нижнюю губу.

– Не вздумай еще раз уйти от меня, – сказал он, задыхаясь и

нащупывая дверную ручку. – Это было ужасно, Руби.

– Это не я ушла. – Я чуть отодвинулась, чтобы заглянуть в его глаза. – Это ты. Так что... – Я покачала головой. – Не вздумай больше возвращаться к Порции.

Я должна была это произнести. Пусть это чепуха, но я этого боюсь.

– Я никогда... – Он с болью закрыл глаза. – Пожалуйста, поверь мне. Это была ужасная ошибка.

Я притянула его к себе за галстук и скользнула губами по его губам.

– Ну ладно.

Его рука обвилась вокруг моей талии, поддерживая, чтобы я не споткнулась на входе в квартиру.

Упасть я не упала, но оказалась на спине, стоило нам войти. Найл навис надо мной, задирая юбку, и не успела я напомнить ему, что он собирался целовать меня в губы, как его пальцы нетерпеливо отодвинули трусики, и он прижался ртом к клитору.

О-о-о, его влажный язык, посасывающие поцелуи и тепло его дыхания, его неразборчивые слова. Мне снова показалось, что я сплю, и я вцепилась руками в его волосы, чтобы почувствовать, что все это реально – его комната, этот пол и то, что он вытворял языком, губами и, боже мой, зубами.

Дверь в квартиру осталась открытой, я поняла это, только когда он со стоном толкнул ее ногой. Закрыв глаза, он схватил меня за бедра, посасывал и что-то бормотал, и я оперлась на локти, чтобы видеть его. Лучше того, что он делал, было только смотреть на то, что он делает. Каждое движение языка, его тихие вздохи давали понять, что с ним происходит что-то особенное. Я хотела сказать ему, что прямо сейчас я поняла – *ты мой. Ты не думаешь больше ни о чем, только об этом. Я даже не уверена, что ты делаешь это ради моего удовольствия.*

Но я не могла выдать ни слова, не говоря уже о связанном предложении; я только задыхалась и вскрикивала, умоляя: *еще, еще, так, да, вот так, вот так* и потом:

о-о

черт

я кончаю.

Он застонал в ответ и пробормотал:

– Я так хотел снова почувствовать этот вкус.

И я окончательно слетела с катушек. Я упала на спину, раскинув руки и поднимая бедра еще выше, двигаясь под ним, а потом застыла на мгновение, когда на меня нахлынула волна оргазма, распространившаяся от

того места, где он меня целовал, по всему телу, до кончиков пальцев и вверх по лицу.

Я вцепилась в его пиджак, который он даже не потрудился снять, и попыталась нащупать воротник, чтобы притянуть его выше. Я хотела раздеть его, почувствовать внутри себя. Почувствовать тяжесть его тела, обхватить ногами его узкие бедра.

Он сел, стащил пиджак, ослабил галстук, снял рубашку. Я лежала на полу и краем глаза видела, как вздымается моя грудь. Не могла отвести глаз от его лица.

Я ослабела. Мышцы расслабились, в голове воцарилась благословенная пустота. Найл снял с меня трусики, потом юбку, раздевая меня медленно и целуя обнажающиеся участки тела. Я думала, он сразу же войдет в меня, я чувствовала его твердость, когда он целовал мою шею и вжимался в бедра. Но он удивил меня, подхватив на руки и неся куда-то по узкому коридору.

– Куда мы? – спросила я.

– Мне не нравится идея снова заниматься с тобой любовью на полу.

Целуя его шею, я продолжила:

– Так вот чем мы сейчас займемся?

Он кивнул.

– И будем заниматься всю ночь и большую часть завтрашнего дня.

В прошлый раз я не успела рассмотреть его спальню, поскольку убежала практически сразу после пробуждения. Большие окна, белые стены, несколько фотографий Энсела Адамса. С подписью автора. Мои глаза расширились от изумления. Огромная кровать, аккуратно застеленная темными простынями и одеялом. Маленькая ванная в дальнем конце, одинокая лампочка на прикроватном столике. Комната мужчины, без излишнего декора.

Найл поставил меня спиной к себе, проводя руками по моим плечам к бедрам и прижимаясь грудью сзади.

– Ложись в постель. – Его тихий приказ был смягчен поцелуем в шею.

Я забралась на кровать и наблюдала, как он стремительно оказался рядом со мной и устроился между моих бедер.

– Поцелуй меня, – потребовала я.

– Скоро.

Он наклонился и снова провел языком у меня между ног. Теперь он делал это совсем иначе, медленно, нежно, ласково.

– Либо тебе это нравится, либо ты чувствуешь себя очень, очень виноватым.

– Это ужасная непристойность, – согласился он, целуя внутреннюю сторону бедра. – Ладно еще пялиться на твою грудь, наблюдать, как ты ублажаешь себя, а еще вводить в тебя пальцы. Но ласкать тебя языком? – Он лизнул меня и промычал: – Это сладкое местечко могу видеть только я? Ужасный разврат.

– Мне кажется, ты собственник.

– О да. Признаюсь, мне нравится мысль о том, что это тело принадлежит мне.

– Теоретически оно мое.

– Как скажешь, любимая.

– Осторожно, – поддразнила его я. – Ты же не хочешь заходить на территорию Л? – Чувствует ли он, как мне нужно это слышать?

– Разве? – спросил он, окидывая взглядом все мое тело. – Разве ты не слышала, как я только что признавался в любви каждый раз, прикасаясь к тебе?

Я заулыбалась и хотела было пошутить, но поняла, что он говорит серьезно. Да. На полу он с благоговением все время повторял: «Я люблю тебя».

– О.

Ах, эта нереальная улыбка, лукавая и веселая.

– Тебе хочется, чтобы я сказал это на ушко?

Я прикусила губу, пожимая плечами.

– Мне нравится, где сейчас находится твой рот, но я бы не возражала услышать это повыше.

Его поцелуи поднимались по моему телу выше и выше, влажные губы, настойчивые руки, легкие укусы. И каждое прикосновение сопровождалось словами.

Его большое тело нависало надо мной и закрывало весь мир, и меня охватило ни с чем не сравнимое чувство безопасности. Он знал меня всякую – и когда я сходила с ума от радости, и когда была в глубокой печали; и был причиной того и другого. За те месяцы, пока я любила его безответно, а потом за четыре короткие недели рядом он стал для меня больше, чем любовником; он стал моим лучшим другом.

– Мне всегда казалось, что я единственный человек в мире, который не знает, чего он хочет. Мои братья и сестры родились с этим пониманием. Но я нет. Но с тобой я понимаю. Я хочу доверять этому ощущению. Вернее, мне это нужно. Так что да, через месяц после того как мы официально познакомились в лифте, – он улыбнулся мне, – я по глупости все испортил, а ты по-дурацки от меня убежала... но вот мы снова вместе. Люблю тебя.

У меня мурашки по телу побежали.

– Я тебя люблю, – снова прошептал он и поцеловал меня в ухо. – Обожаю.

Я расстегнула ремень, и он помог мне стащить брюки и отбросить их к краю кровати. Я больше не хотела ждать, мне было больно от того, как я его хотела, хотела, чтобы он заполнил меня. О, его теплая гладкая кожа, мягкие волосы на ногах, прижимающихся к моим, его грудь, прильнувшая к моей, когда он лег на меня.

– Ты такой приятный, – прошептала я.

– Знаю... – Он покачал головой. – Я чувствую, что уделял всему этому слишком мало внимания в наш первый раз. – Он поцеловал меня. – Я нервничал и слишком торопился. Теперь я хочу наслаждаться каждой секундой.

Я протянула руку и погладила его член, наблюдая за лицом. Он приоткрыл рот, глаза помутнели.

– Ты предохраняешься? – спросил он, целуя меня в шею.

– Да.

– И ты не... – Он помолчал, переводя дыхание, а потом взглянул мне в глаза. – Ты ни с кем не...

У меня остановилось сердце.

– Я почти не выходила из квартиры, кроме как на работу. Ты всерьез меня спрашиваешь?

– Нет, – признался он. – Просто хочу, чтобы ты это сказала. Мне было так плохо, Руби. Одна мысль о том, что ты с кем-то встречаешься... ужас.

Он навис надо мной, закрыв от меня весь мир. Все, что я видела и чувствовала, – только его тело.

– В тот день я боялась, что ты пойдешь к Порции и займешься с ней любовью, – сказала я. Почему на эту тему говорить так легко сейчас, когда я чувствую его тепло, когда он в дюйме от того, чтобы войти в меня. – Уйдя из офиса, я думала только о том, что сегодня ночью ты можешь быть с ней. Мне кажется, я никогда в жизни так не рыдала.

– Руби...

– Я не сразу смогла выкинуть эту мысль из головы. Перестать чувствовать себя обманутой, перестать сходить с ума.

Он открыл рот, но я приложила палец к его губам.

– Не надо оправдываться. Вы много времени провели вместе, а со мной у тебя еще нет прошлого. С сегодняшнего дня я хочу двигаться дальше.

Он сдавленным голосом произнес:

– Жаль, что я вообще пошел к ней.

– Да.

Он поморщился и прижался лицом к моей шее.

– Руби, черт, прости... Я понимаю, что мы разговариваем... Но если ты не прекратишь ласкать мой член, я кончу.

Я тут же отпустила его, хихикнув.

– О боже! Найл! Я веду с тобой серьезные беседы и ожидаю, что ты внимательно меня слушаешь, и при этом глажу твой член и вожу им по...

Он перебил меня страстным поцелуем и двинул бедрами, одновременно проводя членом по моему клитору и давая мне понять, что с разговорами покончено.

Я скользнула руками вверх по его животу к груди, чувствуя под пальцами гладкую кожу, упругие напряженные мышцы. Он начал продвигаться все глубже, его кожа покрылась потом, дыхание стало прерывистым.

– Я на грани, – прошептал он, замуривая глаза.

– Я тоже.

Он посмотрел туда, где его член медленно двигался внутрь и наружу, и, войдя в меня до конца, прошипел:

– О господи, черт возьми.

Я совсем забыла это ощущение. Обняла его руками за талию, молча упрашивая дать мне секунду приспособиться.

– Все хорошо? – прошептал он, и я почувствовала, как дрожат его руки.

– Да. – Я изогнулась, чтобы поцеловать его шею, и приподняла бедра ему навстречу. У меня отчаянно заколотилось сердце, когда он снова начал двигаться. Сначала медленно, потом быстрее, когда понял, что я привыкла к нему. А эти звуки... о, эти звуки. Тихие стоны и выдохи, обрывки слов, которые заставляли меня чувствовать, что я принадлежу ему.

Его взгляд скользнул по моему лицу ниже, наслаждаясь тем, как моя грудь двигается в такт с его толчками.

– О да, любимая.

Он наклонился, целуя меня, но на самом деле это был не поцелуй. Его нежный открытый рот скользнул по моему. Я почувствовала его дыхание у себя на губах и языке.

– Я люблю тебя. – Я так сильно его люблю. Мне кажется, я родилась на свет, чтобы любить Найла Стеллу.

Его ладонь накрыла мою грудь, легко сжала, потом он наклонился и втянул сосок в рот. Провел рукой к бедру, попе, подтянул мою ногу выше на

свою талию. Его охватило нетерпение, и он отдался ощущениям. Глаза его были открыты, но в них читался такой туман, что меня охватил восторг от собственной власти.

Я крепко обняла его, и он застонал.

– Скажи мне, – выдохнул он. – Скажи, что делать.

– Быстрее.

Его толчки стали еще более интенсивными, и он так сильно сдавил мои колени, что я чувствовала каждый палец.

– Я хочу посмотреть.

Найл моргнул своими длинными темными ресницами, потом понял, чего я хочу, и отодвинулся. Я чувствовала каждый миллиметр, пока он выходил из меня.

Я протянула руку, нащупав его торчащий вперед влажный твердый член, и провела головкой по своему клитору. Потом еще, еще и еще. Я не хотела ни его рот, ни его пальцы. Я хотела кончить от его члена.

Оказавшись на грани, чувствуя, что на меня вот-вот нахлынет волна, я снова направила его в себя и услышала его стон, почувствовала его дрожь. Как только наши бедра столкнулись, он забыл обо всем и дал мне именно то, чего я хотела: чтобы он хорошенько трахнул меня в своей постели.

Я не сразу поняла, что кричу. Он двигался так сильно, что кровать со скрипом билась об стену.

Его спина была скользкой от пота, он прижался зубами в моему плечу, когда меня затопило наслаждение. И тут он тоже кончил, впиваясь пальцами в мои бедра и издавая хриплые стоны облегчения, которые я у него еще не слышала. Отныне я сделаю все, чтобы слышать их каждую ночь до конца дней моих.

Он медленно выровнял дыхание, лениво двигаясь вперед-назад и прижимаясь губами к моему подбородку.

– Чертовски хороший секс.

Я издала невнятный утвердительный звук.

– Оно твое, знаешь ли.

Моргнув, я уточнила:

– Что именно?

– Мое сердце, конечно, но и мое тело тоже. – Он тяжело дышал. – Мои руки, губы, член. Теперь это скорее твое, чем мое.

У меня в груди что-то сильно сжалось, дыхание перехватило. Его простые бесхитростные слова – это еще более интимно, чем его стоны удовольствия.

– Мне понравилось, как ты играла с моим членом. Мне нравится

мысль о том, чтобы ты кончила, пока я буду тереться о тебя.

– Да? – протянула я.

– Черт. Очень понравилось. И то, что ты просила быстрее. Я хочу, чтобы ты заставляла меня вести себя чуть-чуть непристойно.

– Лишь чуть-чуть? – игриво спросила я.

Он заглянул в мои глаза, и я увидела его уязвимость. Такие разговоры – в новинку для него.

Я потянулась поцеловать его, отчаянно желая сменить тон на более серьезный.

– Чего ты хочешь?

– Всего, – шепотом признался он. – Но я думаю... я не привык к откровенности в любви. Но я больше не хочу прятаться. Все это так ново для меня, и от этой новизны крышу сносит. Совсем другие ощущения.

– Имеешь в виду – физические?

– Имею в виду все. Разговаривать об этом во время секса. Чувствовать себя иначе во время секса.

Он все еще лежал сверху и был во мне, и на какое-то время у меня опять перехватило дыхание. Мы это делаем. Он во мне. Мы в его постели, в его квартире, и он сказал «да».

– О чем ты думаешь? – спросил он, целуя меня в шею.

– Просто... очень радуюсь тому, что мы снова вместе. Мне кажется, я сейчас взорвусь.

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась целой. И лежала подо мной голая и мокрая.

Я обняла его.

– Тогда лежи на мне всю ночь.

Он рассмеялся и опять поцеловал меня.

– Я люблю тебя, Руби.

Сколько раз Найл Стелла произнес мое имя, признаваясь в любви: один раз, и подсчет продолжается.

Благодарности

Некоторые книги рождаются легко, а другие требуют сочетания разных факторов: 1) забиться в угол, 2) съесть пирожное, 3) приковать себя к компьютеру, 4) поплакать, 5) пустить кровь, 6) пить крепкие напитки, 7) раскинуться звездой на полу, 8) увидеть Райана Горлинку и/или 9) принести в жертву девственницу.

Мы не утверждаем, что «Прекрасный секрет» потребовал применения всех этих стратегий, но и не станем утверждать обратное.

Так что в первую очередь мы благодарим редактора Адама Уилсона и нашего агента Холли Рут, которые помогли нам придать этой книге форму. Без вас обоих не было бы Кристины Лорен, и мы вспоминаем об этом каждый день. Эта книга появилась на свет только благодаря усилиям прекрасной команды.

Спасибо бесценной Кристине, нашей надежде и озорнице. Спасибо, что выслушивала нас, держала нас в узде, показывая нам пародийные трейлеры на YouTube, и помогла нашим книгам попасть в правильные руки. Ты так добра к нам.

Спасибо, Эрин, за то, что ты всегда, всегда контролируешь, чтобы у нас все получилось. Спасибо, Тоня, за твои честные рецензии, отзывы и порнографические гифки в нужный момент. Спасибо, Сара Дж. Маас, за энтузиазм, который позволил нам выдохнуть, и за финальные рекомендации, которые позволили довести эту книгу до совершенства. Спасибо Элис Клейтон и Нине Бокки за уродливые селфи и смски, которые помогали нам продержаться в самые трудные времена. Спасибо, Дрю, за то, что каждый день бдила за обязанностями команды КЛо; Джен за самые лучшие промо, о которых могут мечтать две девушки; Хелен за помощь с британскими диалогами и географией Лондона; и Хитер Дон, королеве графики.

Нашим близким: спасибо вам, Джен Бергстром, Луиза Бурк и Каролин Рейхи за то, что вы самые лучшие подруги для дам, пишущих эротические романы. Спасибо, Джен Робинсон, Лиз Псалтис, Диана Веласкес, Трей Бидинджер, Джон Вэйрос, Лиза Литвак, Эд Шлезингер, Эбби Зидл, Джин-Энг Роуз, Лорен Маккенна, Стефани ДеЛюка и вам, хотя вы нас покинули, Жюль Горбачевский и Мэри Маккью. Надеемся, вы чувствуете нашу любовь. На самом деле нам довольно трудно так пресмыкаться перед вами, но вы этого достойны.

Блогеры, рецензенты, читатели и коллеги-авторы: благодаря вам писательское сообщество – это лучшая в мире песочница. Спасибо, что даете нам возможность играть в ней.

И наконец, спасибо нашим терпеливым мужьям, трем самым чудесным детям, которые знают, что не надо упоминать названия наших книг в школе. И друг другу. Писать эти книги – лучшее занятие в мире. Нам оставалось только сделать друг другу массаж, чтобы пожениться, но теперь нет даже этого препятствия.

notes

Примечания

Речь идет о статуях американского художника, фотографа и скульптора Джима Дайна. Все они копируют знаменитую статую Венеры Милосской, только без головы и в разном размере.

Food Network – популярный кулинарный телеканал.